ПИОНЕР

7 1987

ISSN 0130—8009

Думаю, среди вас, ребята, не найдется ни одного, кто бы с первого взгляда не узнал этих мест. Да, это Разлив. Тот самый Разлив, где ровно семьдесят лет назад скрывался от полицейских ищеек Владимир Ильич Ленин.

Первый раз я попал сюда довольно давно. Тогда здесь еще многое сохранилось в том виде, как было при Ленине. Типичный для петербургских предместий дом, где ютилась многочисленная семья Николая Александровича Емельянова, некрашеный дощатый сарай, густо насаженные вдоль забора деревья... На лодке через широкую протоку легко можно выйти к озеру Сестрорецкий Разлив. Вполне подходящее и надежное убежище от чужих глаз.

В тот мой приезд стояла такая же, как и в июле семнадцатого, жара. Мы укрылись с Николаем Александровичем Емельяновым и его женой Надеждой Кондратьевной в тени деревьев и беседовали. Их память хранила многое...

— Наши сыновья быстро с Владимиром Ильичем подружились,— вспоминал Емельянов.— Старались ему хоть чем-нибудь помочь. И помогали...

Представьте себе, мальчишки тогда получили самое настоящее конспиративное задание. Ильичу нужны были все выходящие в Петрограде газеты. Емельяновы-младшие взялись их добывать. В разных местах. Каждый в отдельности. Иначе нельзя. Ведь мог возникнуть вопрос: «С чего это вдруг Емельянову понадобилось столько газет?»

А однажды ребята притащили из леса вырванный с корнем дубок. Николай Александрович стал их всячески отчитывать, но тут вмешался Владимир Ильич. Улыбнулся и сказал: «Да стоит ли так расстраиваться и ругать ребят?! Дубок все равно вырван. Давайте-ка его лучше посадим, может, и приживется!»

— Представьте себе, прижился,— закончил свой рассказ Емельянов. Он поднялся и подвел меня к краю участка, что выходит к пруду.— Вот. И сейчас растет...

В прошлом октябре я вновь посетил Разлив. Дуб, теперь почти семидесятилетний, шевелил мощной раскидистой кроной. Осень уже успела прибрать с соседних деревьев последние листья, а на нем они еще держались, о чем-то перешептываясь с ветром. Быть может, о человеческой доброте... О памяти...

Да, здесь все напоминает о Ильиче. И летняя кухонька с печкой, и самовар, и лестница, по которой он поднимался на чердак, где обычная охапка сена становилась его постелью, а маленький стол с хлипкими венскими стульями — кабинетом. А неподалеку, за озером, у «семи камней», Емельянов арендовал сенокосный участок. Туда в конце июля под видом финна-косца и перебрался Владимир Ильич...

Фотография М. ВЫЛЕГЖАНИНА.

КОНЕЦ ДВОЕВЛАСТИЯ

Теперь, пожалуй, пришла пора ответить на вопрос: почему же Ленин, человек, которого еще совсем недавно встречало на Финляндском вокзале чуть ли не пол-Петрограда, лидер партии, имевшей свои места в Совете, и сам член ЦИК, вдруг вынужден был скрываться, искать убежище на берегу пустынного озера?

Конечно же, самая главная причина та, что буржуазии и ее эсеро-меньшевистским приспешникам совсем не по душе оказались непреклонная революционная позиция большевиков, их твердая линия на передачу власти Советам, их отказ сотрудничать с соглашателями, их растущая популярность в народе. Но одно дело ненавидеть, а другое — подвергнуть гонениям партию, насчитывающую около 240 тысяч членов и еще большее число сторонников. Для этого необходимо было найти более или менее убедительный повод. И враги революции его упорно искали.

2 июля из Временного правительства демонстративно вышли кадеты. Этим они как бы ставили эсерам и меньшевикам ультиматум: мол, посмотрим, как вы обойдетесь без нашей, то есть без отечественного и зарубежного капитала, помощи?

Революционные массы прекрасно разобрались в сути маневров кадетов и потребовали от Совета решительных действий. Первая вспышка возмущения произошла в 1-м пулеметном полку. Солдаты волновались: «Нечего больше ждать! Долой!» И призывали к немедленному выступлению. Большевики убеждали, что оно не подготовлено, а потому несвоевременно, что нельзя поддаваться на провокацию. Но переубедить солдат было невозможно. Они отправили своих делегатов на Путиловский, на заводы «Русский Рено», «Новый Лесснер», в Кронштадт, в воинские части Петрограда...

3 июля у особняка Кшесинской собралась многотысячная толпа. Демонстранты требовали перехода власти в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, свержения Временного правительства. И снова большевики призывали к спокойствию и выдержке, к возвращению в казармы и на заводы, говорили о возможных провокациях со стороны буржуазии. Но тщетно. И тогда ЦК РСДРП(б), видя, что выступление предотвратить невозможно, решает направить народное возмущение в русло мирной демонстрации.

4 июля такая демонстрация состоялась. Она проходила под большевистскими лозунгами. А участвовало в ней до 500 тысяч человек. Шли мирно, организованно. Но на улицах их встретили пулеметы. Стреляли юнкера и офицеры. Стреляли по приказу Временного правительства и с согласия лидеров ЦИК. Так была расстреляна надежда на мирное развитие революции. До 4 июля еще можно было говорить о мирном переходе власти в руки Совета. Кровь четырехсот убитых и раненых, обагрившая в этот день петроградские мостовые, сделала такой переход невозможным.

А 5 июля в черносотенной газете «Живое слово» появляется фальшивка о связи Ленина с германским генеральным штабом. Для чего она понадобилась — понятно. Ведь если это так, то не стоит труда объяснить неудачу июньского наступления на фронте. Все ясно — виноваты большевики, ставшие немецкими шпионами и развалившие армию и тыл. И совсем уж удобно обвинить «шпионов» в организации «июльских беспорядков». Теперь большевиков можно представить уже не политической партией, а кучкой «германских агентов». Разговор же с агентами в условиях военного времени, как известно, церемоний не требует.

И на большевиков обрушиваются репрессии. Разгромлены типографии газет «Правда», «Солдатская правда», «Труд». ЦК и Петроградский комитет вынуждены освободить особняк Кшесинской. Расформированы воинские части, где особенно сильно было влияние большевиков. Разоружаются отряды рабочей самообороны. Начинаются повальные обыски и аресты. Был отдан приказ и об аресте Ленина.

Вот поэтому Владимиру Ильичу и приходилось скрываться. Поначалу на конспиративных квартирах в городе, потом — в доме Емельяновых, а чуть позже — в Разливе. Нет, он не боялся ареста. И был твердо уверен, что не оставит в суде камня на камне от смехотворных обвинений в шпионаже и организации вооруженного выступления 3—5 июля, которые ему предъявлялись Временным правительством. Он даже собирался явиться на этот суд. Но Центральный Комитет решительно высказался против. Никто не мог гарантировать, что контрреволюционеры еще до суда не учинят физическую расправу над лидером большевиков.

Да, реакция открыто перешла в наступление. Свобода слова, печати, собраний заменяется разгоном демонстраций и разгромом большевистских газет. Верховным главнокомандующим назначается известный своими монархическими настроениями генерал Корнилов. На фронте возобновляется смертная казнь. Поднимают голову черносотенцы. В своих газетах они открыто призывают к реставрации монархии. Двуглавый имперский орел, которого Временное правительство оставило на своей печати, расправлял свои крылья...

И вот в этих условиях собирается VI съезд большевистской партии. Он открывается 26 июля на Выборгской стороне в здании бывшего Сампсониевского братства, чтобы обсудить создавшееся положение, выработать линию на будущее. Ленин не присутствует на съезде. И все же он руководит его работой. Руководит из Разлива...

Владимир ЛУЦКИЙ.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ИЮЛЬ 7

Москва 1987 г. ● Издательство «Правда»

ГОД 1917ый

Мы:

«Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить лозунг: «Вся власть Советам!» Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда».

(Из воззвания Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), Военной организации при ЦК РСДРП(б), Межрайонного комитета РСДРП(б), Исполнительной комиссии рабочей секции Совета рабочих и солдатских депутатов. 4 июля 1917 г.)

Они:

«Доношу: к 4 часам утра 5 июля я получил словесное приказание обезоружить всех находящихся в редакции газеты «Правда» солдат, а также захватить переписку и документы.

Означенное поручение было мною выполнено. Документы и 10 винтовок доставлены моими людьми в штаб».

(Рапорт начальника 2-го отряда добровольцев поручика Стуканцева генерал-майору П. А. Половцеву. 5 июля 1917 г.)

Они:

«Ввиду исключительной серьезности переживаемой минуты, когда все мысли должны быть направлены исключительно к спасению родины от австро-германцев с оружием в руках, приказываю:

1) Воспретить всякого рода митинги в сфере боевых действий, и в случае попыток собрать таковые, считать их незаконным сборищем и рассеивать оружием.

2) Означенное запрещение считать боевым приказом, не подлежащим никакому обсуждению, не исключая и комитетов».

(Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта Л. Г. Корнилова. 9 июля 1917 г.)

Мы:

«Товарищи рабочие и солдаты! Мы призываем вас к спокойствию и выдержке! Не давайте злобствующей реакции никакого повода обвинять вас в насилиях, не поддавайтесь на провокацию. Никаких выступлений на улицы, никаких столкновений!.. Стойкость, выдержка и спокойствие — таков наш пароль!»

(Из воззвания Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б), Военной организации при ЦК РСДРП(б) и Межрайонного комитета объединенных социал-демократов интернационалистов. 6 июля 1917 г.)

Мы:

«Мы не сомневаемся ни на минуту, что и выстрелы в демонстрантов носили чисто провокационный характер.

Буржуазия в борьбе со своими противниками не брезгует ни прямыми доносами, ни клеветой, ни арестами, ни расстрелами, чтобы внести разложение в среду рабочих и солдат. Против вождей нашей партии, против передовых борцов рабочего класса выдвинуто гнусное, чудовищное, нелепое обвинение в шпионстве.

...Нас хотят подвергнуть всяческим гонениям, на нас натравливают темные несознательные массы. Наша задача в разъяснении этим массам истинного смысла травли. Мы должны еще теснее сплотиться вокруг своих знамен».

(Из листовки Петербургского комитета РСДРП(б). Не ранее 9 июля 1917 г.)

ИЮЛЬ

Мы:

«Вслед за отчетом ЦК партии на повестке дня съезда стояли доклады с мест. Были заслушаны доклады московской, петроградской, уральской, закавказской и других партийных организаций. За три месяца — от Апрельской конференции до VI съезда — число партийных организаций выросло с 78 до 162, а количество членов партии возросло за это время втрое — с 80 тыс. до 240 тысяч».

(Из воспоминаний большевика Н. П. Растопчина о VI съезде РСДРП(б).)

Они:

«Министр иностранных дел сообщил мне сегодня, что Керенский, который видел вчера императора, условился относительно его отъезда в Тобольск во вторник. Я выразил надежду, что в Сибири свобода императора не будет так ограничена, как в Царском Селе, и что ему разрешат свободу передвижения».

(Из телеграммы английского посла Бьюкенена министру иностранных дел Бальфуру. 12 июля 1917 г.)

Они:

«...Корнилов произвел... хорошее впечатление. Он железной рукой восстанавливает дисциплину, приказал расстрелять сотню солдат... Он расстрелял также несколько захваченных немецких офицеров, у которых были найдены прокламации с пропагандой мира...»

(Из телеграммы Бьюкенена Бальфуру. 29 июля 1917 г.)

Мы:

«Теперь положение таково. Мы временно без газеты. Надеемся все же на днях наладить таковую. Настроение в Питере бодрое. Растерянных нет. Организация не разбита. На бывших частичных перевыборах продолжаем одерживать верх. Выиграно несколько мест: у Путилова — 2, на Франко-Русском все 7 человек (было только 2 большевика) наши и т. д.

Съезд не откладываем. Соберемся 25-го. Просим направлять делегатов в Питер. Адрес: Б. Сампсониевский проспект, № 62, Районный комитет».

(Из письма Центрального Комитета РСДРП(б). 15 июля 1917 г.)

Они:

«Большинство собрания признало:

...3) Необходимость изъятия политики из армии, воспретить митинги, собрания, запретив участие военнослужащих в политических обществах.

4) Необходимость воспретить вредную агитацию в войсках и распространение вредной литературы.

5) Военно-революционные суды и смертную казнь распространить на тыл».

(Из постановления совещания в Ставке главнокомандующих с членами Временного правительства. 16 июля 1917 г.)

Мы:

«Пока охранники, собаки и сыщики были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работой VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища».

(Из воспоминаний большевика А. В. Шотмана.)

Юрий МОГУТИН

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ СЛЕДЫ

Родные места

За лугами, за речушкой,
В окруженье палисадов,
Притаилась деревушка,
Разбрелось в луговьях стадо.

Непоседа пастушонок,
Полководец войск телячьих,
Сам, как радостный теленок,
Через куст зеленый скачет.

Мать его белье полощет,
Облака в реке взбивая.
Над задумчивою рощей
Гомонит воронья стая.

И бежит, спешит речонка
Мимо зарослей кудлатых,
Мимо стада, пастушонка,
Чуть ворча на перекатах.

Зеленеет луговина.
Плачет чибис у болотца.
Немудреная картина
Милой Родиной зовется.

Соль

Солнце рыжую заплатку
Положило на палатку,
Заглянуло внутрь палатки,
А в палатке все в порядке.
А в палатке — чистота,
Чистота да пустота.
Человек ее покинул —
Сумку за спину закинул.
Он идет тропой звериной,
Соль из сумки достает.
На каменья и лесины
Аккуратно соль кладет.
А когда ночные тени
Загустеют над тайгой,
Осторожные олени
Побредут на водопой.
Шелковистыми губами
Соль с каменьев соберут
И несытыми глотками
Соль водой речной запьют.

Почту принесли!

Без дороги по болоту,
Сквозь валежник и кусты,
Шел тайгой упрямый кто-то...
Видишь? Вдаль ведут следы.

Сообщают нам следы:
Кто-то был обут в унты,
Нес тяжелую поклажу
(С грузом труден дальний путь),

Но в пути ни разу даже
Не присел он отдохнуть.

Впрочем, тот упрямый кто-то
Повстречал в тайге кого-то,
И один из них сказал:
— Может, сделаем привал?

И под вечер на привале
Эти двое пировали.
Пировали-чаевали,
А потом заночевали.

Рано утром, на заре,
Вниз ушли по Ангаре.
Наконец пришли в бригаду.
Их спросили:
— Как дошли? —
Им в бригаде были рады:
— Почту, почту принесли!

Улыбались лесорубы,
Сняли шапки,
Сняли шубы
И читали до утра
Письма близких у костра.

Северное такси

В городах авто сейчас
Мчат, сверкая лаком,
А на Севере у нас
Ездят на собаках.

Не нужны им гаражи
И бензоколонки.
Во все стороны лежит
Путь упряжек звонких.
А случится пурговать
Нарте с седоками,
И свернутся лайки спать
Серыми узлами.

Заметает их метель,
Но каюры знают:
Не плоха в снегу постель
Под боком у лаек.

День и ночь они бегут
От Оби до Юкона,
А наградою за труд —
Вяленая юкола.

В поте трудятся они.
У собак призванье:
Сокращать между людьми
В тундре расстоянье.

Зимовье

Дом построен
В несколько рук:
Пришел охотник,
Срубил сруб,
Сделал крышу,
Чтобы не мокнуть.
Другой в доме
Прорубил окна.
Третий в нем
Навесил дверь,
Чтобы в дом
Не забрался зверь.
Для обогрева
Сладили печь,
Рядом — нары,
Можно прилечь.
Заходи,
Живи хоть век
Всякий добрый
Человек.
Приготовлены в домишке
Соль,
Огниво
И дровишки.
Есть на полке сухари,
Если голоден — бери.
Грейся.
Пей спокойно чай.
И пургу пережидай.
Отдохнешь — и снова в путь.
Только, чур, не позабудь
Заготовить впрок дровишки
И оставить соль в домишке,
Поделиться и едой —
За тобой придет другой,
Будет ждать конца пурги.

Уж таков закон тайги.

Рисунок А. ГРИШИНА.

Борис КАМОВ

МАЛЬЧИШКА-КОМАНДИР

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Окончание. Начало в № 6.

Рисунки М. ПЕТРОВА.

«И я заменил его»

Когда Голиков с товарищами вернулись в Киев, стало известно, что обстановка на фронте резко ухудшилась. Петлюра приближался к городу, поступил приказ: произвести досрочно всех курсантов в командиры и направить рядовыми на фронт. Исключение сделали для нескольких человек. Аркадий Голиков был назначен командиром взвода, а его друг, Яша Оксюз, — командиром полуроты.

Вечер застал полуроту Оксюза в Кожуховке близ станции Боярка, в тридцати километрах от Киева. Разведка доложила, что белых поблизости нет.

После прощального бала, который закончился к утру, и дневного марш-броска по августовской жаре все изрядно устали. И Оксюз, расставив посты, приказал бойцам разойтись по хатам, справедливо полагая, что другой случай отдохнуть представится уже не скоро.

Голиков обошел дома, где поселился его взвод, выбрал себе место на сеновале и вернулся на часок в избу к Оксюзу. Яшка был расстроен прощанием со своей женой Надей. Они поженились месяц назад. На глазах у всех Надя сегодня утром плакала, не хотела отпускать Яшку, просила взять ее с собой. И целый день эта сцена не выходила у него из головы.

Когда вернулся Аркадий, Яшка сидел за столом и дописывал Наде письмо.

— Давай пить кислое молоко,— предложил Яшка, завидев Аркадия. Он разлил молоко по кружкам, придвинул тарелку со свежим хлебом и другую — с яблоками. Яблоки были крупные, спелые. Казалось, они просвечивают.

За окном уже начало светать, когда они закончили беседу. Аркадий поднялся и сказал:

— Хорошо бы проверить посты.

— Чего ж их проверять — свои ж ребята. Еще обидятся. Спи давай. Уже вставать скоро.

Только они заснули — ударил взрыв. Раскатисто рванула граната. Торопливо, растерянно, вразнобой забухали винтовки.

— Откуда стрельба, зачем граната, мы же только легли? — ошалело пробормотал Яшка, соскакивая с печи. С закрытыми глазами, которые попросту не разлипались, он начал наматывать портянки и натягивать новые, туго налезающие сапоги.

— Поймем на улице,— ответил Аркадий, защелкивая ремень с кобурой и вешая через плечо тяжелую сумку.

Выскочив из хаты, они увидели, что из соседних домов выбегают товарищи и мчатся в сторону церкви, откуда слышалась стрельба.

Выхватив из деревянного футляра маузер, Оксюз припустил вдоль дороги, опередив всех, а затем, сокращая путь, перемахнул через плетень, боком продрался через тесно посаженные колючие кусты, с которых уже начала осыпаться малина. За ним бежали Аркадий и другие бойцы.

Застучал навстречу пулемет. Он бил короткими деловитыми очередями. И пули стайками засвистели над головой.

Яшка, услыша пулемет, даже не пригнулся, целиком поглощенный тем, чтобы поскорей добежать до редкой цепи и понять, что произошло. Снова перемахнув через плетень, он очутился на картофельном поле, за которым на серых могильных плитах, на подступах к белоснежному собору пестрели спины в новых командирских френчах. То была наша цепь, которая пока удерживала невидимого противника.

Тут Голиков заметил, что за собором мелькнули фигуры в солдатских гимнастерках. Значит, напала не банда — петлюровцы.

Аркадий бежал следом за Яшкой, испытывая невольную вину за то, что все так нелепо обернулось. Огонь петлюровцев сделался сильней, но опасней всего сейчас был невидимый пока пулемет, очереди которого стали продолжительней и торопливей.

Внезапно сквозь повисший над огородом туман Голиков различил беглые, короткие огоньки. Они вспыхивали на копне сена, водруженной на арбу.

В сене был спрятан пулемет, который нужно было заставить замолчать. Яшка продолжал бежать, высоко задирая ноги и перепрыгивая через густую рослую ботву, а Голиков взял правее, на ходу нащупывая в сумке лимонки. Он терпеть не мог носить их на поясе. Расстегивая на бегу сумку, Аркадий вспомнил, что у него на две гранаты один запал. Другой он где-то выронил. Значит, граната у него, по сути, одна.

Внезапно краем глаза Аркадий заметил, что Яшка споткнулся и, вытянув руки, с размаху подетски беззащитно упал на грядки. Голиков представил, как у Яшки захватило дыхание от падения плашмя на живот.

Высоко задирая ноги, чтобы тоже не споткнуться, Голиков взял еще резче вправо, не выпуская из поля зрения Яшку и удивляясь, что Оксюз, всегда такой проворный и ловкий, не спешит вскочить и странно копошится, будто что-то потерял в ботве.

«Вывихнул, наверно, ногу, не может встать»,— с досадой подумал Голиков. Оставить Яшку в таком положении было нельзя. И Аркадий повернул к Оксюзу. Новая струйка пуль из пулемета пронеслась совсем близко. Аркадий кинулся на землю и пополз вдоль грядки. Но двигаться ползком не было времени. Голиков снова вскочил и бросился

к другу. Яшка продолжал лежать на животе, делая неловкие усилия подняться.

— Что с тобой? — спросил Голиков, помогая Яшке перевернуться на спину, и увидел, что сукно Яшкиного френча намокает над карманом.

— Беги,— с трудом произнес Яшка. Струйка крови вытекла из угла его рта.

Аркадий почувствовал, что внутри у него все каменеет от горя. Яшка был первым и единственным его другом, которого он приобрел в армии...

Несколько пуль, срубив стебли ботвы, ударили в соседнюю грядку. Пора было кончать с пулеметом, но оставить Яшку Аркадий не мог. Он оглянулся, ища, кому бы его передать, и увидел, что товарищи, которые бежали за ним и Яшкой, тоже остановились в нерешительности и с жалостью смотрят на Оксюза. Ранение командира оборачивалось катастрофой. Голиков понял это раньше других. Громко, как никогда, он крикнул:

— Слушай мою команду! Вперед! За нашего Яшку! — И, не оглядываясь, побежал, слыша, что товарищи бегут за ним и даже обгоняют его. Он снова крикнул: — Вперед! Вперед! — А сам взял резко вправо, в сторону акации и старого клена, возле которых стояла проклятая арба с сеном, находчиво оборудованная под пулеметное гнездо.

Голиков бежал по картофельному полю и только метрах в пятидесяти от акаций упал на землю и пополз поперек грядки, радуясь тому, что здесь высокая ботва и она прикрывает его от чужих глаз.

Возле собора чаще и ожесточенней заухали винтовки, раскатисто ударили гранаты. Голиков догадался, что петлюровцы усилили натиск. Следовало поторапливаться, но и особенно спешить он не мог. Пулемет продолжал свою безостановочную и безнаказанную работу. Голиков пожалел, что никого не позвал с собой и не сказал про арбу, но делать это сейчас было поздно.

Со вчерашнего вечера Яшка и он наделали массу ошибок. Яшка потому, что был расстроен. Он, Голиков, оттого, что переживал за Яшку. И теперь ценой чего угодно требовалось изменить положение. Иначе им всем несдобровать, а помощи сегодня ждать было неоткуда.

Справа огород огибал двор храма и выходил, по сути, в тыл арбе, которая стояла в тени очень старого изогнутого клена. Если бы Аркадий прополз еще метров десять, он бы зашел в тыл пулеметчику, но в этот момент из-за клена высунулся бородатый мужик в старом картузе, с карабином в руках. Видимо, это был подводчик из тех местных крестьян, которые днем пахали и сеяли, а с наступлением темноты отправлялись в банду или помогали кому придется в надежде на поживу. И сейчас под кленом мужик, возможно, ждал, пока пулеметчик вернет арбу.

Заметив, что шевелится ботва, мужик взвел затвор и что-то сказал пулеметчику, но тот, вероятно, не расслышал. Этот полубандит-полукуркуль мог сейчас испортить всю обедню. Голиков достал из кобуры пистолет, изготовил его к стрельбе, затем вынул из сумки лимонку, извлек из гнезда для карандашей запал, зарядил гранату. Ее можно было бросать, осталось лишь выдернуть чеку, если бы не мужик с карабином, который затаился поблизости. Голиков перестал его видеть, был готов рискнуть и привстать, но опасался, что из-за мужика бросок получится неточным, а граната у него была одна.

Тогда он положил гранату на землю, взял в освободившуюся правую руку маузер, а левой, держа сумку за самое донце, покачал ботву. В тот же миг из-за клена высунулся дядька с карабином у плеча: так, надо полагать, он подкарауливал в своем саду мальчишек, когда они лезли за яблоками. Но теперь его оружие было заряжено не солью. И едва заметив колыхание ботвы, он выстрелил. Голиков нажал спуск маузера, и мужик пропал. Был ли он ранен или спрятался, Аркадий не увидел. И снова поднял сумку — мужик не появился.

Тем временем Голиков заметил, что цепь курсантов отвечает все реже. Кончаются патроны? Или мало осталось народу? Но как бы там ни получилось, он не имел сейчас права промахнуться.

Аркадий снова переложил пистолет в левую руку, взял гранату, выдернул чеку и приподнял голову.

Он не увидел мужика в картузе, но зато разглядел пулеметчика. Тот лежал на брезенте поверх сена, рядом с ним тускло поблескивали коробки с лентами. Сосредоточенно глядя в прорезь щитка, пулеметчик стрелял, медленно поводя стволом.

Голиков привстал и легким движением, как он это делал, играя в лапту, кинул гранату высоко вверх, а сам бросился на землю. Он видел, как лимонка описала дугу, успел услышать, что она брякнула о цинковую коробку, испугался, что пулеметчик сейчас ее просто сбросит. Но тот либо растерялся, либо не успел — ударил взрыв. Голиков вскочил, закричал «ура!» и, размахивая маузером, побежал к собору. Его «ура!» поддержало еще несколько голосов. В утреннем воздухе под раскаты выстрелов они прозвучали не совсем убедительно, однако Голиков увидел, что курсанты поднялись с земли. Вскочили и петлюровцы и начали, стреляя на ходу, отступать.

Уже не рискуя сегодня больше воевать в одиночку, Голиков присоединился к товарищам. За оградой он невольно остановился. Возле самой дороги лежал убитый в новом френче. Это был часовой. Из его спины торчал остро отточенный нож. Таким в здешних домах нарезали хлеб и закалывали кабанов. И Голиков вспомнил мужика в картузе с карабином. Возможно, это была его работа. В откинутой руке часового было зажато кольцо от гранаты. Ударив ножом, петлюровцы посчитали его убитым, а парня еще хватило на то, чтобы взорвать гранату и предупредить товарищей. Иначе полуроте пришлось бы совсем плохо.

И вдруг Аркадия словно ожгло: «Яшка! Ранен Яшка!» Он крикнул:

— Отнесите убитого к собору! — И побежал обратно.

Оксюз лежал на том же месте, где Голиков его оставил. Возле него уже стояли Федорчук и Стасин.

Аркадий опустился на землю.

— Яшка, ты как, Яшка? — спросил Голиков, не замечая, что слезы бегут по его лицу.

— Не трожь, он уже кончается,— остановил его Федорчук.

23 августа 1919 года на закате бывшие курсанты похоронили убитых. Сухо треснул троекратный залп.

После этого бойцы собрались недалеко от собора на краю картофельного поля, откуда Голиков швырнул свою гранату. В любой момент мог вспыхнуть новый бой.

— Хлопцы,— сказал Федорчук,— нового командира треба выбрать.

— А чего нам его выбирать? — удивился Левка

Демченко.— Мы все стояли, как растютюи. Один Голиков не растерялся. Ему и быть.

— Даю себе отвод,— поднялся Голиков.— Я допустил много ошибок.

— Кто за то, чтобы принять отвод? — спросил Федорчук. Поднялись две руки.— Проверять посты, Аркадий, ты еще научишься. А находчивости мы будем учиться у тебя. Мы тут все командиры. И ты моложе всех. А не растерялся, когда убили Оксюза, первым ты. Кто за Аркашку?.. Товарищ Голиков, полурота назначает вас своим командиром.

Новому командиру было пятнадцать лет и семь месяцев.

...А через неделю он стал уже ротным.

Семнадцатилетний комполка

Весной 1920 года Голикова послали учиться в Москву, в Высшую стрелковую школу командного состава РККА. Сокращенно ее называли «Выстрел».

Аркадия зачислили на отделение командиров рот, куда принимали обнаруживших способности рядовых, в лучшем случае взводных. Однако на первых же занятиях выяснилось, что Голиков мгновенно, быстрее всех решает задачи по тактике. Обладая завидной памятью, он на занятиях цитировал целые страницы военных учебников, которые изучал еще на Киевских командных курсах. На даровитого слушателя обратили внимание. И через месяц состоялось решение о переводе Аркадия Голикова на отделение командиров батальонов.

Но и здесь повторилось то же самое. Он не только легко постигал и запоминал теорию (что давалось далеко не всем, подготовка у многих была слабая), но и приводил случаи из своего уже немалого боевого опыта. На занятиях по тактике Голиков ссылался на примеры удачных и ошибочных решений под Киевом, Лепелем, Адлером, точно указывая, что давало правильное решение и какой урон причиняли ошибки. В этих разборах Голиков не щадил и себя: он не отвечал урок — он готовился к будущим боям. И пользовался редкой возможностью осмыслить былые ситуации в присутствии опытных командиров, взглянуть на недавнее прошлое их глазами.

И опять заседала мандатная комиссия. Шестнадцатилетний Аркадий Голиков был снова переведен, теперь уже на тактическое отделение, которое готовило командиров полков.

Из школы «Выстрел» его выпустили досрочно. Хотя Голиков закончил отделение, где готовили командиров полков, ему присвоили звание «комбат». Мандатную комиссию в последнюю минуту смутило, что человеку лишь две недели назад исполнилось семнадцать лет. И сразу полк?! Не закружится ли у мальчишки голова? Не наломает ли дров? Голикова решение мандатной комиссии обрадовало. В полковые командиры он пока что не рвался, понимал, что должность эта очень трудная.

В Воронеже Голиков получил резервный батальон. Аркадий был доволен тем, что побудет какое-то время в тылу и получит возможность освоиться в новой должности. И он трудолюбиво осваивался с нею... три дня. На четвертый его пригласил к себе Александр Константинович Александров, командующий военным округом.

— На Тамбовщине, как вы знаете, Антонов поднял мятеж. Вчера поступили сведения, что мятеж в поддержку Антонова готовился и у нас в Воронеже. Арестованы командир 23-го полка и группа командиров из числа бывших офицеров. Командование 23-м полком я хочу поручить вам.

— А полк большой?

— Не особенно. Четыре тысячи штыков. Без малого.

— И арестованы все командиры?

— К счастью, не все. Есть отличные люди, преданные революции. Но я бы не хотел рисковать и выдвигать кого-либо из них.

— Я могу подумать?

— Конечно. Только приказ уже подписан.

Диверсия

Голиков принял полк, в котором он не знал ни одного человека. И не мог в этой ситуации сам себе ответить, кому из оставшихся командиров он может полностью доверять.

В первый же день Голиков обнаружил, что в 23-м полку плохо поставлена караульная служба, никуда не годится питание, установил, что царит подозрительная неразбериха на продовольственном и оружейном складах. На склады он сразу направил сотрудников особого отдела.

Новый комполка посетил тифозные и холерные бараки, где главный врач полка с необычной фамилией Де-Ноткин сказал, что обстоятельства, при которых в полку объявилась холера, ему кажутся весьма странными.

Голиков начал энергичную работу, чтобы навести порядок. И полк за короткое время преобразился.

Пять рот двигались по улицам города.

Голиков и комиссар полка Березин сопровождали колонну верхом. Это были первые пять рот, которые они отправляли на борьбу с бандами Антонова.

К Голикову на вокзальной площади подбежал расстроенный начальник станции — лет пятидесяти, тщательно и гладко выбритый.

— Прошу извинить,— сказал он, неумело поднося руку к козырьку своей железнодорожной фуражки.— Нет локомотива. Еще вечером паровоз был совершенно исправен, а утром бригада стала разводить пары...

Аркадий Петрович кивнул. Он читал разведсводку по состоянию на восемь утра. В ней сообщалось о диверсии в депо, расследованием которой уже занималась железнодорожная ЧК. В утренней спешке это сообщение никак не связалось в сознании Голикова с предстоящей отправкой рот его полка. И вот...

— Новый локомотив прибудет часа через полтора,— закончил начальник станции.

— Попрошу, если появится возможность, ускорить отправку,— на всякий случай сказал Голиков.

Красноармейцы, сложив в кучи заплечные мешки, составив в козла винтовки и выделив часовых, разошлись по площади.

Комиссар отправился в местную ЧК узнать, не прояснилось ли, кто организовал взрыв на паровозе. А командир полка остался на площади. У него было предчувствие, что уходить не следует.

Отправка пяти рот была задумана в штабе округа как секретная операция. Приготовления к ней до последнего часа держались в тайне. И то, что взорванным оказался паровоз, которому предстояло везти подкрепление против мятежников, свидетельствовало, что о секретной операции знали люди Антонова.

Формально от Голикова требовалось одно: посадить пять рот в теплушки. Как только эшелон отойдет от платформы, вся ответственность за отправленные роты ляжет на командование Тамбовской губернии. Но странно: возникшая в душе Голикова тревога не пропадала, а нарастала.

Еще с той поры, когда он служил адъютантом у Ефимова, Голиков знал, что можно подстроить на железной дороге. А все прочитанное им по теории и практике разведки и диверсионной деятельности свидетельствовало о том, что утренняя диверсия была задумана неглупо (вспомнились слова доктора Де-Ноткина, что «за спиной бандитов стоят весьма просвещенные люди»).

В тендер паровоза была подброшена сильная мина, замаскированная под внушительный кусок угля. Видимо, предполагалось, что она попадет в топку на перегоне Воронеж — Тамбов. Но мина попала в топку, когда паровоз только начали разогревать. План оказался несовершенен. Учитывали люди Антонова уязвимость плана? Если считать, что враг глупей тебя, то нет. А если смотреть правде в глаза, то должны были учитывать, что

Яшка Оксюз лежал на том же месте, где упал во время боя. Возле него стояли Федорчук и Стасин.
— Яшка, ты как, Яшка? — спрашивал Голиков, не замечая, что слезы бегут по его лицу.

мина в прямом и в переносном смысле может не сработать. На этот случай, Голиков знал из практики, должен существовать запасной вариант с иным принципом действия. План-ловушка, призванный сработать совершенно безошибочно. Безосечковый план.

И по мере того как приближалось время посадки, он кожей ощущал, что упускает минуты. У него появилось желание поделиться своими мыслями со знакомыми ребятами из железнодорожной чрезвычайки. Но чекистам нужны были факты. Неясностей и предположений им хватало и без него.

Комиссар не возвращался. Видя озабоченность на лице командира, верный его ординарец Дядька отдал подержать коней бойцу, а сам, сняв с плеча карабин, присоединился к Голикову.

Аркадий Петрович прогуливался по площади с видом человека, который раньше положенного времени приехал на вокзал и мог распорядиться свободным временем, как хотел. Он шел между группами бойцов, узнавая многих в лицо, отдавая честь, кланяясь. И ему было тепло на душе, что бойцы, заметив его, приветливо брали под козырек, радостно улыбались, приглашали постоять с ними напоследок. Но он не останавливался. Тревога гнала его по площади словно оттого, что он делал второй или третий круг, что-то могло проясниться.

Возле одной группы Голиков внезапно замер. Неподалеку от вокзального входа стояло шесть бойцов, которые показались ему незнакомыми. И хотя невозможно помнить овал лица, форму носа, цвет глаз и разрез рта четырех тысяч человек, Голиков этих шестерых не узнавал. Прежде всего они чем-то отличались от остальных. У того, что стоял спиной, была очень длинная шинель. Бежать в такой шинели неудобно: запутаешься, упадешь. Аркадий Петрович месяц назад дал указание: всем, у кого шинели не по росту, заменить на другие. В крайнем случае подкоротить. А у этого шинель была кавалерийская, почти до пят. Не замененная и не укороченная. Почему? И второе: шея бойца заросла давно не стриженными волосами, хотя по строгому полковому правилу, попав в 23-й, любой красноармеец прежде всего знакомился с баней и парикмахерской.

— Из какой роты, товарищи? — напустив на себя простодушный вид, спросил Голиков.

— Из четырнадцатой,— ответил тот, что в длинной шинели. У него было молодое лицо. Когда он говорил, становилось видно, что у него крупные редкие зубы.

— А командир кто ваш?

— Который? Их у нас много. Взводный Топорков — вон картошку горячую ест, а нам не дает.— Бойцы засмеялись.— Ротный Мельников, а батальонный — Хмурый.— Бойцы засмеялись опять.

Хмурый — было прозвище батальонного командира, исполнительного и четкого службиста из офицеров, у которого была одна странность — он никогда не улыбался. Говорили, что у него случилась семейная трагедия, от которой он до сих пор не оправился.

— А настоящая фамилия батальонного командира как? — строго спросил Голиков.

— Да чудная у него фамилия, товарищ командир полка,— ответил парень в длинной шинели.— Тризубный вроде...

Фамилия батальонного действительно была странная — Трапезундов. И запомнить ее неграмотному красноармейцу было непросто. И на миг возникшие подозрения, что это не люди его полка, пошли на убыль. Но тут Голиков заметил, что рядом с этими шестерыми на мешках сидит седьмой, невысокий, очень плотный парень, темные волосы которого тоже не стрижены и даже отчасти прикрывают лохмами уши. Парень не смеялся, ему явно было не по себе.

— Товарищ, что с вами? — обратился к нему Голиков.

Темноволосый хотел подняться и ответить, но не смог.

— Сидите, сидите,— остановил его Голиков.

— Занемог он со вчерашнего дня,— ответил парень в длинной шинели.

— Что же вы не отвели его в лазарет?

— Мы ж не знаем, где он... Доложили ротному, тот доложил Тризубному. А батальонный вроде бы ответил: «Все едут, и он пускай едет. В дороге отдохнет и поправится».

— Вы новобранцы? — догадался Голиков.

— Не-е, я служу третий месяц.

— А в полку нашем сколько служите?

— В полку — пятый день.

— И все — пятый день?

— Все. Мы ж тамбовские.

— А санообработку прошли? В бане мылись?

— А как же. И мыло нам выдали. По полкуска. Обязательно домой пошлем. Только вода в бане была холодная. Помылись, как сумели. Но белье у всех чистое. Мы знаем, здесь строго.

— А шинели, гимнастерки в баню отдавали?

— А зачем? И потом нам сказали: шинели от этого портятся, сукно скукоживается, шинелька маленькая становится, носить нельзя.

«Надо было проследить, как приняли пополнение,— подумал Голиков.— А я занялся подготовкой к сегодняшней отправке. Но Трапезундов — человек опытный. Мог обойтись и без меня. Зачем же он отправляет людей, которые только пять дней назад сюда прибыли? Какой толк их отправлять обратно, ничему не научив? К чему такая спешка, если из его батальона была нужна одна рота?»

Голиков обернулся к Дядьке.

— Немедленно врача. И Трапезундова. А вы,— обратился он к бойцу в длиннополой шинели,— позовите ко мне ротного. Он, кажется, уже доел свою картошку.

Ротный подбежал, придерживая на поясе бьющую по бедру кобуру. Он был высокий, подвижный, плутоватый, с лицом невзрачным, незапоминающимся. Ничего к этому лицу не добавляли и белесые, опускавшиеся по углам рта усы.

— Это ваши люди? — спросил Голиков, показывая на группку, с которой у него возникла беседа.

— Так точно.

Задыхаясь от быстрой ходьбы, подошел Де-Ноткин, а следом за ним, придерживая шашку, Трапезундов.

— Доктор, посмотрите, что с этим красноармейцем,— показал Голиков на парня, который маялся на мешках.

— Аркадий Петрович, я и так вижу: заурядный тиф.

— Вы докладывали батальонному командиру, что боец болен? — обратился Голиков к ротному.

— А как же? Мы со Смеховым,— он кивнул на парня в длинной шинели,— отводили его утром.

— Почему больной красноармеец не отправлен в лазарет? — обернулся Голиков к Трапезундову.

— Я подозревал симуляцию перед отправкой на фронт.

— Предположим. Тогда ответьте, почему ваши люди мылись в бане холодной водой? И почему они не прошли полную санитарную обработку? — повернулся он к ротному.

— Они поступили вечером, когда баню уже перестали топить. А товарищ Трапезундов сказали, что другого времени для мытья в ближайшие дни нашей роте не дадут. Дезкамера тоже была холодной.

Голиков посмотрел на Трапезундова. Тот стоял внешне спокойный, беспокойны были его руки, которые теребили малиновый темляк шашки. Пальцы были неестественно белы. И неестественно белым было лицо. Такое Голикову доводилось видеть в бою и в госпитале после того, как человек терял много крови.

— Доктор, заберите больного в тифозный барак,— приказал Голиков.— Всю четырнадцатую роту в санобработку и в карантин. Вы, Трапезундов, арестованы.

— Товарищ командир полка, это недоразумение,— произнес Трапезундов, еще больше бледнея.

— Это могло бы выглядеть случайностью и недоразумением порознь. А вместе выглядит совершенно иначе. Из целого батальона формируется одна рота. К чему было отправлять новобранцев? Да еще тамбовцев? Эти люди нуждались в санобработке. Неужели для них на другой день не нашлось бы по шайке горячей воды? А в дезинфекционной камере — места для десяти шинелей?.. И, наконец, последнее. Вам доложили, что один из новобранцев болен.

— Я полагал, что это симуляция.

— Симулянт он или нет, должен определять врач. А главное, вас устраивало, чтобы тифознобольные поехали на фронт... Сдайте оружие. Вы пойдете под суд.

Трапезундов снял шашку и протянул ее Голикову, но Голиков ее не принял и показал движением головы, что шашку возьмет ординарец. А кобуру с пояса Трапезундов снимать не стал. Он расстегнул ее, вынул трофейный маузер и, держа за рукоятку, привычно положив палец на собачку, стал медленно распрямлять руку. Эта замедленность насторожила и Дядьку, и Голикова. «Чтобы выстрелить, ему нужно взвести затвор,— быстро думал Голиков.— Он этого сделать не успел».

Рядом с Трапезундовым, держа наизготовку карабин, очутился Дядька. Он встал слева. А справа — ротный, в прошлом разведчик, приводивший из немецкого тыла пленных. Было заметно, что Трапезундов в нерешительности. Внезапно он ткнул ствол пистолета себе в грудь. Ротный рванулся — и не успел. Хлопнул выстрел.

— Будьте прокляты,— произнес батальонный. И упал.

«Значит, затвор у него был взведен заранее,— думал час спустя Голиков.— Он понимал, что может быть разоблачен. Но как же я дал ему уйти? Ведь он знал тех, которые повредили паровоз».

Что такое антоновщина?

Голикова перевели в Тамбов и назначили командиром 58-го отдельного полка по борьбе с бандитизмом. Это был уже не резервный, а боевой полк. Он воевал с отрядами Александра Антонова, который поднял мятеж против Советской власти.

...Еще в детстве Антонов проявил бандитские наклонности, за что его исключили из уездного училища. В 1909 году за ограбление кассира он был сослан на каторгу, а после февральской революции 1917 года явился в родной Кирсанов Тамбовской губернии, именуя себя «жертвой борьбы с царизмом».

Вскоре в суматохе тех дней, когда царский государственный аппарат шел на слом, а новый революционный только формировался и подготовленных, проверенных людей недоставало, Антонова назначили начальником милиции в Кирсанове. Он показал себя человеком несправедливым и жестоким. Только позднее стало понятно: здесь проявились не только черты характера. Вместе с другими заговорщиками Антонов настраивал местное население против Советской власти. Антонов, как говорилось в одном документе, «с детства мечтал стать вождем и гарцевать на белом коне». План его состоял в том, чтобы поднять мятеж в Тамбовской губернии, на день-два захватить Москву. А там, полагал он, к нему присоединятся все крестьяне России. И он, Антонов, захватит власть в стране.

Антонов был человеком малограмотным. Примером для него служил Емельян Пугачев, человек и вовсе не грамотный, хотя и обладавший могучим талантом вожака.

О захвате Москвы не могло быть и речи. Но восстание в Тамбовской губернии Антонов поднял. Ему активно помогли люди, связанные с белоэмигрантами, осевшими в Париже. Многие тамбовские крестьяне были вовлечены в мятеж угрозой и силой.

У Антонова имелась отлично поставленная разведка. Под страхом смерти меняя в деревнях лошадей, его полки проходили в день по 120 километров. Красноармейским отрядам такие марши были недоступны.

Столкновение с бандой Коробова

В ночь на 21 июля 1921 года из штаба пятого боевого участка поступил приказ: по сведениям войсковой разведки, в районе села Хмелино появилась банда Коробова численностью до 300 всадников. В этой связи командиру 58-го отдельного полка предписывалось: к пяти часам утра 21 июля выслать в село Перкино команду разведчиков,— не менее 50 всадников при двух пулеметах — и произвести обследование местности.

Коробов принадлежал к числу наиболее известных помощников Антонова. Он и шагу не делал без тщательной разведки, умел незаметно подобраться для неожиданного и точного удара.

Разведотряд Голиков выслал на рассвете. Километрах в двух от деревни Хмелино, на лесной дороге, разведчики неожиданно столкнулись с бандой. Около ста антоновцев ехали верхом. Внезапность встречи объяснялась тем, что движения такого большого отряда красноармейцы не услышали. Позднее обнаружилось, что люди Коробова обмотали копыта своих лошадей тряпками, а некоторые кони были обуты в специально сплетенные лапти.

Несмотря на численный перевес, бандиты растерялись: не ждали встречи с разведчиками. Открыв беспорядочную стрельбу, которая не принесла нашим вреда, бандиты ринулись в глубь леса. Разведчики начали палить вдогонку, выбили из седел двоих.

Во второй половине того же дня поступила новая шифровка: в районе Николаевского кордона

в десяти верстах от села Перкино банда собралась в полном составе. И была названа новая цифра — двести сабель. Голиков взял сто кавалеристов и отправился на соединение с отрядом разведчиков.

По кордону ударили внезапно. Среди бандитов началась паника: «Окружили!.. Красные окружили!..»

Когда бой закончился, то выяснилось: 58-й полк не потерял ни одного кавалериста. А уничтожено восемь бандитов. Сколько же надо провести таких операций, чтобы в лесах не осталось ни одного антоновца?..

«Но обожди,— сказал себе Голиков, остыв после боя.— Желающих идти к Антонову теперь все меньше. Основная часть его войска — люди, загнанные в банду под страхом смерти. Такому мужику антоновские агитаторы говорят: «Ты еще не сделал ни одного выстрела, но дороги домой тебе больше нет. Ты теперь до могилы «тамбовский волк». А какой он волк, если он мечтает о доме, о работе на своем наделе? Значит, если увести таких из леса, останутся только самые отпетые, которым уже нечего терять. Но как сделать, чтобы эти подневольные мужики стали сами уходить из леса?»

И он поехал в Тамбов, к командующему войсками губернии Михаилу Николаевичу Тухачевскому.

— Я читал донесение о вашем бое с бандой Коробова,— сказал командующий.

— Коробов потерял восемь человек,— сокрушенно ответил Голиков.

— Мы располагаем сведениями,— возразил Михаил Николаевич,— у Коробова много раненых. Конечно, жаль, что остальные ушли, но есть один важный психологический момент: раньше полк в любой стычке нес потери. А вы ухитрились в большом ночном бою никого не подставить под пули.— Тухаческий встал и сделал несколько шагов по кабинету.

Голиков тоже поднялся.

— Сидите, сидите,— сказал Тухачевский и, положив руку ему на плечо, мягко, но сильно надавил. И Голиков опустился обратно в кресло.

— В бандах много случайного народу, товарищ командующий. Если бы помочь им выйти...

— Так, любопытно,— оживился Тухачевский.— И как вы себе это представляете?

— Я бы напечатал в газетах объявление: «Кто попал в банду против своей воли, кто ни в чем серьезном не замешан и не повинен, может выйти из леса. После короткой проверки он будет отпущен домой». И в листовках то же напечатать. Разнести их по селам и разбросать по лесу.

— Насчет газет и листовок — это неплохо,— согласился Тухачевский.— Но если каждый станет сам определять, кто больше виноват, кто меньше, ничего хорошего из этого не выйдет.

— Почему? Ведь каждый знает, натворил он что-нибудь или нет.

— Допустим, вы считаете, что попали в банду силой и ничего плохого никому не сделали. А я думаю, что за вами числится много темных дел. Кто решит наш спор? Суд? Комиссия ВЦИК под председательством Антонова-Овсеенко?

— Зачем трогать комиссию ВЦИК? Поручить сельсовету. Они своих знают.

— Допустим,— повеселел Тухачевский, который любил, когда с ним спорили,— я вышел из леса. Вы председатель сельсовета. На основе каких документов и сведений вы будете решать мою судьбу, если главные свидетели останутся в лесу?.. Молчите? — довольный спросил он.— И вот пока вы так будете молчать и думать, остальные будут продолжать сидеть в лесу. И валом к вам не повалят. А нам нужно, чтобы **валом**. У страны нет средств продолжать эту бессмысленную и разорительную войну.

— Значит, я предлагаю нелепую вещь? — упавшим голосом спросил Голиков.

— Почему? — искренне удивился Тухачевский.— Я проверяю на вас свои доводы. Поначалу я думал, как и вы. А потом понял: если я хочу, чтобы они вышли, то нельзя делить антоновцев на сильно и не сильно виноватых. Надо позволить **любому** из них — в заранее определенный день — выйти из леса. Кто выйдет, назовет себя и положит винтовку, должен тут же, без всякого следствия, отправиться к себе домой.

— А если выйдет душегуб? — спросил Голиков, которому показалось, что и он нашел слабое место в рассуждениях командующего.— Его тоже отпустить домой без всякого следствия?

— Я полагаю, что главные душегубы останутся в лесу. Но если пожелает выйти из леса кто-либо из душегубов помельче... Что же: пусть лучше косит и пашет, чем будет сжигать и убивать.

— А если такой душегуб выйдет, днем будет пахать, а ночью помогать Антонову? А мы будем думать, что он переменился?

— В любом серьезном деле неизбежны издержки,— погрустнев, произнес Тухачевский.— Возьмем бывших царских генералов. Были неразумные головы, которые полагали, что всех захваченных генералов надо расстреливать. И уж ни в коем случае не брать на службу. А Владимир Ильич рассудил иначе. Он предложил отпускать генералов под честное слово, что они против нас не станут воевать. Или брать под то же честное слово к нам на службу...

— И одни тут же пошли против нас воевать, а другие тайно вредить,— оживился Голиков.

— Верно,— кивнул Тухачевский.— Но были еще и те, которые помогли нам построить Красную Армию. И они с большой пользой трудятся до сего дня. Значит, в целом решение было и человечным, и дальновидным... Так и с антоновцами. Если Москва разрешит нам ввести, как их зовут в народе, «прощеные дни», разочарования будут неизбежны, но преобладающая часть крестьян, я полагаю, выйдя из леса и возвратясь домой, обрез в руки уже не возьмет... И коль скоро наши взгляды в основном совпадают,— Тухачевский снова улыбнулся,— давайте попытаем счастье на вашем участке. Как вы на это посмотрите?

— На моем? — встрепенулся Голиков.— Конечно.

...Через два дня в Моршанск поступила шифровка: «Комполка 58 Голикову. Приступайте. Желаю удачи...»

Исчезновение Васьки Шилова

Голиков сам написал листовку, она была отпечатана, пачки розданы кавалеристам, которые помчались в ближние и дальние села. Бойцы приклеивали воззвания к заборам, к дверям лавок, отдавали в руки мужикам, накалывали в лесу на ветки деревьев и кустов. Не было ни малейшего сомнения, что бóльшая часть листовок попала

в банды, но в «прощеный день» ни один антоновец на участке 58-го полка не вышел.

«Почему?— думал Голиков.— Конечно, страх перед местью Антонова. А кроме того, люди, возможно, не верят, что их сразу отпустят домой».

Голиков вычислил, сколько примерно понадобится дней, чтобы листовки дошли до самых отдаленных банд. Отпечатал новую партию, где указал новый срок, и разослал с небольшими отрядами по 8—10 бойцов. Задание красноармейцам было такое: останавливаться в домах, чаевничать с хозяевами, вести неторопливые беседы.

И если за столом, наказывал Голиков, зайдет разговор об Антонове и людях, которые с ним, и о том, могут ли они выйти, нужно вынуть листовку, пусть даже слегка помятую, будто случайно оказавшуюся в кармане...

С одним таким отрядом в десять сабель Голиков поехал сам. В лицо его мало кто пока знал. По возрасту он и вовсе не походил на командира полка.

Перед самым отъездом от верного человека удалось узнать, что в деревне Пахотный Угол два месяца назад сын Шиловых Васька дуриком попал в банду, но, пожив в сырой землянке, получив за какую-то провинность пятьдесят ударов розгами, Васька сильно захотел обратно домой. Однако опасался, что за пребывание в банде, если он вернется, его по головке тоже не погладят.

Из того же источника стало известно, что парень Васька неплохой. Никаких злодейств не совершал. И коль скоро нужно было для почину помочь кому-то выйти из лесу, то Васька представлялся кандидатурой вполне подходящей. А следом за ним могли потянуться и другие «лапотники», как их презрительно называл Антонов.

В Пахотный Угол отряд Голикова прибыл к вечеру. Деревня выглядела пустой. То ли народ еще не вернулся с полей и огородов, то ли, завидя конников, попрятался. Молчали даже собаки. И Голиков с болью подумал о том, что жизнь тамбовского крестьянина сейчас немыслимо опасна и трудна. Бандиты требуют, чтобы их прятали и кормили, давали лошадей. А то будет плохо. А Советская власть за хлеб, отданный бандитам, не жалует тоже. И как тут быть мужику?

Голиков издали завидел журавль колодца, который служил ему приметой, и когда отряд приблизился к колодцу, скомандовал: «Стой! Нужно напоить коней». Подождав, пока все подъехали, добавил: «А ну, ребята, попросите у кого-нибудь пару ведер. Да скажите, мы тут же вернем».

Голиков произнес все это громко, полагая, что за действиями отряда непременно кто-нибудь следит.

— А вот справный дом,— сказал Николай Кондратьев, показывая на избу Шиловых — новую, просторную, обшитую тесом. Она высилась за недокрашенным забором: ее приметы были тщательно обрисованы разведчиками.

— Ну, зайди хоть в эту избу,— позволил командир.

Кондратьев возвратился с двумя ведрами.

— Хозяин позволил у них переночевать,— громко сообщил он.— Дом большой, места хватит.

За ужином, когда разговор будто ненароком возник о том, чем же все на Тамбовщине кончится, Голиков сказал:

— Есть решение Москвы. Вводятся «прощеные дни». Это что значит? Допустим, я служу у Антонова, а завтра, объявлено, «прощеный день». Если я выйду завтра из леса, явлюсь в специальную комиссию, положу винтовку, то там только запишут мою фамилию и тут же, не задерживая, отпустят домой.

— И не будут судить?— с ехидцей в голосе произнес хозяин.

— День потому и называют «прощеным», что революция в этот день прощает своих врагов.

— Послушай, парень, а ты случаем не врешь? Уж очень гладко у тебя получается,— произнес хозяин.

— Ребята,— повернулся Голиков к красноармейцам,— вы все листовки раскурили или хоть одну оставили? — Ему протянули вчетверо сложенный лист. Он развернул и передал его хозяину.

Голиков прибыл в Тамбов к командующему войсками губернии Михаилу Николаевичу Тухачевскому.

— Я про такие листки слыхал,— произнес хозяин, прочитав.— Но как этому можно верить? То есть я в каком смысле. Антонов, если ему нужно было большое войско, приезжал в деревню, хотя бы в нашу, ставил пулемет и говорил: «Кто не согласный ко мне идти — под пулемет». И уводил к себе тьму невинного народу. Таким чего не простить? А ведь есть у него и кровососы. Бывало, поймают кого из ваших, разрежут саблей живот, насыплют ржи, мол, хлеб тебе нужен — возьми. Вот люди и сомневаются: как же всех одинаково можно простить? Тут какая-то хитрость.

— Нет здесь хитрости,— резко ответил Голиков.— Мы никогда не простим Антонову, Матюхину и другим, что они затеяли на родной земле братоубийственную войну, покалечили жизнь огромному количеству людей. Но вы сами сказали: большинство ни в чем не виновато. И Москва готова простить даже тех, кто виноват, чтобы вернулись домой тысячи попавших в лес насильно или по ошибке. Нам не нужны трупы. Не нужны арестанты. Нам нужны рабочие руки. Нам нужно, чтобы люди вернулись домой и растили детей. Если у вас в лесу имеются знакомые или просто вас будут спрашивать — смело отвечайте: пусть выходят и ничего не боятся. Я даже назову пароль. Если кто выйдет, а его задержат, нужно сказать: «Я иду к командиру полка Голикову...»

...Накануне вновь объявленного «прощеного дня» военные и милицейские посты были еще раз обстоятельно проинструктированы. Их предупредили, что в городе с утра появятся «люди из леса». Скорей всего с оружием. И хотя антоновцы причинили много бед и горя, обращаться с ними нужно вежливо. Не следует никого ни в чем упрекать или сводить давние счеты, которые имеются у многих. Иначе громадная подготовительная работа пойдет прахом.

А с другой стороны, следовало быть готовым, что Антонов может заслать в город людей, которые будто бы выйдут, чтобы сложить оружие, а на самом деле пустят его в ход. Одним словом, могло возникнуть множество неожиданностей.

Но самой большой неожиданностью явилось то, что опять ни один человек в новый «прощеный день» из леса не вышел. В половине одиннадцатого вечера Голиков доложил об этом начальнику пятого боевого участка Пильщикову, а тот, деваться некуда, Тухачевскому.

В полночь возле штаба 58-го полка раздался винтовочный выстрел. Голиков еще не ушел домой. Он отдернул занавеску, но разглядеть ничего не сумел. При тусклом свете керосинового фонаря он только заметил, что к перекрестку метнулась фигура, за ней — другая, с винтовкой, видимо, часовой. И по булыжнику в ночной тишине звонко и тревожно заклацали тяжелые подкованные сапоги. Внезапно стук сапог прервался. На перекрестке возникла возня и оттуда донесся то ли испуганный, то ли плачущий голос, который отчетливо произнес: «Голиков».

Затем в кабинет постучали. Вошел начальник караула.

— Товарищ комполка, возле штаба задержан неизвестный. Себя не называет. Пытался через забор проникнуть в штаб. Говорит, что вы о нем знаете.

— Введите,— озадаченно ответил Голиков.

В кабинет втолкнули малого лет двадцати: высокого, налитого силой. У него были белесые, давно не стриженные волосы, одутловатое, нездоровое лицо. Полосатый пиджак и такие же брюки, заправленные в сапоги, были испачканы, будто он ползал по земле. Комполка мог поручиться, что ни разу этого малого не видел.

— Отведите меня к Голикову,— не здороваясь, прямо с порога произнес малый.

— Я Голиков.

— Мне нужен командир полка Голиков. Я Васька Шилов. Он про меня знает.

— Развяжите ему руки,— попросил Голиков, еще боясь поверить тому, что происходило.

Когда конвойные ушли, комполка сказал:

— Садись, Василий,— и показал на стул возле небольшого столика, приставленного к громадному письменному столу.

Потирая запястье, Шилов сел.

— Что так поздно? — спросил Голиков.— Тебя могли застрелить.

— Я ведь из лагеря позавчера ушел,— быстро и радостно заговорил Шилов.— Винтовочку прикопал, чтобы, значит, с нею не ходить. И со вчерашнего вечера все тут и кручусь.

— А чего же не днем? Зачем полез через забор? Тебя же могли убить.

— Робел. Маманя все уговаривала: «Выходи да выходи. Командир молоденький приезжал. Человек такой, что не обманет...» А я хожу — везде часовые с ружьями. Не знаю, как и подступиться. И в лес идти обратно боязно. Там, небось, меня уже хватились...

Все это Шилов поведал, сидя на краешке стула. От волнения он ерзал, бледнел или внезапно делался пунцовым. И руки его не находили себе места. Он то раздергивал полы своего пиджака, то застегивал его на все пуговицы. От возбуждения у Шилова срывался голос, и он против воли поглядывал на стакан остывшего чая и два ломтя хлеба на тарелке. Это был завтрак Голикова, к которому он так и не притронулся за весь трудный день.

«Есть хочет»,— понял комполка. Выйдя из кабинета, он попросил начальника караула принести горячего чаю и хлеба побольше.

Один из тех бойцов, что задержали Шилова, вошел с подносом. На нем стояли фаянсовый чайник, стакан с ложечкой и тарелка с нарезанным хлебом. Поставив поднос на угол письменного стола, боец с осуждающим видом вышел. Голиков налил в стакан красноватого морковного чая, подал его Шилову, а затем пододвинул тарелку с хлебом.

— Ешь,— сказал Голиков. И взял свой остывший чай, отломил кусочек хлеба. Он вдруг почувствовал, что голоден не меньше Васьки.

Васька обнял громадными своими лапищами стакан, чтобы согреться. Несмотря на теплый вечер, он дрожал. Потом поднес чай ко рту и вдруг со всей силы грохнул стакан о полированный стол. Стакан разлетелся вдребезги. Чай разлился.

— Все равно расстреляете! — закричал Васька. — Так чего суете чай?!

В комнату с наганом в руке вбежал начальник караула и боец, который приносил поднос: теперь в руках у него была винтовка. Васька обмер.

— У нас тут разбился стакан,— негромко произнес Голиков.— Чай оказался слишком горячим. Я попрошу вытереть стол и принести новый стакан. А лучше кружку.

Боец вернулся с тряпкой и веником. Вытер столик, смел в жестяной совок осколки, потом вернулся и принес эмалированную кружку.

— Благодарю,— сказал Голиков.

Когда они снова остались с Шиловым вдвоем,

Аркадий Петрович налил в кружку чай, взял свой стакан и подсел к Шилову.

— Ты, Василий, ешь и пей,— сказал он,— а я буду рассказывать. Понимаешь, остолопов вроде тебя, которые полезли в банду неизвестно зачем, я перевидал немало. Посадить тебя в тюрьму? Тебя надо кормить. На тебя кто-то должен работать. А ты будешь лежать на нарах... Поставить тебя к стенке? Еще меньше толку. Ты уже ничего полезного для людей не сделаешь. И Советская власть хочет, чтобы ты вернулся домой и работал. Поэтому, скандалист, допивай свой чай и отправляйся к родителям.

— Под конвоем? — зло спросил Васька. — Вон двое у дверей стоят.

— Они стоят потому, что ты, не успев прийти, уже начал кричать и бить посуду. Но если ты успокоился, то дороги у вас будут разные — ты отправишься в свой Пахотный Угол, а они останутся здесь. О двух вещах тебя только прошу: откопай винтовку и сдай ее в сельсовет. И не забудь каждое утро там отмечаться.

— А это зачем?

— Чтобы я знал, что ты ночуешь дома, а не в банде.

Васька поднялся, не веря счастью и машинально засовывая в карман кусок хлеба. Он дошел до двери и вдруг оглянулся, будто опасаясь, что Голиков его сейчас с хохотом остановит.

— Мы в такие игры не играем,— горько усмехнулся Голиков и, выйдя следом за Васькой на широкую лестницу, громко сказал часовому: — Товарищ, гражданин Шилов отпущен домой.

Часовой, ничего не ответив, гулко щелкнул засовом двери, и Васька выскочил в ночь....

Несмотря на поздний час, Голиков позвонил начальнику боеучастка Пильщикову. «Хорошо,— ответил сонный голос в трубке.— Только одна ласточка не делает весны». Голиков не стал объяснять, что следом за Шиловым могут потянуться и другие.

На пятый день в ответ на запрос сельсовет сообщил, что Василий Шилов, двадцати двух лет, в селе Пахотный Угол не появлялся, а его родители распространяют провокационные слухи, будто он в «прощеный день» вышел из леса и был арестован или даже убит в штабе 58-го полка.

Получив эту весть, Голиков заметался по кабинету. В чем дело? Что случилось с Васькой? Неужели не поверил и вернулся в банду? Но тогда бы родители не подняли тревогу...

А могло быть и так, думал Голиков: о переговорах в доме Шиловых узнала разведка Антонова, спрятала настоящего Ваську, а вместо него подослала другого человека... А могло быть еще проще: они дали Ваське уйти из банды и убили по дороге домой.

Голиков доложил о случившемся в штаб боевого участка. И услышал от Пильщикова: «Хм, все гораздо хуже, чем я ожидал».

Командиру полка нечего было ответить.

Он позвонил в милицию и ЧК. Ему ответили, что по имеющимся сведениям за минувшие дни в черте города и ближайших окрестностях убийств не было. «По крайней мере, уточнили ему, таких о которых нам было бы известно».

Тогда Голиков вызвал к себе начальника полковой разведки Чистихина.

— Возьмите двадцать человек,— сказал Голиков,— и обследуйте весь путь от города до Пахотного Угла. Опрашивайте встречных, поговорите с детьми: они бывают наблюдательнее взрослых. Выясните: не слышал ли кто ночью четыре-пять дней назад криков, стрельбы, возни, не вырос ли где-нибудь подозрительный холмик. Найдете следы Шилова — представлю к награде.

Зазвонил телефон. Голиков снял трубку.

— Товарищ Голиков? — спросил вежливый мужской голос.— Здравствуйте, Тухачевский.

— Здравствуйте, товарищ командующий.

— Я очень огорчился новостями от вас.

— Я высылаю на розыски разведотряд, товарищ командующий.

— Если появятся новые сведения, не сочтите за труд позвонить.

Их разъединили. Голиков движением руки отпустил Чистихина, а сам продолжал сидеть, прижав трубку к щеке. Сейчас было важно понять, где он допустил ошибку, которая привела, Аркадий Петрович в этом не сомневался, к гибели Шилова.

Следовало оставить его до утра? Или выделить провожатого? Но оставаться Васька не хотел. А возвращение домой с охраной? Люди бы посчитали, что он арестован.

Было стыдно перед Тухачевским, но еще мучительней было от мысли, что трагическая история с Васькой обернется новыми пожарами, разбоями и убийствами.

Голиков представил агитаторов Антонова, которые разойдутся и разъедутся по селам, созовут митинги и отлично поставленными голосами начнут объяснять, что Советская власть умеет заманивать и обещать, вот полюбуйтесь, листовки, а потом... Вот перед вами несчастная, дважды обманутая мать Василия Шилова...

...На другой день возвратились разведчики. Они доложили, что Шилова никто не видел. Скорее всего, его убили прямо в городе. В деревнях тихо. Антонов не спешит подымать шум из-за гибели Васьки.

«Не их работа? — размышлял Голиков.— Тогда чья-же? Уголовников? На какое же богатство они польстились?.. И зачем спрятали тело?»

Настроение у командира полка было жуткое, но распускаться он права не имел. И показывать, что у него творится на душе, тоже. Больно было даже подумать, что огромная подготовительная работа ушла в песок из-за бессмысленного преступления уголовников.

Голиков запряг коня и отправился в дальнюю роту. Комиссар не позволил ему ехать одному. И послал для охраны бойца.

В роте командир полка провел политзанятие: сделал доклад о международном положении и обстановке в Тамбовской губернии, отметив, что мятеж идет на убыль, что Антонов пользуется все меньшей поддержкой крестьян и силы его подорваны.

Внезапно дежурный по роте доложил, что Голикова зовут к телефону. Звонил комиссар полка. Голиков даже не узнал его голоса.

— Аркадий Петрович,— в трубке слышалось взволнованное, сбивающееся дыхание,— к штабу полка движется банда... вижу человек двадцать... с винтовками... есть пулемет. А у меня только пятеро бойцов.

— Продержитесь минут десять... я выезжаю к вам,— ответил Голиков и повернулся к командиру роты.— На штаб полка движется банда. Запрятать тачанки некогда. Ручные пулеметы, людей верхом — и за мной.

Через четверть часа, во главе дюжины кавалеристов, вооруженных пулеметами, Голиков прискакал к штабу. Он увидел такую картину: у входа прямо на земле сидело человек двадцать — бородатых,

с давно не стриженными волосами, в пиджаках, шинелях, пальто, один был даже в полушубке. В сторонке под окнами были свалены в кучу винтовки, обрезы, револьверы, патронташи. А вокруг странного сборища стояли пятеро красноармейцев с винтовками и комиссар с наганом в руке.

Несколько последних дней Голиков был настолько подавлен, что не ожидал перемен к лучшему. И после того, как ему позвонил комиссар, он мчался сюда, приготовясь к бою и думая о том, что бой этот начнется в центре города, когда кругом простые деревянные постройки, а пуля — она ведь дура. И увидев возле штаба странную картину, он понял только то, что боя нет и, похоже, не будет, но обрадоваться этому не успел. Люди, которые сидели на земле, вскочили. Конвоиры встре-

У входа в штаб стояло и сидело прямо на земле человек двадцать — бородатых, с давно не стриженными волосами, в шинелях и пальто. В сторонке были свалены в кучу шашки, винтовки, обрезы, револьверы.

вожились. Голикову передалась их всполошенность. И он сердито спросил:

— Что за цыганский табор? Кто такие?

— Это я их, гражданин командир, привел. Али не узнаете?

Из толпы вышел совершенно незнакомый человек. Он был в полосатом пиджаке и таких же брюках. Щеки его ввалились, словно он месяц ничего не ел. Глаза сидели глубоко и болезненно блестели. Лицо обросло щетиной. Человек выглядел лет на сорок.

— Василий? — не поверил Голиков.— Шилов?!

— Он самый.

— Куда же ты, дьявол, подевался?! — Голиков спрыгнул с седла.

— Да никуда я не девался. Я пошел к себе. Иду и думаю: «А как же ребята? Им ведь тоже охота домой?» — и обратно в лес. «Эй, робя,— говорю,— нечего тут валандаться. Вечор я с командиром 58-го полка чай пил». Они меня чуть было не прихлопнули, чтоб не брехал. А взводный уже считал меня сбежавшим. И я должен был прятаться, потому как и в нашей роте есть палач. И вот прячусь от ротного. Живу на болоте. Жрать нечего. И уговариваю этих дураков. С трудом поверили.

— Умница, Василий. — Голиков пожал ему руку и повернулся к остальным: — Здравствуйте, граждане...

— Здравия желаем, доброго здоровья,— вразнобой ответили мужики.

— Поздравляю, для вас война кончилась. Мы сейчас запишем ваши фамилии и отпустим домой.

— Благодарим, спасибо, что позаботились,— загудели мужики.— И тебе спасибо, Шилов. Извиняй, если что...

— Василий,— произнес Голиков,— ты не хотел бы служить у меня в полку?

Обед с командующим

Через неделю Тухачевский принимал в Моршанске парад.

Командовал парадом Голиков, который перед началом марша, отсалютовав шашкой, отдал Тухачевскому рапорт, затем совершил перестроение для марша и после этого, сойдя с коня, встал возле колес тачанки, как бы желая подчеркнуть, что не собирается дальше ни во что вмешиваться. И пусть каждая рота уже сама покажет, какую она прошла выучку.

А потом исполняющий обязанности командующего пятым боевым участком Голиков дал обед в честь командующего войсками Тамбовской губернии Тухачевского. Щи им привезли в небольшом бачке из красноармейского котла пулеметной роты. Щи получились наваристые, в меру посоленные, мясо в щах не перепрело и не разваливалось на отдельные волокна. А на второе, по совету строгого адъютанта Тухачевского, было приготовлено любимое блюдо командующего — жареная картошка.

Пока Михаил Николаевич после парада приводил себя в порядок, то есть, стоя во дворе в одних галифе, умывался до пояса холодной водой, которую ему лили прямо из ведра, Голиков поинтересовался, все ли готово к столу. Ему доложили о необычной рецептуре второго блюда. И он тут же, встревоженный, обратился к адъютанту командующего за разъяснением, подозревая здесь даже некий возможный подвох.

Будучи человеком решительным, Голиков прямо заявил адъютанту, что он удивлен рекомендацией, поскольку знает, что Михаил Николаевич из древнего дворянского рода, хотя Тухачевский предан революции и доказал это на деле, но привычки и вкусы у него, надо полагать, будут потоньше, в соответствии с полученным воспитанием. На что адъютант холодно заметил, что Михаил Николаевич действительно дворянин, но по отцу, мать же его — простая крестьянка. Она даже не умеет читать. При всем этом Михаил Николаевич мать свою нежно любит и чтит и не считает зазорным есть то, что едят и ели в простых крестьянских семьях.

Михаил Николаевич воздал должное щам. Он был приятно удивлен, что такие же сегодня едят и пулеметчики. И был тронут, когда к столу подали его любимую картошку. Он съел целую тарелку, попросил еще немного.

— Кстати, как там наши с вами «прощеные дни»? Я не видел последних сводок,— сказал Тухачевский.

— На территории пятого боевого участка вышло из леса более шести тысяч человек. Многие пожелали служить в Красной Армии,— ответил Голиков.

— Шесть с лишним тысяч только на вашем участке? Это очень большая цифра. Она показывает, что народ поверил вам и не верит больше Антонову. Поздравляю вас.— Голиков покраснел, хотел встать.— Да сидите же вы,— рассмеялся Михаил Николаевич.— Я же у вас в гостях. Да, чуть не забыл. Мне передали ваш рапорт с просьбой направить вас на учебу в Академию Генерального штаба. Я его подписал. Людей, подобных вам, которые проникнуты духом смелого ведения войны, отличаются личной храбростью и умением принимать самостоятельные и точные решения, мы будем искать и давать им быстрое продвижение вперед. Надеюсь, нам с вами еще доведется работать вместе.— Тухачевский поднялся и протянул Голикову руку.

Новое назначение

В начале 1922 года Аркадия Петровича Голикова вызвали в Москву. Его пригласил к себе командующий войсками ЧОН Республики Александр Константинович Александров.

— Мы получили ваш рапорт, где вы изъявляете желание поступить в Академию Генерального штаба,— сказал Александров,— и отзыв командования войсками Тамбовской губернии. У нас тоже нет возражений. Только нынче набор уже закончен. Новый — будущей осенью. И у нас к вам, Аркадий Петрович, просьба: в Сибири, в Енисейской губернии два года с лишним разбойничает некий Иван Соловьев. Себя он именует «императором тайги». Это, пожалуй, последний очаг гражданской войны в стране. Только он никак не угасает. Что, если мы вас туда пошлем?

— Велико ли войско у этого «императора тайги»?

— Да головорезов пятьсот.

— Я согласен. Только бы снова не опоздать в академию.

— Обещаем, что поступите вовремя.

«Вот и хорошо. Успею подготовиться к экзаменам»,— подумал Голиков.

Он не представлял, какое испытание его ждет...

ЮНКОРОВСКИЙ ПОСТ

Размышляем, вникаем, спорим

ПИОНЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

5 июля — день рождения Клары Цеткин (1857—1933), деятеля германского и международного коммунистического и рабочего движения, одного из основателей Коммунистической партии Германии.

...В суровой школе эмиграции Клара Цеткин пережила тяжелые и печальные дни. Преследуемые полицией, выселяемые домовладельцами за невзнос квартирной платы, скудно питаясь на небольшие заработки от переводов, супруги с двумя маленькими детьми часто были лишены даже самого необходимого. Положение еще больше ухудшилось, когда Осип Цеткин тяжело заболел на многие годы... На собственном печальном опыте познала она тяжесть судьбы пролетарской жены и матери в капиталистическом государстве. В то время и созрело у нее твердое решение посвятить все силы развитию международного пролетарского женского движения.

В. Пик «Клара Цеткин».

5 июля — день рождения Павла Степановича Нахимова (1802—1855), русского флотоводца, адмирала.

Отнюдь не писаный красавец, в мешковатом сюртуке, при шпаге (трофейной, отнятой у турецкого флагмана), рыжеватенький и голубоглазый, он осматривал укрепления, разговаривал с офицерами, с матросами и солдатами, и разговор его был так спокоен, будто свист, грохот, самая смерть не имели решительно никакой важности ни для него, ни для тех, кто был рядом.

Ю. Давыдов «Нахимов».

27 июля — день рождения Николая Ивановича Кузнецова (1911—1944), советского разведчика, Героя Советского Союза.

Учился он хорошо; и вот что характерно: учителя обеих школ и много лет спустя единодушно отмечали редкостную память Кузнецова. За вечер он был способен выучить наизусть без малейшего напряжения почти столько же стихотворений, сколько мог прочитать...

Люди, близко знавшие Кузнецова-разведчика, действовавшие вместе с ним во вражеском тылу, отмечали такие его качества, как изумительные лингвистические способности, умение молниеносно перевоплощаться, обаяние, находчивость, мужество... ставили на первое место в его характере... собранность и выдержку.

А. Лукин, Т. Гладков «Николай Кузнецов».

ОТРЯДНАЯ КОПИЛКА

В пятом номере мы обещали вам рассказать о работе ГОРОДСКОГО ПИОНЕРСКОГО ШТАБА «ТОВАРИЩ» ГОРОДА ПЕВЕКА МАГАДАНСКОЙ ОБЛАСТИ и открыть несколько секретов этих штабистов.

Слово члену штаба Игорю Григоренко, семикласснику из Певекского интерната:

— Наш штаб молодой, ему всего два года. Почему мы назвали его «Товарищ»? Потому, что мы все друг другу товарищи — и мальчишки, и девчонки.

Мы считаем, что наша главная задача — отыскать самый живой, яркий опыт работы пионерских дружин и передать его другим ребятам. Поэтому в штабе мы собираем вырезки из газет, журналов, выписки из книг, игры, рисунки, фотографии по разным темам:

— как соблюдать ритуалы пионерской организации;

— как выпускать содержательные, острые стенгазеты;

— как работать с октябрятами, чтобы и им интересно было, и нам, пионерам.

Потом мы ездим по дружинам края, и, знаете, как приятно бывает, когда приедешь в ту или иную школу во второй раз, а там и стенгазеты, и сборы, и пионерские операции — все проводится по нашим рекомендациям.

От «Юнкоровского поста «РВС»

Многое из того, что есть в папках-копилках Певекского городского штаба, ребята привезли в наш юнкоровский пост. **Кое-что из рекомендаций певекцев мы решили опубликовать. Они пригодятся вам и в летнем пионерском лагере, и в работе школьной дружины.**

ГОВОРИТ СОВЕТ ДРУЖИНЫ

День за днём

1.09			9.09	
		23.09		
	9.10			7.11
27.10				
	24.11			28.11

Анализируем сделанное

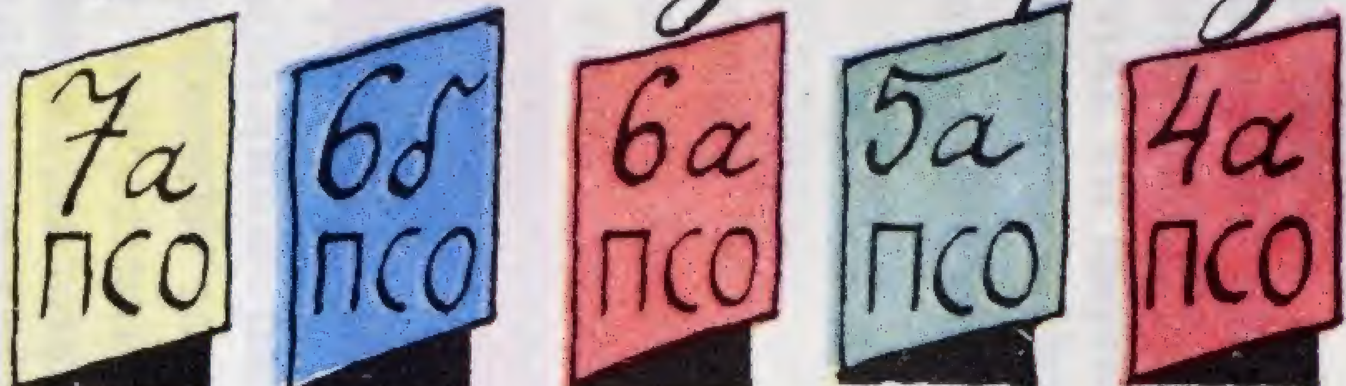
сделано
не так как хотелось
вне плана
не в срок
не выполнено

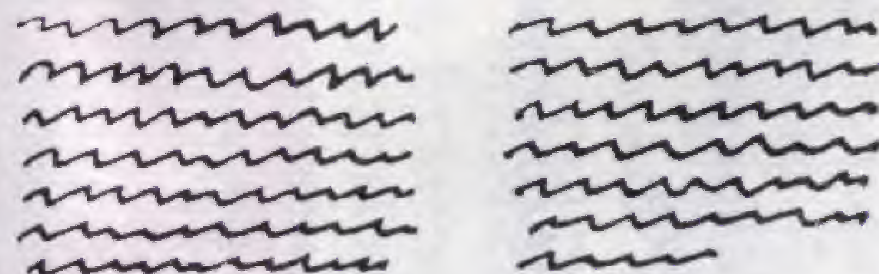
У руля

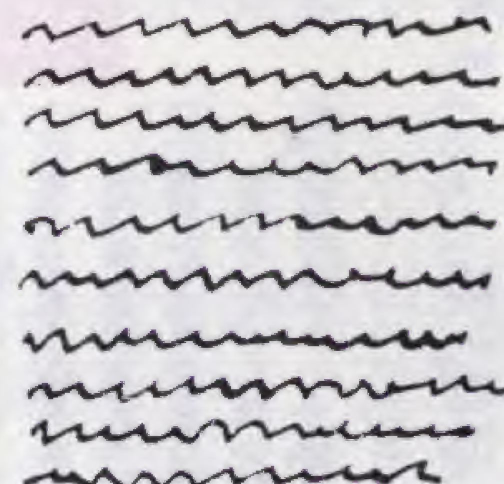
Вести из отрядов

Молния

Решения ОСД

Решения СД, штабов

КАК ОФОРМИТЬ ЭКРАН ДРУЖИНЫ?

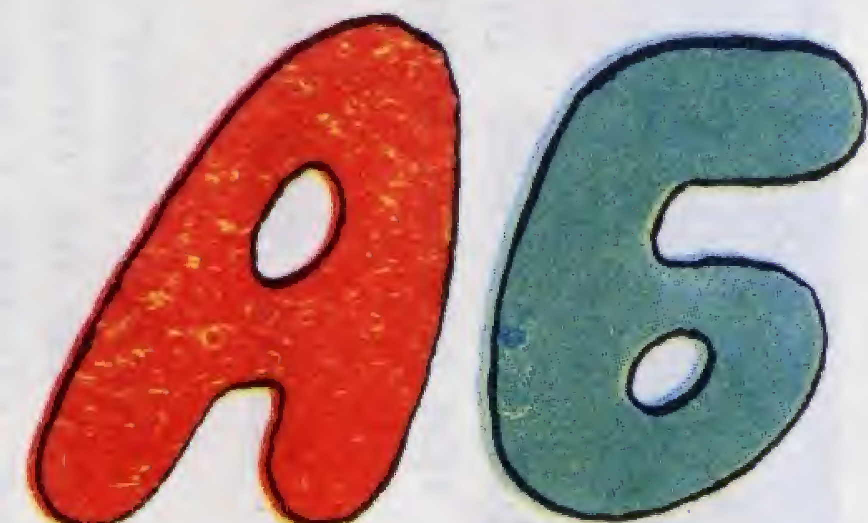
Можно и так. Рассмотрите рисунок и обратите внимание на разделы экрана: 1) День за днем; 2) У руля; 3) Вести из отрядов.

КАКИЕ БЫВАЮТ ШРИФТЫ?

Для оформления отрядных стенгазет можно использовать не только те шрифты, которые вы узнали на уроках черчения, но и те, что вы ПРИДУМАЛИ САМИ. Например, как певекские штабисты.

шрифт „бревенчатый"

шрифт „весёлый"

шрифт „школьный"

СПОР-ПЛОЩАДКА

Давайте сегодня поговорим о летнем отдыхе. Каким он должен быть? Вот три разных мнения.

Отдыхаю от школы

Летом я хожу в кино и слушаю песни Аллы Пугачевой. Под настроение играю на гитаре или сочиняю стихи о фигуристах. Одним словом, ***отдыхаю от школы. Мне нравится такая жизнь.***

Аня Б., 7-й класс, г. Москва.

Летом — в Школу светофорных наук

Вот уже несколько лет я езжу в лагерь. Находится он за городом Томском, называется «Дзержинец». Каждое лето в этом лагере открывается профильная смена Юных инспекторов движения (ЮИД), и мы занимаемся в Школе светофорных наук. На уроках ***мы учимся правильно обращаться с жезлом инспектора движения, изучаем правила для автоводителей и пешеходов, ездим на картах, собранных своими руками.***

Летом прошлого года ***двое ребят из нашего лагеря — Лена Путько и Женя Бордовский были на Всесоюзных соревнованиях «Безопасное колесо» в городе Алма-Ате. И заняли третье место.***

А мы, пионеры из лагеря «Дзержинец», в это же время выезжали на патрулирование в город Томск. Вот это была работа!

Света Леонтьева, г. Асино, Томская область.

Мы и поле

В прошлом году наш отряд 7-го класса школы имени Г. Муратбаева ездил в пионерский лагерь «Пламя». В этом лагере ребята трудятся, и мы пробыли там две недели. Каждый день мы с 8 до 12 часов ***работали на поле и пололи свеклу. После нас поле становилось зеленым, а до нас было серым.***

В конце смены нас приехал поблагодарить бригадир. Потом выступил директор школы. Он назвал особо отличившихся ребят... Когда мы уезжали из трудового лагеря, все плакали. Хотелось остаться еще, но на следующий день должны были приехать восьмые классы.

Трудовое лето — самое лучшее. Ты не просто бездельничаешь, коротаешь каникулярное время, а помогаешь другим.

Света Калашникова, с. Михайловка, Джамбулская область.

СТАТИСТИЧЕСКОЕ БЮРО «ПОСЧИТАЕМ-ПОДУМАЕМ»

ВНИМАНИЕ! Напротив каждого письма — цветной квадратик: желтый, синий, красный.

Выбери один, в зависимости от того, какой отдых тебе по душе: **развлекательный, познавательный, трудовой. Вырежи этот квадратик и вместе с рассказом о своем отдыхе** ПРИШЛИ В РЕДАКЦИЮ. На конверте напиши: **«Сб «Посчитаем-подумаем» — «Летний отдых».**

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Наш отряд 6 «А» класса имени Павлика Морозова хочет переписываться с отрядами и дружинами, носящими имя этого героя. Пишите нам: 188260, Ленинградская область, Лужский район, п. Серебрянка, Серебрянская средняя школа.

* * *

Наш отряд собирает материалы о Латвийской ССР. Мы хотим переписываться с девочками из этой республики, чтобы узнать о Латвии как можно больше. Наш адрес: 391015, г. Рязань, п/о Тюшево, с/з «Рязанский», дом 15, кв. 7. Алле Клоковой, Тане Кротиковой.

Рисунки К. ОРЛОВА.

ЮНКОРЫ! ОБЩИЙ СБОР!

СЧИТАННОЕ ЧИСЛО СТЕНГАЗЕТ ПРИШЛО НА НАШ КОНКУРС, ОБЪЯВЛЕННЫЙ В № 1 ЗА ЭТОТ ГОД.

Из этого факта мы сделали вывод, что в дружинах или вообще нет стенной печати, или она на таком высоком уровне, что наши читатели-юнкоры не нуждаются в разговоре о стенгазетах.

ЧТО ЖЕ ДЕЛАТЬ: ЗАКРЫВАТЬ КОНКУРС ИЛИ ПРОДОЛЖИТЬ ЕГО ДО НОЯБРЯ 1987 ГОДА?

В чем причина вашего молчания, юнкоры?

Станислав ФУРИН,
лауреат премии Ленинского комсомола

ВСЕМ, ВСЕМ, ДОБРЫЙ ДЕНЬ!

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ ОБ «АРТЕКЕ»

Окончание. Начало в № 6.

Рот фронт

Я встретил этого человека на X Всемирном фестивале молодежи и студентов в Берлине. Мы говорили о пережитом в годы войны, об опасности возрождения фашизма, о борьбе за мир.

Мой собеседник был коммунистом, в рядах антифашистов сражался с гитлеровским режимом в Германии, пережил ужас Бухенвальда. И совсем неожиданно выяснилось в разговоре, что в детстве, в далекие теперь уже годы, он приезжал в «Артек» среди первых зарубежных гостей этого лагеря.

Я записал его рассказ.

...Очнулся в полутемной камере от острой боли в позвоночнике. Ныло все тело. На губах спеклась кровь. Правый глаз заплыл. На допросе гестаповец был и зол и жесток.

— Тельман ваш давно за решеткой! — кричал он.— На что вы рассчитываете? Доблестные войска фюрера у стен Москвы! Через несколько дней она будет у наших ног!..

Указательным пальцем гестаповец нажал на кнопку магнитофона. Я услышал до боли знакомый голос. С тех пор, как я ушел в подполье, я привык к голосу этого диктора и полюбил его. Не раз мне приходилось записывать то, что он говорил, и передавать товарищам по партии. И в этот раз, как всегда спокойно и уверенно, звучало каждое слово: «От Советского информбюро. В последний час. На всех участках Западного фронта идут упорные, оборонительные бои. Наши войска, изматывая силы противника, удерживают город Нарофоминск».

«Нарофоминск? — мысленно задал я себе этот вопрос.— Да это же совсем рядом с Москвой». Сердце дрогнуло: «Вот куда добрался проклятый фашист». Но тут же вспомнились левитановские слова, «изматывая силы противника...»

— Я вижу, ты узнал голос! —рявкнул оберлейтенант.— Скоро он замолчит. Мы вздернем вашего Левитана на виселице, прямо на Красной площади. Так назовешь явки?

Я молчал.

Гестаповец дал знак охранникам. За волосы эти молодчики потащили меня в камеру пыток.

Я терял сознание. Меня обливали обжигающе холодной водой. И снова били.

Когда полумертвый я очнулся, я почувствовал, что рядом кто-то шевелится.

— Кто здесь? — Мне казалось, что я крикнул громко, но, наверное, я только прошептал, потому что меня услышали не сразу.— Кто здесь? — повторил я вопрос.

Надо мной склонилось заросшее, серое, как выжженная земля, лицо с глубоким шрамом. В полутьме я едва различил на его груди тельняшку. Человек по-русски спросил:

— Ну что, браток, тяжко?

Я понял смысл его слов. Но заговорить с ним боялся: а вдруг провокатор?

— Потерпи,— сказал он и поднес к моему рту кружку с водой.— Пей, легче станет...

Он приподнял мою голову. Я глотнул. Мне действительно стало легче.

Когда-то в далеком двадцать шестом году советские моряки подарили и мне тельняшку. Я на всю жизнь запомнил ту счастливую минуту, когда впервые надел ее. И я решился:

— Ленин... Коммунист... «Артек»...

Человек улыбнулся, повыше приподнял меня за плечи и положил на мой лоб свою холодную руку.

— «Артек», говоришь? — повторил моряк.— Я был в «Артеке» ...Пятнадцать лет назад. Служил на черноморском...

Вдруг неожиданно он вполголоса запел:

«Взвейтесь кострами,
Синие ночи...»

На рассвете его увели. Прощаясь со мной, он поднял руку, сжатую в кулак, и сказал: «Рот фронт!» В камеру он больше не возвращался...

Длинными бухенвальдскими ночами, когда я был в сознании, вспоминал счастливые дни в Советской России, в «Артеке».

На мне тогда были короткие тирольки, белые гетры, а на груди красный галстук. Я был членом первой немецкой делегации пионеров, которая приехала в Советский Союз. Стоило закрыть глаза, и тут же возникали станции, полустанки, море цветов, улыбки, крепкие рукопожатия, громкое «Рот фронт!» В Туле пионеры подарили нам пузатый самовар.

— Тринкен, тринкен! Пейте на здоровье чай из русского самовара! Не забывайте нас,— кричали они по-немецки и по-русски, когда тронулся поезд.

«Артек» поразил нас: море, солнце, кипарисы... В старом парке, метрах в двухстах от берега, почти у подножия огромной горы, четыре брезентовые палатки... Чуть поодаль еще две... В столовой — дощатые столы. Ужин при свете керосиновых ламп. Все романтично...

Утром была линейка. Флаг медленно поднимался в артековское небо. Я и мои старшие друзья подняли вверх сжатую в кулак правую руку: так рабочие Фура и Гамбурга, Берлина и Дрездена приветствовали друг друга, так они встречали свое боевое красное знамя. Мать мне рассказывала, что

отец погиб от пуль полицейских, так и не разжав кулака.

— Всегда готовы! — раздалось в утренней тишине.

— Рот фронт!— крикнули мы.

Каким-то чудом я в Бухенвальде выжил. Всю жизнь я вспоминаю встречу с моряком в камере и все мои встречи в России, в «Артеке»...

Уроки Гайдара

— Тимур, собирайся в дорогу! — весело крикнул отец.— Нас ждет путешествие. Мы едем в столицу.

— Но мы же и так в Москве,— недоуменно ответил Тимур и вопросительно посмотрел на отца. Он знал, что тот никогда не говорит неправду, и потому удивился.

— Это другая столица, Тимур! Ее окружают горы. Рядом — море. А в небе — звезды величиной с кокосовый орех.

— С кокосовый?— протянул Тимур.— Такого не бывает.

— Не бывает,— согласился Гайдар.— Но все равно — большие. А еще в этой столице поют горны, трубят трубачи, как в кавалерии перед атакой!

Гайдар подхватил на руки сына.

— Мы едем в «Артек»!

До Севастополя ехали без приключений. А вот на пути к «Артеку» старенький автобус сломался, видимо, не выдержал тряски на извилистой горной дороге.

До «Артека» было не близко, но отец и сын зашагали по пыльной дороге через Гурзуф к Верхнему лагерю. А чтобы идти было веселее, Аркадий Гайдар запел их любимую песню:

Заводы, вставайте,
Шеренги сжимайте,
На битву шагайте, шагайте, шагайте...

Так с песней уже почти ночью они добрались до лагеря. Устроились в небольшой, уютной комнате, окна которой выходили в парк. Но стало это ясно лишь утром.

Из парка доносился неумолкаемый птичий перезвон. Вдали виднелись Адалары — скалы-близнецы. Они действительно напоминали двух каменных богатырей-братьев. А еще дальше, у Гурзуфа, мы увидели развалины Генуэзской крепости.

— Хорошо! — сказал Тимур. — Побежим к морю?

— И с той поры в море твоя дорога, о волн и бурь мятежное дитя...— согласился Аркадий Петрович. Он вынул из чемодана полотенце.— Вперед!

В этот утренний час море было спокойным. Они долго барахтались в воде, брызгали друг друга соленой водой, ловили медузу, но не поймали. Потом сидели на теплых камнях.

— Папа,— спросил Тимур,— а у моря другой берег есть?

— Есть,— ответил Гайдар.— Если плыть и плыть, никуда не сворачивая, то можно добраться до Кавказа, в город Новороссийск, а если поплыть чуть левее, то попадешь к речке Псоу.

— Туда, где ты воевал с белыми?!

— Да, туда...

В гору поднимались долго и молча. Гайдар думал о своем.

Встретили его радушно, даже ласково. Это хорошо. Просили выступить перед ребятами. Тоже хорошо. «У нас тут режим, все по команде». Эти слова насторожили. Режим, конечно, должен быть — спору нет. Но вот кто и как командует? Одно дело — армия. Там командует командир. Двух мнений нет. А в пионерском отряде?..

Сам-то он хорошо понимал: то, что люди поняли, осознали в детстве, прививается им на всю жизнь, это самые прочные, самые верные навыки. Чести, смелости люди учатся с самых ранних лет. Тот, кто честен, смел и правдив с детства, будет хорошим человеком и хорошим бойцом. А что делает для этого «Артек»? Поживем — увидим...

Целый день потом ходил Гайдар по лагерю, знакомился с ребятами. Увидев высокого человека в гимнастерке, артековцы обступали Аркадия Петровича. Все уже знали, что в гости приехал писатель Аркадий Гайдар. Ему задавали вопросы, он терпеливо отвечал.

— Как стать писателем?

— Просто: взять ручку, чистый лист бумаги, и начинай... Правда, сначала нужно немало повидать, пережить, порадоваться и погоревать. Чтобы было о чем людям рассказывать...

Вечером Гайдара с Тимуром пригласили на костер, посвященный Красному Знамени. В центре

Рисунки А. БОРИСОВА.

костровой, почти у кромки моря, стояла пирамида из сухих веток. Под рокот барабанов сюда собирались отряды, занимали места. Раздалась команда: «Костер зажечь!» Подбежали пять костровых. И вот языки пламени поднялись кверху. А потом начались речи. Гайдар слушал внимательно. Иногда улыбался. Иногда хмурился. Перед сном записал в дневнике:

«...Костер пионеров. Запомнился пионер Колесников — угловатые плечи, жест — рукой к земле. Говорил крепко и хорошо...»

Наутро в военной гимнастерке, папахе и до блеска начищенных сапогах Гайдар направился в пионерскую комнату. То, что он увидел, обидело и огорчило писателя: те самые отрядные флажки, с которыми вчера вечером пионеры выходили к костру, были свалены грудой в углу комнаты. Гайдар присел на стул, оперся рукой о подбородок и задумался. Потом поднялся и начал аккуратно расставлять красные флажки вдоль стены комнаты. Делал он это тщательно, неторопливо, добиваясь строгого равнения и точной дистанции. Казалось, он целиком погрузился в это занятие. Чья-то вихрастая голова показалась в дверях пионерской. И тут же исчезла. Потом появилась еще одна любопытная физиономия. Гайдар продолжал заниматься своим делом. И вот в пионерскую комнату то и дело стали заглядывать ребята. Они с любопытством смотрели на Гайдара. Наконец, он закончил расставлять флажки. Сделал шаг назад, оглядел их строй, прислонил руку к папахе. В комнату набилось уже довольно много пионеров, но было очень тихо. Вбежала запыхавшаяся вожатая:

— Что случилось?

И тут заметила салютующего флажкам Гайдара.

— Беда случилась,— сказал Гайдар.— Если полк утратил знамя, его расформировывают. Если отрядные флажки свалены кучей — какая цена дружине?

И Гайдар вышел из пионерской...

Дни в «Артеке» мелькали, работа Гайдара над новой его повестью «Дальние страны» то шла быстро, то стопорилась. Наконец, наступило время прощания с лагерем. И снова был костер. Такой же жаркий, как и в первый раз.

После костра, когда пропел сигнал отбоя, Аркадий Петрович заглянул в пионерскую комнату и улыбнулся. Отрядные флажки ровно стояли в своих гнездах, как солдаты в строю.

— Тимур, не спишь? — спросил отец, вернувшись из лагеря.

— Не сплю,— ответил сын.— Но ты не сердись. Я уже засыпаю.

— Не спеши,— сказал Гайдар.— Завтра уезжаем, а сегодня можно заснуть и попозже.

И пошли они к морю.

Море было неспокойным. Волны с шумом накатывали на берег. У берега стояли два человека — оба Гайдара — один высокого роста, другой совсем малыш, они с азартом кидали камешки в набегавшие волны.

* * *

Сейчас в «Артеке» дружина «Янтарная» носит имя А. П. Гайдара. Здесь открыта мемориальная доска писателю. В «Артеке» проходил 1-й Всесоюзный слет тимуровцев, имя которым дал герой повести Гайдара «Тимур и его команда». И приезжает сюда сын писателя, тоже писатель, и контр-адмирал Тимур Аркадьевич Гайдар, чтобы готовить, как и отец, краснозвездную гвардию.

Оливковая ветка

Вот уже много лет я храню оливковую ветку. Она высохла. Листочки съежились, оливки стали твердыми, как камень. Но мне дорога память... Об «Артеке». Нет, эта ветка не из знаменитой на весь Крым оливковой рощи в лагере «Морском». Моя ветка прилетела вместе со мной за несколько тысяч километров, из португальской провинции Алентежу, что на самой границе с Испанией. И история ее не совсем обычная.

В Москве стояли январские морозы. Столица утопала в сугробах. А Лиссабон встретил нас приветливым солнцем. В Португалии все зеленело, и футбольный сезон был в самом разгаре. Конечно, рядом теплая Атлантика.

В Португалии за доллар ты можешь получить диплом с гербовой печатью, который свидетельствует о том, что ты стоял на самом краю Европы. Но мы приехали сюда, конечно, не за красочным дипломом. Мы приехали в гости к португальским пионерам. Пионерская организация появилась в этой стране, когда победила Апрельская революция.

Пионеры Португалии с гордостью носят свой

значок: на синем фоне — красная звезда и желторотый цыпленок. Разноцветных петухов с гордой осанкой, самых удивительных размеров,— от наперстка до метровой высоты, мы видели повсюду. Это сувениры: петух — символ мужества, гордости, боевого духа. Из желторотых цыплят должны вырастать настоящие бойцы за народное дело.

— Завтра мы увидим живых «цыплят»,— говорит нам Мария Суареш, пионерская вожатая.— Хотя они еще и не кукарекают, как петухи, но голос у них звонкий. Сами услышите.

Дорога на юг Португалии прекрасна: мандариновые и апельсиновые рощи, виноградники, луга. Впервые я увидел пробковые деревья. Невысокие, с размашистой кроной и необычно толстой корой. Из нее-то и делают в Португалии самые разнообразные пробки — от крошечных до огромных размеров.

Вот наша машина свернула с магистрали в живой зеленый коридор: оливковые деревья усыпаны зелеными ягодами.

Нас принимают в кооперативе, созданном коммунистами после Апрельской революции. На полях этого кооператива мы увидели советский трактор «Беларусь», услышали, как защищают крестьяне от латифундистов, бывших владельцев земли, свои завоевания.

По узким улочкам с глинобитными домами мы пошли в Дом пионеров. Это было небольшое деревянное строение. Возле него толпилось десятка три кареглазых мальчишек и девчонок в красных галстуках и с желторотыми цыплятами на значках.

— Марио! Ты что стесняешься? Веди гостей, показывай ваш Дом пионеров. Ты же командир, командуй! — перевел нам переводчик распоряжение вожатой.

Черноглазый, черноволосый мальчуган был на голову ниже всех. Но, значит, было за что выбрать его командиром! Мы вместе с ребятами прошли в помещение. Я подумал: когда-то и у нас с таких вот изб-читален и домов пионеров начинала жизнь наша пионерская организация.

Вскоре в зал, куда привели нас, набилась почти вся деревня, и малыши, и пожилые крестьяне. И начался концерт. Инструменты для пионерского ансамбля купил кооператив, и крестьяне гордились тем, как хорошо пели их дети.

Начали они с революционных песен. В одной из них говорилось, что у латифундистов коротки руки отнять у крестьян землю. Дети крестьян, когда вырастут, продолжат дело первых кооператоров. Пели ребята и народные песни — об Алентежу, об оливковых рощах и теплой Атлантике.

Потом из хора вышел Марио, сказал что-то по-португальски. К нему присоединилось пять человек. И вдруг здесь, в самой западной точке Европы, в нескольких тысячах километров от Медведь-горы, раздались сотни раз слышанные мною слова, да еще по-русски!

Есть местечко в Крыму,
Отовсюду к нему
Пионеры стремятся гурьбой.
Снизу — горы и лес,
Сверху — купол небес,
А внизу неумолчный прибой,
Поднятие флага, туман Аю-Дага,
Тебя, наш любимый «Артек»,
И Крымские горы, и Черное море —
Мы вас не забудем вовек!

Слушатели, вероятно, как и я, не раз слышали эту задорную песню, знали ее смысл и одобрительно кивали головами.

Воистину, бесконечны твои дороги, «Артек»! Шесть португальских пионеров побывали в «Артеке». Пели они почти без ошибок, и даже акцент был почти неуловим...

Песню исполнили на бис. Вся деревня дружно аплодировала юным певцам. И они стояли смущенные, а глаза светились радостью, счастьем...

Нам показали библиотеку. Бережно хранились там книги об «Артеке», открытки с его видами, коллекция артековских значков и артековская медаль. И хотя это была личная награда Марио за успехи в пении, он ее хранил рядом с другими артековскими сувенирами.

— Что тебе понравилось в «Артеке»? — спросил я Марио после концерта и осмотра библиотеки.

— Все! — радостно воскликнул он.

— Все-все? — переспросил я.

— Все-все! — повторил он.— И море, и «абсолют», и праздники, и купание...

И он стал быстро-быстро рассказывать мне обо всем, что увидел и узнал.

— В «Морском» есть укромный уголок. Он чем-то напоминает наше село,— признался Марио.— Я любил бывать там, в оливковой рощице.

Настало время прощаться. Командир отряда Марио что-то сказал ребятам. Трое из них мигом исчезли. А через несколько минут они вернулись с оливковыми веточками.

— Это вам на память об Алентежу,— сказал Марио.— И уже по-русски добавил:

— Стало паролем
для встречи навек
Заветное, гордое слово
«Артек»!

* * *

В пионерской республике за шесть десятилетий побывало свыше 25 тысяч зарубежных ребят более чем из 100 стран мира. Здесь проходили Международные праздники и фестивали — «Салют, Победа»!, «Пусть всегда будет солнце!». Каждое лето в Артеке проходит международная смена. А на берегу моря высится монумент Дружбы — символ дружбы детей разных стран.

Вместо послесловия

Ребята! Родина подарила вам «Артек». Навечно. «Артек» — это радость! Это море и солнце, это ясное высокое небо и крепкая дружба, дружба с ребятами всех национальностей нашей страны и зарубежными сверстниками.

Как все дороги нашей огромной страны сходятся в Москве, так все пионерские пути пересекаются в «Артеке» — столице Страны Пионерии. Чем живет Пионерия, тем живет и «Артек». И нет в истории Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина почти ни одного значительного события, которое не осталось бы в летописи «Артека». В этом лагере проходят Всесоюзные слеты пионеров, международные встречи детей, сборы пионеров-активистов, тимуровцев, юных санитаров, техников, туристов, спортсменов, коллекционеров.

«Артек» начинался с брезентовых палаток. Сейчас это самый большой во всем мире лагерь для детей. Он вечно юн и прекрасен.

Если бы собрать воедино все высказывания об «Артеке», стихи тех, кто отдыхал в этом лагере и проходил школу пионерской жизни, то получилась бы огромная книга, каждая страница которой рассказывала бы о неподдельной любви ребят и взрослых к удивительной пионерской республике!

Попробуем услышать голоса этой пока еще не существующей книги...

Артек — страна детей

Где ты узнал, что такое дружба?
В Артеке!
Где ты узнал, что такое «нужно»?
В Артеке!
Где ты узнал, что такое море?
В Артеке!
Где ты встречал предрассветные зори?
В Артеке!
Где ты узнал, что такое вершина?
В Артеке!
Где в каждом деле едина дружина?
В Артеке!
Я хочу, чтоб все дети на свете
Побывали в Артеке хоть раз.
Потому что Артек — страна детства,
Счастливого детства для нас!

Марина Тарасова, 12 лет,
г. Челябинск.

Три моря

В Артеке три моря —
Черное море и море Красное.
Красное — море пионерских
галстуков.
А еще есть море в Артеке —
Дружбы.
Это море самое светлое, самое нужное.

Оля Кудрявцева, 13 лет,
г. Ижевск, Удмуртская АССР.

* * *

Что такое Артек, не смогу
объяснить,
Но представить Артек все же
можно,
Если дружбу, улыбку и песню
сложить
И на яркое солнце помножить!

Марина Кулакова, 12 лет,
г. Яхрома, РСФСР.

Спасибо за все. Спасибо советским пионерам. Спасибо советским вожатым. А самое большое спасибо Владимиру Ильичу Ленину за то, что построил для детей Мира такой солнечный лагерь.

Марсель Жанвье,
Сен-Дени, предместье Парижа.

Так прими же нашу любовь и благодарность, «Артек»!

Публикация Н. ФУРИНОЙ и О. КАМЕНЕВОЙ.

Алексей Мусатов

(1911—1976)

Большую часть своей писательской жизни — а это почти полвека — Алексей Мусатов прожил в городе, в Москве. Но для всех его знавших он был «деревенщик». Потому что именно деревенская жизнь, жизнь деревенских детей была главной, если не единственной, темой произведений Алексея Мусатова.

Алексей Иванович Мусатов родился в деревне, в Ивановской области. Учился в деревенской школе, потом, после окончания педагогического техникума, работал на селе учителем русского языка. И хотя после этого Алексей Мусатов учился еще в редакционно-издательском институте, на сценарных курсах, все равно — деревня всегда оставалась в центре его писательского внимания. Уже став известным писателем, он часто уезжал в деревню. Уезжал надолго, а вернувшись, с оживлением рассказывал, что он увидел нового, что его поразило в быстро меняющейся жизни села. Он об этом рассказывал на собраниях или в кругу друзей-писателей; с удивлением и радостью или с негодованием и горечью он говорил об увиденном. И не только говорил — писал бумаги, ходил в учреждения и, смеясь, называл себя «ходатаем по деревенским делам»...

Алексею Мусатову было 19 лет, когда он опубликовал свою первую повесть «Шанхайка». Это была книга о детях доколхозной деревни — такой, в которой он сам родился и вырос. Молодой, начинающий писатель, при всей своей любви к тому, что составляет для ребят прелесть деревенской жизни — общение с природой, ночное, работа в поле,— не скрывал и того, что для многих крестьянских детей, и прежде всего детей бедняков, жизнь в деревне — это еще и тяжелый, часто недетский труд и нелегкое учение: до школы порой далеко, нет книг, а значит, нет и радостей, ими доставляемых. В «Шанхайке» писатель рассказывает о таких деревенских ребятах, о которых сегодняшние читатели «Пионера» и представления не имеют,— о батрачатах — детях, работающих по найму у кулаков.

А в 1931 году Алексей Мусатов опубликовал повесть «Шекамята». Не надо удивляться этому странному названию — так в деревне называли учеников Школы крестьянской молодежи. Эти школы возникли в сложное и трудное время коллективизации, когда классовая борьба иногда рвала и родственные, и дружеские связи и детям приходилось решать совсем недетские задачи.

Всю Отечественную войну Алексей Мусатов провел на фронте, был военным корреспондентом. А после войны вернулся, и уже навсегда, к своей главной теме — жизни детей в советской деревне. В 1946 году выходит его большая повесть «Стожары». Это было одновременно и правдивое, и лиричное повествование о ребятах, которым пришлось перенести всю тяжесть военного времени. Рано стать взрослыми, за многое ответственными людьми. За эту повесть Алексей Мусатов был удостоен Государственной премии.

К теме войны Алексей Мусатов вернулся впоследствии в повести «Ночной обоз» — о детском доме, оказавшемся на оккупированной фашистами территории. Она была написана под впечатлением того, что увидел и узнал военный корреспондент Алексей Мусатов.

Алексей Мусатов всегда говорил, что в нем неистребимо живет учитель. В своих поездках больше всего внимания он уделял сельским школам — этим центрам не только образования, но и культуры. Об этом была написана его повесть «Дом на горе».

Почти все произведения Алексея Мусатова были посвящены деревенским ребятам. Например, повести «Медуница», «Хорошо рожок играет» и последняя его повесть «Дубовые листья».

Недавно закончился выход трехтомного собрания сочинений писателя, в котором собрано почти все им написанное. И юный читатель из повестей Алексея Мусатова узнает, что же такое деревенская жизнь и что такое сельский труд во всем его многообразии и величии.

Лев РАЗГОН.

Алексей МУСАТОВ

Дом на горе

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

...Отороченная по берегам густыми зарослями ивняка и черемухи, река лежала без единой складочки, и в ней, как в зеркале, отражались курчавые прибрежные кусты и перистые облака высокого неба.

Лучшего места для водопоя не найти!

Мальчики, оставив коней у самого берега, опустили поводья и разом причмокнули языками, что должно было обозначать: «Вы сегодня хорошо поработали. Пейте, кони, досыта — воды хватит!»

Лошади жадно припали к парной воде. Пили долго, сосредоточенно, не отрывая губ, а мальчики сидели не шелохнувшись, и им начало казаться, что река мелеет, вода отступает от берегов и вот-вот обнажится дно, усеянное цветными камешками.

Первым, фыркая и роняя с губ зеленоватые, похожие на виноградины капли воды, оторвался от воды жеребец Гордый. Он вскинул точеную рыжую голову, вытянул мускулистую, сильную шею и заржал призывно и звонко, словно хотел оповестить всех, что вот он наконец утолил жажду и теперь по-прежнему резв, бодр и молод. Потом вошел по колени в воду и властно ударил копытом по глади реки.

Мальчики переглянулись.

— Абреки и джигиты! — тонким голосом закричал Алеша Прахов, малорослый веснушчатый паренек с лукавыми черными, как спелые ягоды черемухи, глазами.— Доколе ж нам бояться грозного конюха? Форсируем водную преграду!

— Не хорохорься, Прах! — остановил его Паша.— Все равно тебя в кавалерию не примут... ноги коротки.

— В самом деле, Кивачев,— с досадой сказал рослый Митя Епифанцев,— раз к реке приехали, надо хоть искупать коней.

— Насчет искупать сказано не было...— не очень уверенно возразил Паша.

— А ты по-сказанному все живешь! Отсюда досюда! — не оборачиваясь, вполголоса сказал Костя Ручьев, незаметными движениями коленей и пяток заставляя Гордого идти дальше.

— Ты это брось, брось! — встревоженно закричал Паша.— Там, посередине реки, ключи бьют... закрутить лошадь может.

Но Костя ничего, казалось, не слышал. Смешно же в самом деле слушать предостережения Паши, про которого в селе говорят, что он рассудителен и осторожен, как столетний дед! А ведь Гордый — знаменитый фронтовой конь. Ему, верно, и самому хочется тряхнуть стариной и после утомительной работы выкинуть что-нибудь такое, чтобы люди сразу признали в нем бывалого кавалерийского коня.

Вот уже вода достигла Гордому до груди, коснулась шеи. Жеребец вдруг оттолкнулся от песчаного дна, вытянулся и поплыл. Костя ощутил, как заиграли твердые мускулы Гордого.

Мальчишки невольно залюбовались, как легко и, главное, бесшумно плыл Гордый.

— Хорошо плывет! На таком только в разведку ходить,— оценил коня Алеша Прахов и скомандовал: — Эскадрон, за мной! Вплавь!

Но рыжая кобыла, на которой сидел Алеша, известная в колхозе под кличкой Командировочная, не захотела форсировать реку. Она покрутилась на берегу, потом лихо взбрыкнула, без всяких усилий сбросила Алешу со спины и неторопливо побежала к клеверищу полакомиться молодой отавой. Сконфуженный Прахов помчался догонять строптивую лошадь.

Костя между тем, сделав большой круг по реке, направил коня к берегу. Здесь он сполз с мокрой спины лошади, нарвал осоки и, как мочалкой, принялся тереть лоснящиеся бока Гордого, его грудь и спину.

— Ну, что же ты? Клюквы объелся? — насмешливо спросил он, заметив растерянное лицо Паши Кивачева.— Купать так купать... Командуй!

Кивачев уныло махнул рукой — нет, не слушают его ребята, всегда этот Ручьев сделает по-своему.

— Купайте, коли так,— согласился он.

Река забурлила, закипела, словно в ее глубине разыгрались могучие сомы. Чинное отражение прибрежных кустов исказилось, светлые перистые облака порвались в клочья. О берег заплескались мелкие, но сердитые волны.

Рисунок В. ДУДКИНА.

Под рубрикой «Есть идея!» в № 5 журнала за этот год было опубликовано предложение Жени Новикова из Череповца — проводить в «Пионере» встречи с пионерскими газетами и журналами разных стран.

Идея принимается: она понравилась многим читателям. В этом номере — ***у нас в гостях журнал монгольских пионеров «Залгамжлагч».***

Здравствуйте! — Сайн байна уу!

Дорогие друзья! Взгляните на карту! В самом сердце Азии лежит страна, очертания которой напоминают цветок, раскрывший свои лепестки. Это наша родина — Монгольская Народная Республика. Здесь живут ваши верные друзья — пионеры-сухэбаторцы.

Монголию нередко называют страной молодежи. И это верно. Сегодня почти половину населения МНР составляют дети до шестнадцати лет.

Естественно, наши ребята, как и их сверстники во всем мире, любознательны, постоянно стремятся узнать что-то новое и интересное. Для них издаются газеты и журналы, выпускаются книги, снимаются кинофильмы и ставятся спектакли.

«Залгамжлагч» — один из детских журналов. Его название в переводе на русский означает «наследник». И свою главную задачу мы видим в том, чтобы помогать сухэбаторцам вырасти достойными наследниками, продолжателями революционных, боевых и трудовых традиций старших поколений.

Мы рады возможности встретиться с вами в год 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Ваш новый знакомый «Залгамжлагч» преподносит свои страницы, как голубой, цвета мира, хадак [1], и говорит всем вам «Сайн байна уу!» — «Здравствуйте!».

Ж. ДАШДОНДОГ,
член Президиума Монгольской пионерской организации имени Д. Сухэ-Батора, главный редактор журнала «Залгамжлагч».

[1] Хадак — голубая шелковая лента, которая преподносится в знак уважения.

Фотографии С. БОДООША, С. ЖОНБОЛДОРЖА и Т. ЭНХБОЛДА.

Дети города дружбы

Городом дружбы называют в Монголии Эрдэнэт.

Эрдэнэт — значит драгоценная. Это имя в стародавние времена было дано одной из сопок живописного междуречья Селенги и Орхона. Гора действительно оказалась драгоценной. Геологи установили, что она хранит в себе половину запасов всех разведанных в Азии месторождений меди.

В середине 70-х годов здесь развернулась крупнейшая советско-монгольская стройка — горно-обогатительный медно-молибденовый комбинат. Вскоре поселок строителей превратился в город, один из самых молодых в Монголии. Бок о бок здесь трудятся специалисты двух братских стран. А на улицах и спортивных площадках, в школьных классах и на пионерских линейках, на театральной сцене и в туристическом походе можно часто увидеть вместе советских и монгольских ребят.

В Эрдэнэте я познакомился с двумя мальчиками. Банзрагчийн Билэгдэмбэрэл учится в восьмилетней школе № 4, Вася Гуров — в советской школе № 19.

Впервые они встретились на соревнованиях по самбо между учащимися монгольских и советских школ в 1983 году. С тех пор ребята подружились. Живут в одном микрорайоне, поэтому часто свободное время проводят вместе. К тому же и увлечения их во многом совпадают. Оба любят хоккей и стараются не пропустить ни одного матча с участием местной команды. И вообще зима приятелям нравится больше, чем лето. С удовольствием катаются на коньках, на санках, лепят из снега фигуры животных. Лето — тоже пора интересная, но... Вася уезжает на каникулы в Москву, а Билэгдэмбэрэл — к своей бабушке в сельскую местность, и ребята расстаются до осени.

И еще я узнал, что ребят объединяют не только игры и увлечения. Вася помогает Билэгдэмбэрэлу овладеть русским: вместе готовят домашние задания, пишут сочинения, переводят различные тексты. Эти занятия очень пришлись кстати, когда Билэгдэмбэрэл участвовал в телевизионном конкурсе по русскому языку «Мы поедем в Артек». А Билэгдэмбэрэл учит Васю монгольским словам и выражениям. От него Вася узнал много интересного о природе Монголии, о животных монгольских степей и лесов, включенных в «Красную книгу».

И Билэгдэмбэрэл, и Вася — постоянные участники всех дел интернационального клуба, где занимаются десятки монгольских и советских ребят. Таких клубов в Эрдэнэте много: они действуют в каждом микрорайоне. И это символично. Совместным трудом советских и монгольских людей создан социалистический город Эрдэнэт. В совместных делах пионеров-ленинцев и юных сухэбаторцев продолжается эта традиция дружбы.

Г. ТУРТОГТОХ

Знаете ли вы, что...

...Монгольская пионерская организация — одна из старейших в международном детском демократическом движении: она основана 8 мая 1925 года. С 1965 года организация носит имя вождя монгольской народной революции Дамдины Сухэ-Батора.

...в Монголии сейчас 360 тысяч пионеров и баторцев, то есть каждый пятый житель страны — член пионерской организации.

...за заслуги в воспитании подрастающего поколения Монгольская пионерская организация трижды — в 1965, 1975 и 1985 годах — удостоена высшей награды — ордена Сухэ-Батора.

...первая делегация монгольских пионеров посетила СССР в 1929 году. Юные посланцы МНР были гостями I Всесоюзного слета пионеров, приняли участие в Международной конференции, состоявшейся в дни слета.

...с 1970 года Монгольская пионерская организация является членом Президиума СИМЕА — Международного комитета детских и юношеских организаций при ВФДМ.

...8 февраля 1986 года в Улан-Баторе стартовала интернациональная пионерская эстафета «Нам этот мир завещано беречь». Эстафета явилась конкретным вкладом детей разных стран в программу Международного года мира.

Первый конь

— Вот твой конь,— сказал как-то отец, указывая на новорожденного жеребенка.

Я ликовал. Еще бы! Обзавестись собственным конем — заветная мечта каждого мальчишки. Замечательное слово «конь» было в числе первых, которые я научился говорить. Под топот конских копыт проходило мое детство.

— Монгол рождается на коне и умирает на коне,— частенько повторял отец.

Самой первой лошадкой мне служил обтесанный волнами нашей реки камень-голыш. Я нашел его на берегу и долгое время изображал из себя всадника, усевшись верхом на него. А когда пришла очередь пасти ягнят, лошадью мне служило кнутовище до тех пор, пока не додумался кататься на ягненке.

Тут кстати вспомнить об одной выдумке моего младшего брата Мунагара.

— Знаешь что,— как-то предложил он,— покатаемся-ка на баране! Он вечно ходит по пятам за нашей рыжей овцой-лысухой. В полдень, когда стадо пригонят домой, мы этого барана крепко привяжем. А когда овец угонят на пастбище, наш баран затоскует. Тут мы его отвяжем, заберемся ему на спину, тогда увидишь, как он помчится вдогонку за своей рыжухой!

Мы так и сделали. И впрямь баран бежал ничуть не хуже хорошего жеребца.

А на пастбище возле рыжей овцы уже стоял другой баран. Наш при виде его немедленно нагнул голову, намереваясь затеять драку. Но и соперник был не из пугливых. Удар его крутых крепких рогов пришелся нам по ногам. С воплем мы повалились на землю.

Эту сцену увидел наш сосед Ванчиг. Вечером он вдоволь посмеялся над нами в присутствии взрослых.

— Эх вы, мужчины! — покачал он головой.— Да мы в свое время начинали ездить верхом с трех лет, да не на каком-нибудь паршивом баране, а на настоящем коне.

После этого отец и подарил мне жеребенка. Я бегал к нему каждый день, заботился о нем и выбрал ему хорошее имя — Быстроногий.

Скоро жеребенок превратился в маленькую лошадку.

Однажды мы с братом решили поехать верхом подальше от дома.

Стояла весна. Ночью выпал последний в том году снег и до утра не успел растаять. Все вокруг было белым-бело, так что слепило глаза. А вот и горный перевал. У обона — небольшой кучки камней, насыпанных в честь духов здешней местности,—мы спешились и, подражая старым людям, добавили к обону несколько камешков. Пусть духи радуются. Пригрело солнце, и снег стал подтаивать, от земли шел пар.

— А не сделать ли нам снежный ком? — предложил братишка.

Вам, конечно, интересно узнать, в чем прелесть этой старой детской игры? Забираетесь в горы, из подтаявшего снега лепите снежок и пускаете его по косогору вниз. По пути он становится все больше и больше, и в долину скатывается уже огромный ком, нередко достигающий размеров юрты и способный перегородить ручей или даже небольшую речушку.

Пока мы играли, прошло немало времени. Пора было возвращаться. Быстроногий мчался, как ветер, и домой мы поспели к обеду.

— Если бы мы шли пешком, то не вернулись бы и до вечера,—сказал братишка.— А так никто из взрослых и не заметил нашей отлучки.

— Верно! — согласился я.— Лошадь — это скорость.

Так я узнал, что у всадника большие преимущества перед пешеходом.

Л. ТУДЭВ, писатель,
лауреат Государственной премии МНР.

Кто же чемпион?

Что за крик стоит с утра?
Это — первенство двора:
Спорят восемь малышей,
Кто из них заснет скорей!
Чемпион — вот это званье!
Стало тихо во дворе.
А судья соревнований —
Самый маленький, Шурэ.

Спят Батын и Балжирын,
Спят Хандын и Халтарын,
Лишь судья Шурэ не спит —
Он и строг, и деловит.
И спросил судья-малыш:
— Эй, Тэгшэ,
скажи,
ты спишь?
— Да! — откликнулся Тэгшэ.
Затряслись от смеха все,
Все, кто сном мертвецким спал!
Кто же
чемпионом стал?

Д. ДАВААНЯМ.
Перевод И. ЛЕВЯНКО.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Монгольские народные пословицы

Дружба с хорошим человеком — лунный свет, дружба с плохим человеком — змеиный яд.

Стая дружных сорок сильнее одинокого тигра.

У кого много друзей, тот широк, как степь. У кого их нет, тот узок, как ладонь.

Море ведром не вычерпаешь, человека сразу не узнаешь.

Старик и тигр

СКАЗКА

В давние времена жили старик со старухой, и было у них несколько коров и овец. Повадился к ним волк. То овцу утащит, то корову задерет.

Однажды пошел старик в лес за дровами, и повстречался ему тигр.

— Давай померимся силой! — говорит.

«Съест меня тигр»,— подумал про себя старик, а вслух произнес:

— Давай, только не сейчас.

— Когда же?

— Завтра на этом месте,— предложил старик и побрел домой.

— Как быть? — спросил он у старухи, рассказав о встрече с тигром.

Подумав, она посоветовала:

— Иди-ка ты обратно в лес. Подпили дерево, да чтобы незаметно было.

Старик так и поступил.

На другое утро тигр уже поджидал старика:

— Как будем силой мериться?

— Давай валить дерево. Кто быстрее свалит, тот и выиграет.

— Хорошо,— согласился тигр, но, как ни старался, ни одного дерева свалить не сумел. А старик легонько подтолкнул подпиленное дерево, и оно упало.

Решил тигр, что старик и впрямь силен.

— На этот раз ты победил,— говорит.— Но это не все. Давай завтра еще раз померимся. Кому удастся выдавить воду из камня, тот, значит, и сильнее.

Возвратился старик домой:

— Что мне теперь делать?

Старуха подумала и дала ему кусок свежего овечьего сыра.

— Спрячь среди камней, да только место заметь хорошенько.

Так и сделал старик.

Встретившись с тигром на следующее утро, старик отыскал свой сыр и слегка сдавил его.

— Смотри, тигр, сколько воды в камне!

А у тигра, как ни сжимал он камни, ничего не получилось.

«Какой же он сильный. Но ничего, я его перехитрю»,— подумал тигр и пригласил старика к себе в гости.

Он угостил старика чаем и разными кушаньями, а потом говорит:

— А теперь пора и отдохнуть.

Притворился старик спящим, а тигр взял саблю, вышел из юрты и стал ее точить. Понял старик, что тигр хочет его зарубить, схватил стоявшую поблизости большую ступу и надел ее себе на голову. В полночь подкрался тигр к старику, ударил по ступе раз, другой, сабля и разлетелась на мелкие кусочки. Испугался тигр, забился в угол.

Утром старик поднялся рано.

— Когда я спал, над моей головой что-то грох-

нуло, что бы это могло быть? — спросил гость хозяина.

— Это я вчера хотел тебя зарубить и съесть, да не смог,— признался тигр.— Ты и впрямь неуязвим. Сейчас чай будем кипятить, сходи за водой!

Старик с трудом поднял кувшин и кое-как донес его до колодца.

«Пустой-то кувшин я еле доволок, а с водой мне его вовсе не поднять»,— подумал старик и начал ковырять землю вокруг колодца.

А тигру надоело ждать.

— Что ты там делаешь? — крикнул он.

— Да чем носить воду кувшином, лучше выкопать колодец и целиком принести тебе.

Испугался тигр, что старик и впрямь разрушит его колодец, сам наполнил кувшин водой и понес в юрту.

Когда старик стал собираться домой, тигр решил преподнести ему в подарок большой слиток золота.

Старик не смог бы даже поднять этот слиток, поэтому попросил тигра донести подарок.

Пришлось тигру пойти со стариком.

Обрадовалась старуха, увидев целым и невредимым своего старика, и начала хлопотать у очага.

— Что тебе приготовить на обед? — спросила она.

— Да вот наделай колбас из этого тигра и свари,— ответил тот.

Услышав эти слова, тигр пустился наутек.

Повстречался ему по дороге волк.

— Ты куда так торопишься? — спросил он у тигра.

— А-а-а, здесь живет один страшный старик. Он хочет меня съесть.

— Не бойся, тигр. Я частенько таскаю у него скот. Пойдем вместе.

— Не пойду я, боюсь,— ответил тигр.

— Ну, уж коли ты такой трус, давай привяжемся друг к другу и пойдем рядышком.

Так они и сделали.

Увидел старик зверей и говорит:

— А, волк, должок возвращаешь? Ты ведь давно обещал мне привести тигра.

Услышав это, тигр бросился обратно, волоча за собой волка.

Только у леса остановился передохнуть. Оглянулся, а волк уже мертв.

Так старик со старухой избавились от своих врагов.

Рисунки Л. ХАЧАТРЯНА.

Из монгольских народных сургалов[1]

Ради друга старайся,
Ради себя — подожди.

Раньше встанешь — больше увидишь,
Позже ляжешь — больше услышишь.

Большая вода — спокойна,
Ученый человек — скромен.

Не украшай себя золотом,
Украшай знаниями.

Доброту друга узнаешь в дружбе,
Коня узнаешь в езде.

[1]Сургал — поучение, один из самобытных жанров монгольского фольклора.

Маше ИГНАТЬЕВОЙ 13 лет, она перешла в 7-й класс, живет в Москве, учится в школе № 646.

Лето

Наступило лето, жаркая пора,
И не ходит больше в школу детвора.
Хочется побегать, в игры поиграть,
Но противный дождик льет и льет опять.
Где же наше солнышко? Почему не светит?
И на небо хмурое с грустью смотрят дети.
Выйди, выйди, солнышко, выйди поскорей!
И детишек маленьких приласкай, пригрей!

«КОРОВА ЗАБОЛЕЛА».
Работа Оли БЫЧКОВОЙ, 10 лет.

Ира ДАВЫДОВА живет в Московской области, в городе Орехове-Зуеве, учится в школе № 4, перешла в 7-й класс.

Как я ходила на футбол

Ко мне братишка подошел,
Позвал с собою на футбол.
Я согласилась с ним пойти.
Зашли во двор мы по пути.

Сосед слонялся по двору.
Братишка с ним вступил в игру.
Потом мне их пришлось разнять
И на футбол соседа взять.

Вот мы пришли на стадион.
Народу — целый миллион!
Мы заняли свои места.
День жаркий — солнце, духота.

Свисток судьи, начался матч:
В игре «Нефтяник» и «Киржач»[1].
Игрою все увлечены —
Ведь наши выиграть должны!

Мой брат следил за матчем так:
Билеты нервно сжал в кулак
И все защитников учил,
Как будто тренером он был.

Мне брат два пончика купил.
Он от игры так счастлив был,
Что весь обратный путь домой
Они с соседом меж собой
Переиграли этот матч:
Ведь выиграл родной «Киржач»!

Морские собачки

В морских проживают просторах
Рыбешки — морские собачки.
На теле собачек — узоры,
Хвосты — словно юбочки-пачки.

На дно загляни: золотые
Горят огонечки на скалах,
А это собачки морские,
Сверкающие в кораллах.

Быстры и подвижны собачки,
Как будто в воде у них скачки.

[1]Киржач — поселок городского типа вблизи Орехова-Зуева.

Тигран ТЕР-ОВАНЕСЯН учится в ереванской школе имени Мравяна, закончил 4-й класс.

Стихи о Крыме

*

Облака соревнуются с морем,
Неразлучны в туманной дали;
Выплывают из моря драконы,
Перламутром сверкая вдали...

*

Звезды зажглись во тьме ночной.
Море спокойно — лишь тихо искрится
И, охраняя в глубинах покой,
Янтарно вздыхает и серебрится...

Метаморфоза

Печально, зловеще гроза приближается,
туман в небесах с облаками сражается.
Стемнело, становится глуше, мрачней...
Все горше на сердце, грустнее, больней...

Вдруг — радость!
Лик солнца проглянул сквозь тучи!
Приветливо вспыхнули ясные очи!
Рассеялся мрак, и в дымке багрянец,
мгновенный, ликующий неба посланец,
окрасил окрестность в нежнейший румянец...

Наташа СЕМАШКО живет в Казани, учится в школе № 111, перешла в 7-й класс. Наташа давно дружит с «Корабликом», часто присылает свои стихи и рисунки.

Утро в лесу

Встало солнце над лесами,
Нежно зазвенел ручей.
На березе, звонко щелкнув,
Распевает соловей.

На росистую лужайку —
Вся она была в цвету —
Стайкой выбежали зайки
И давай играть в лапту!

Лес проснулся. Тут и там
Слышался веселый гам.
У лесных зверюшек было много дел:
Начинался новый день!

Света ФАРТУШНАЯ живет в городе Долгопрудном Московской области. Она пятиклассница школы № 10.

Рябина

Красная рябина под окном стоит,
Нарядилась ягодкой, а сама шуршит.
Все кричат воробушки: «Угости меня
Своей красной ягодкой и теплом огня!»

«ПОРТРЕТ ЛОШАДИ».
Нарисовала Оксана ЛЫСЕНКО, 14 лет.

Есть писатели взрослые и писатели детские, есть поэты и прозаики, публицисты и переводчики. Но иногда, правда, очень редко, в одном писателе счастливо соединяются и поэт, и переводчик, и прозаик, и публицист, и драматург. И читать произведения этого автора одинаково интересно и взрослым, и детям. Вот такой писатель — Леонид Львович Яхнин. Он пишет чудесные пьесы для самых маленьких: например, «Площадь картонных часов», которая публиковалась в «Пионере». Его переводы открывают подросткам мир поэзии, имена авторов из самых разных стран. Его путевые заметки, очерки и сказки интересно читать всем... А еще Леонид Яхнин — давний друг журнала «Пионер». И редакция, поздравляя Леонида Львовича с пятидесятилетием, желает ему здоровья и творческих удач, а своим читателям — новых встреч с произведениями Леонида Яхнина.

Леонид ЯХНИН

«Студеная река — красные берега»

ИЗ ЦИКЛА РАССКАЗОВ

Рисунки Н. ШЕВАРЁВА.

Всю зиму я жду лета. Гляжу из промерзшего окна на завьюженные улицы, заснеженные крыши, снеговые клубы дыма, на стылое белесое небо и тороплю, гоню-подгоняю зимние короткие дни. Мечтаю, чтобы скорее сменились они ясными весенними утрами, а там и летней теплынью. И как только летнее солнце войдет в силу, начнет припекать, окатывать жаром, дышать в распахнутое окно размякшим асфальтом и раскаленными крышами, я собираю свои вещи и спешу куда-нибудь на север. К студеным рекам или еще дальше — к самому Белому морю. Оказывается, мне по душе именно то, чем я тяготился зимой. И белесое низкое небо. И зыбкие туманы, падающие неожиданно и разом, как летучие январские снега. И быстрый колючий ветер сиверко, именем и повадками похожий на зимние наши злые ветра, кидающиеся на тебя из подворотни, что пес сторожевой. И обжигающая свежесть стылой речной воды.

Собираю я свои вещи — блокнот, коробку красок, запас чаю в пачках, надеваю непродуваемую куртку-ветровку и непромокаемые утконосые резиновые сапоги и топаю на вокзал, самое людное и толкучее место в Москве.

Отсюда дорога моя только начинается. А там — деревянная лавка тесного вагона или попутный грузовик-грохотун, палубный пароходик «Воротынь» или трескучая лодка-моторка, а то и просто лесная дорога с веселым попутчиком или в одиночку, с комариной тучкой над головой.

И вот уже передо мной спокойная река Мезень, неспешно несущая тяжелые воды к Белому морю. А по-над высоким красным берегом ее — ладно срубленные амбары и баньки, поднебесной высоты лиственницы и выбегающие на гребень одна за другой деревеньки. Крепкая Юрома. Просторная Палуга. Старинная Кимжа. Тихое, приветливое Заручье. Я медленно взбираюсь на крутой берег по лиственным плашкам, уложенным лесенкой, прислушиваюсь к позабытым деревенским звукам и успокаиваюсь — вот ведь чего мне не хватало всю зиму в Москве. Тишины.

Живали-бывали

В Заручье, крохотной деревеньке, я и не думал останавливаться. Мне надо было в Кимжу, древнюю, в книгах расхваленную необыкновенную Кимжу с деревянным удивительным собором. Я вез с собой толстый альбом, в который собирался зарисовать все деревянные архитектурные чудеса, какие встречу в пути. А собор в Кимже был, по слухам, чудо из чудес. Всем должно быть ясно, как я туда стремился. И в Заручье попал так, мимоходом. Точнее, мимоплавом: я плыл вниз по реке Мезени на удобном пассажирском судне с утренним именем «Заря».

Завернул я в Заручье за хлебом. Пекарня там знаменитая, и в магазине лежат на полках горячие, с жаркими корочками, вкуснейшие ржаные кирпичи. На высоких ступенях магазина, будто грачи в косыночках, сидели старушки и щебетали. Каждая держала банку или бидон. А одна даже ведром запаслась. В сторонке примостилась маленькая бабушка. Вокруг нее застыли разноперые ребятишки и девчонка в маминых сапогах.

— Бывало-живало, жили старик со старухой,— запела бабушка, и ребятишки тут же, как по команде, разинули рты, а девчонка в маминых сапогах даже на корточки присела от внимания. — И был у них петух Бесоног. Озорной, как бесенок. А еще бык-ревун. Ревет, бывало, бунит — бун-бун-бун. И побрела старуха, случилось, в лес, грибов наломать. Ан грибов-то в лесу одна бабка мышья, гриб-дождевик. Что делать? Какой ныне суп старику варить? Она, слышь, из грибов суп-то варить взялась. Ни с чем возвернулась старуха домой. И гадает: разве петуха сварить на обед? Он, бе-

согий, по двору все едино без дела мечется...

С грохотом подкатил к магазину грузовик. Вышел из него лихой шофер в рубахе-размахайке.

— Привет,— крикнул он,— старушки-вековушки! Чего ждете?

— А молочка! А сливочек, слышно, привезут,— охотно загалдели старушки.

Шофер весело подмигнул мне и взбежал по ступенькам, ловко увертываясь от банок и бидонов. Он крепко стукнул в запертую дверь магазина.

— Рано еще! Чего стучите?— ответила ему дверь сердитым голосом.

— Папирос мне, Феня Петровна! Спешу! — крикнул лихой шофер и снова заговорщицки подмигнул мне с высоты лестницы.

Дверь помолчала, а потом высунула по локоть округлую руку с пачкой папирос «МОТОЦИКЛ». Шофер аккуратно взял пачку, ссыпал вместо нее в дверную ладонь мелочь и укатил так же быстро, как появился. Тут я снова поймал голос маленькой старушки:

— А зачем, говорит петух, меня варить? Ты лучше молочка коровьего надои. Деда молоком напоишь. Вот глупый петух! Бесоног и есть бесоног. Разве ж с быка молока надоишь? Он одно знает — бун-бун-бун. А петух свое: какую, говорит, хочешь корову? Буреху, Пестроху, Черноху? А может, Белоху желаешь? Белую, будто курочка?..

Как раз в этот момент дверь магазина распахнулась, и старухи потянулись в нее вместе с банками, бидонами и ведром.

— Вот и открыли,— прервала себя старушка,— бегите, ребятки.

— Ба-а, Ню-ю...— заныли ребятишки.

— Бабушка Нюра тоже идет. Вы мне очередь-то займите. А доскажу потом.

Ребятишки захлопнули рты и посыпали в магазин. Девчонка в маминых сапогах загрохала вслед за ними. И я заторопился купить кирпичик обжигающего руки хлеба, пока он не остыл на полках. Но маленькая старушка меня окликнула:

— Паренек, а паренек!

Я поразился такому не подходящему ко мне слову. Какой я паренек? Дядька с примятыми волосами.

— Паренек,— настаивала старушка.— Ты, гляжу, в пути. Так не запасся ли баночкой? Мне сливочек захотелось, а баночку я не схватила.

Баночка у меня оказалась. Полулитровая с крышкой. Нашлась у меня и пачка чаю. Хорошего, московской фабрики. И шоколадная конфета «Ночка» в сумке отыскалась. У бабушки Нюры (я ее стал звать уважительно — Нюра Николавна) в запасе оказался сахар и граненые стаканы с ложечками. Так и задержался я в Заручье сначала на день, потом еще на день. Все думал: погощу немного у бабушки Нюры Николавны, а там — в Кимжу. Но в Кимжу я попал только на следующий год. И не жалко. К тому времени получше рисовать выучился.

— А ты издалека-то?— спрашивала бабушка Нюра Николавна.

— Из Москвы.

— Из Москвы-и?— пела бабушка.— Далёко. Коровенку или там овец дёржишь?

— Нет, бабушка, не держу.

— А пошто? Трава бедна?

— Да, травы не очень...

— А у нас травы-иии,— выпевала Нюра Николавна и восторженно зажмуривалась.— Коса застревает. Ты чай-то пей, а остатки не сливай.

— Зачем же остатки?— удивлялся я.— Мы свежего заварим.

— Нет, нет,— упорствовала бабушка,— мне уж остаточков. Вот в эту банку слей.

И я, недоумевая, послушно сливал в банку мутноватый остаток заварки. Бабушка Нюра Николавна уносила банку к себе, а на следующий день повторялось то же. Стесняется бабушка, что ли, свежего чаю попросить? На третий день я не вы-

держал. Покопался на дне сумки, вынул припасенную на крайний случай пачку лучшего московского чаю и преподнес ее бабушке Нюре Николавне. Она ее взяла, поклонилась деликатно и снова попросила:

— Ты уж как пить-то чай будешь, опитки не сливай. Не забудь. Вот я баночку ставлю.

— Бабушка! — возмутился я.— Нюра Николавна вы моя ласковая, разве мне для вас чаю жалко? Даже обидно.

— Мне-то ладно,— успокоила меня бабушка.— Они, вишь, свежий не берут. Опиточки любят.

— Кто такие? — не понял я, зная уже, что у бабушки Нюры Николавны здесь, в Заручье, никого нет. Все внуки-правнуки разъехались. А родной брат, генерал, живет в отставке на Дальнем Востоке. И потом, чего это она вздумает брата-генерала опитками угощать?

— Кто такие? — повторил я почти строго.

— А червячки. Я их опиточками подкармливаю. Вот они и приходят, копошатся под окном.

— Кто приходит? Кто копошится? И зачем вам червяки под окном?

— А как же-ии,— запела бабушка Нюра Николавна.— Червяки разведутся. Ребятишки придут покопать их для рыбалки. Они копают-копают, лопочут-лопочут. А я у окошка сяду и слушаю-слушаю, гляжу-гляжу-у. Все веселее. Одна ведь я. Это хорошо ты заехал. Вот и поговорим когда вечерком.

После того разговора я уже не спешил в Кимжу. «Успею,— думал,— никуда древняя Кимжа от меня не денется».

А когда червяки достаточно напились, наелись спитого чаю и, сытые, стали показываться из земли, набежали деревенские ребятишки с консервными жестянками. Бабушка Нюра Николавна села у окошка, посмотрела-посмотрела на них, послушала-послушала, а потом и сама заговорила-запела: «Бывало-живало, жил на свете купец...»

Копейка

Празднично приоделась бабушка Нюра Николавна. Алый плат кустышком повязан — весело торчат заячьи уши платка. Пришел-таки из Кильчемгоры плотник-умелец Сема Мелкозеров. Переберет он нижние подгнившие венцы, и выпрямится изба, крепко обопрется на свежие лиственные бревна.

Вдвоем с бабушкой мы почистили по этому случаю подпол. Гору немыслимых сокровищ выволокли на свет. Всевозможные кадки, сита, берестяные короба и хлебные блюда лежали в траве перед домом. Даже знаменитая мезенская прялка, расписанная гривастыми конями, похожими на лебедей, появилась из сумрака подпола. Деревянные веретена мелкими козлиными рожками торчали тут и там из этой разновеликой груды. Была и кадка с чайниковым носиком, окатанная синими лозовыми обручами,— подойник, от которого, казалось, еще пахло дойной, упарившейся на летнем лугу коровой.

Я перебирал эти деревянные сокровища, цокал восхищенно языком и тут же зарисовывал в свой толстый альбом.

— Рисуешь? — с сомнением сказал Сема Мелкозеров, заглядывая мне через плечо.— Что ж ты этот хлам, эту бывалошну жизнь рисуешь? Глянь, какая красота вокруг — грузовик бортовой. Или вон мотоцикл мой «Ява».

Я промолчал. А что тут ответишь? Я, конечно, не против мотоцикла, если он не очень тарахтит. Но мотоциклы мне и в городе надоели.

— Ладно,— сказал снисходительно плотник Сема,— обтешу эту листвену, свожу тебя в одно место.

— Какое место?

— Такое. Заметишь — поймешь. А не заметишь — рисуй себе эту рухлядь.

Сема поиграл топором, подкинул его и неожиданно, с лету стесал с лиственничного бревна ровную плоскую щепу. Он работал, будто музыкант-барабанщик на сцене. Летал в руках топор, и под его дробный стукоток ложилась на землю то крупная щепа, а то и нежно завитая стружка.

Так мы и занимались каждый своим делом. Я рисовал. Плотник Сема Мелкозеров обтесывал первый венец нижнего ряда. А бабушка Нюра Николавна пристально следила за его работой, держа наготове банку брусничного морсу.

Рисовать-то я рисовал, но помнил о том месте, куда поведет меня скоро Сема Мелкозеров, плотник, и где надо непременно кое-что заметить. Замечу или не замечу? — беспокоился я. Почему-то мне очень не хотелось оплошать перед Семой.

Наконец, Сема Мелкозеров всадил топор в иссеченную деревянную плаху, отпил богатырским глотком полбанки брусничного морсу и, поманив меня рукой, зашагал к Бородкину овражку.

— Вот ты рисуешь,— говорил Сема, которого странно задевало это мое невинное занятие.— Рисуешь, да?

Я виновато кивал головой.

— А видал ли ты копейку? Я тебе покажу, а ты заметишь ли, какая это копейка?

Сема Мелкозеров пошарил в кармане, но вытащил не копейку, а горсть конфет-подушечек, щедро обсыпанных сахаром. Я посасывал заткнутую за щеку сахарную подушечку, а сам не забывал замечать все вокруг. Склон овражка, будто хребет огромной рыбы, был покрыт серебристой чешуей белого мха. Хвост этой овражной рыбы, пестреющей красно-зелеными перьями брусничной поросли, как бы плескался в коричневом ручье. Вильнула хвостом рыба, выплеснулась из слишком мелкого для нее ручья и легла нам под ноги.

Мы скользили по рыбьему овражному боку, почти клонясь на спину и подпираясь заведенными назад руками,— склон был крутой. Очень неудобная поза для наблюдений. Но я все же приспособился и замечал все, что было перед глазами. А глаза мои на таком крутом склоне упирались в небо. Как ни странно, в небе тоже плыла серебристая рыба, очень похожая на облако. Рыба-облако плыла легко и свободно, скользила в спокойных небесных водах, стремясь к горизонту, небесному берегу.

А мы уже вскарабкались на противоположный гребень Бородкина овражка и, обгоняя небесную рыбу, быстро зашагали по хрустящей сланцевой дороге. Я так наловчился всюду видеть рыб, что угадывал их раздвоенные хвосты в гуще лиственничных лап, перистые плавники — в слоистых, ломающихся под ногами пластинах сланца. Одну такую пластину я подобрал и удивленно воскликнул:

— Надо же! И тут рыба!

На кофейной сланцевой боковине четко отпечаталась сеточка доисторического рыбьего хребта. Плотник на ходу перехватил у меня сланцевый обломок и хмыкнул:

— Рисуешь, значит? Ну, давай рисуй, замечай.

Приободренный похвалой, я стал замечать с новой силой. Но меня уже накрепко заклинило на рыбах. Даже солнце глянуло белесым немигающим глазом сквозь рыбью облачную голову. Глянуло и растаяло, оставив рассеянный слепящий свет. И тут же выскочил на дорогу резкий ветер, поднял сланцевую пыль, забил глаза. Я сощурился, и сквозь ресницы потек в глаза вспыхивающий

белыми огоньками подводный мир. Угадывались зеленоватые рыбы, почему-то стоящие на хвостах. Я чуть приоткрыл глаза, чтобы получше рассмотреть странных рыб, но это оказались елки. Сема строго следил за мной.

— Не щурься! — приказал он.— Рисуй, рисуй.

Я собирался снова рисовать глазами и широко открыл их. Но больше никаких рыб не увидел, а увидел деревянные столбы с нахлобученными на них дощечками-крышами. Я поднапрягся, хотел их сравнить с чем-нибудь рыбьим, но не решился. Потому что передо мной были кресты. Старое деревенское кладбище. Только особое, северное. Покосившиеся, посеребренные дождями, стояли суровые столбы под узкими крышами. Вернее, крыши на столбах. Молчаливо было северное кладбище среди елок. Здесь, наверное, покоились храбрые мореходы-поморы. Крепкие, омытые солеными ветрами и дождями, как эти столбы на их могилах.

Сема Мелкозеров вдруг вытащил из-за пазухи бутылку брусничного морса, заткнутую газетной пробкой, наклонился к одному из столбов и поднял незаметный среди травы алюминиевый ковшик. Он плеснул в ковшик морсу и снова сунул его в траву. А рядом насыпал сахарных подушечек.

Щуплый, маленький плотник стоял у громадного столба и ласково похлопывал его своей корявой, как бы деревянной ладонью. И звук получался древесный, глухой.

— Что, дедушко, скучно так-то одному? Ну, ничего. Теперь птицы прилетят морсу попить. Заяц прискачет, подушечек погрызет. Все веселее. Да что же это я говорю — один? Не один ты — вон дядька Митрей. Рядом он.

Сема обернулся к соседнему столбу-крыше и серьезно погрозил ему пальцем.

— Ой, дядя Митрей! Оплошал ты, дядя мой родный! Помнишь амбарец, что мы с тобой ставили? Ну тот, на угорыше для Огаши-доярки? Говорил я тебе: подпор нужен. Теперь берег подмыло, потек он. Амбарец покосился. Стыдно-то как!

Сема укоризненно покачал головой, но морсу из бутылки и здесь нацедил в маленький стакашек. Сам отхлебнул глоток и мне предложил.

— Эй! — помахал он рукой дальнему невысокому столбику.— Соседка! Дочка-то твоя, слышь,

корову прикупила. Хорошая корова, глаз в рыжем пятне сидит. Я для нее сарайчик ладил.

Плотник на мгновение задумался, нахмурился и вдруг решительно сказал:

— А к нему не пойду. На аркане тащи, не пойду,— сам с собой рассуждал Сема.— Он мне когда налил малость, хоть наперсток морсу?

Так разговаривая, он все же приблизился к прямо стоящему в тени елки кряжистому столбу с еще не потемневшей крышей-лодочкой.

— Ты мне скажи, Аникей, в кого ты уродился скрягой таким? С братаном твоим мы вчера еще колбасу ели, чесночную. Не считали, чья колбаса. И мать твоя, помнишь, всю деревню лечила. Ночью ее подними, придет. А ты? Э-э, да что там! Держи! Я не такой счетливый.

Он бесшабашно сыпанул полную горсть конфет-подушечек, которые у него в кармане, кажется, заводились сами собой. Огляделся плотник Сема Мелкозеров, помахал рукой, будто с уходящего в море корабля:

— Бывайте! Наведаюсь еще как не то!

И зашагал в елки. Я задумался и забыл замечать. Шел, спотыкаясь о корни. Вдруг Сема остановился как вкопанный.

— Что замечаешь? — одернул он меня.

Я спохватился, лихорадочно стал осматривать поляну, где мы остановились. И вздрогнул. Прямо на меня нацелилась злобная звериная морда. Гибкое серое тело охватило большой валун, прильнуло к нему, слилось с гладким каменным лбом. Но мой глаз, навострившийся все замечать, с легкостью отделил этого зверя от валуна. Зверь, видно, почувствовал, что замечен, и совсем вжался в ложе камня, готовясь к прыжку.

Я схватил небольшого моего плотника за рубаху и сдернул с места.

— Заметил! — поневоле пятясь, торжествовал Сема.— Срисовал! Да отпусти ты меня! Рыбы испугался. Сома круглоголового! Ха!

Надо же! Столько рыб я сегодня увидел. Там, где их и быть-то не должно. А каменного сома не угадал.

— Кого ты-то увидал? Кого? — радовался Сема Мелкозеров.

— Зверя. Разглядеть не успел — испугался,— признался я.— Может, рысь?

— Сом это! Со-ом! — хлопал себя по коленям, приседая в восторге, Сема.— Я еще, когда малой был, это место заприметил. Уж ты поверь мне, сом! Всех на нем проверяю. Все-ех! Проверочное место. Которые люди ничего не заметят, пустые люди. Уж ты поверь мне, пове-ерь!

Сема поводил перед моим глазом своим деревянным в потрескавшейся, как кора, коже пальцем.

— А ты заметил! — не мог успокоиться Сема.— Срисовал!

Я вдруг возликовал вместе с ним. Не совсем, выходит, пустой я человек. Теперь и про копейку спросить можно. Мне — можно.

— Сема,— сказал я.— Копейку бы теперь посмотреть. Чем она такая особенная?

— А ничем! — отозвался плотник.— Копейка как копейка. Только вот что,— тут он перешел на шепот,— рыбой пахнет. Свежим толстолобиком. Мыл я ее, в песке тер. Пахнет! Возьмешь в руки, так потом целый день от пальцев рыбный дух идет. Морской. Дышишь им и мечтаешь, будто ушел в море. Далеко. Куда и дедушко мой, знатный помор, не добредал. Хорошо так!

Сема Мелкозеров, деревенский плотник-умелец и потомственный помор-мореход, зажмурился и стоял, улыбаясь и покачиваясь всем телом.

Родные места

Сплавал я в соседнюю деревню Селище повидать старого деда Мартына. Ему девяносто лет, и он знает все поморские сказки и присказки.

Деда Мартына я не застал. Он хоть и старый, но любит разъезжать по соседним селам, где у него все до одного родные и знакомые.

Зато встретил я в Селище мальчика Васю Дерягина. Он хоть не больно взрослый еще, шестилетний, но ему и за коровой надо присмотреть, и за водой сбегать, и по хозяйству матери помочь. Она почтарша. У нее своя работа — письма штемпелевать, на телеграфном аппарате срочные телеграммы отстукивать.

Вася меня по деревне водил. Первым делом со своей коровой познакомил. Она рыжая, красивая, а глаза у нее зеленые, как у козы. И зовут ее Олька Орешина. Потому что отец ее бык Орех.

Погода в тот день была настоящая северная. Дул с реки сельдяной ветер сиверко, нагоняя на небо тучи, а в реку Мезень мелкую рыбу сельдь из Белого моря. Лиловые тучи бежали так низко, что казалось, вот-вот пропорят себе брюхо о верхушки острых лиственниц. Избы на красном обрывистом берегу стояли черные от долголетних дождей и непогоды. Окошки у них высоко прорезаны под самую крышу, а сами они на высоких подклетях, чтобы не заносил снег. Интересно мне стало запомнить эти необычные северные избы. Я вынул из кармана блокнот, уселся на бревно и стал для памяти делать быстрые рисунки — зарисовки.

Мальчик Вася Дерягин так и застыл за моим плечом. Нарисовал я деревенскую улицу. Хотел сунуть блокнот в карман. А мальчик Вася Дерягин меня остановил.

— Здорово! — говорит он, поокивая.— А этот дом, что с краю нарисован, моей бабушки Федоры Филипповны.

Вырвал я листок с рисунком из блокнота и протянул своему приятелю Васе Дерягину.

— Бери,— говорю,— бабушке Федоре подаришь.

Пошли дальше. Очень мне понравились полен-

ницы, что вдоль улицы стоят. Аккуратные, кругляш к кругляшу. И крышей дощатой накрыты. Ни дождь их, ни снег не достанет. Будут к зиме сухие дровицки. Стал я поленницу рисовать.

— Похоже,— говорит Вася,— да только кота забыли пририсовать.

— Не успел я его, Вася, нарисовать. Убежал он.

— Вдогонку пририсуйте.

Ладно. Пририсовал я кота.

— Мой это кот! Жердяй прозывается,— обрадовался Вася.

— Придется тебе и этот рисунок отдать,— сказал я.— Покажешь коту Жердяю. Пусть полюбуется.

Вася деловито принял рисунок и вместе с первым упрятал за пазуху. Снова пошли мы с ним по деревне от дома к дому. Деревянные тротуары поскрипывают под ногами. Ветер сиверко между домами проскакивает, весело хлопает калитками, траву ворошит.

Остановился я у одного дома. На конек залюбовался. Это даже и не конек, а большой деревянный конь. Хоть садись на него верхом и скачи.

— Это,— говорит Вася,— старая изба. Может, ей сто лет, а может, и больше. Если деда Мартына спросить, так он точно скажет. А что же вы вон тот колодезь не нарисуете?

— Могу и колодец,— сказал я.

— Рисуйте, рисуйте,— подбадривает меня мальчик Вася Дерягин,— и журавель не забудьте.

Нарисовал я колодец-журавель, что за домом стоит. А Вася так и подскочил от радости.

— Брателко мой, Серега Анатольевич, тот колодезь ладил. Перед самой армией. Теперь во всяком письме справляется, как, мол, там мой колодезь? Берут ли из него воду?

Вырвал я и этот рисунок из блокнота. Надо же брату Сереге Анатольевичу привет из родного Селища послать. Пусть видит, что колодец его стоит и никуда не делся.

Прошли мы насквозь всю деревню и к реке вышли. Вода светлая, стылая, тяжелая. Даже шустрый сиверко ее всколыхнуть не может. Коегде только рябины видны. У берега лодки рыбацкие. Такие же темные и задубелые, как деревенские дома.

Я реку и лодки стал в блокнот зарисовывать. А Вася забегает то с одного боку, то с другого. Прищуривается. Лодки пересчитывает, чтобы я какой не забыл, не пропустил в рисунке.

— А во-он ту,— говорит,— и забыли. Которая в реке колышется.

— Далеко она, Вася, плывет. На рисунке моем не больше запятой выйдет.

— Пускай хоть запятая. А пропустить ее нельзя. Непохожий тогда рисунок получится,— настаивает Вася.

Согласился я, что, и верно, пропустить нельзя. Махнул крохотную закорючку в самой дали.

— Теперь все ладом,— одобрил Вася,— а то ведь в той лодке мой батяня с покоса едет.

Сказал это и так хитро на меня посмотрел, что я сразу все понял.

— Бери, Вася, рисунок себе. Батяне покажешь. Может, он лодку свою узнает.

Целый день мы с моим приятелем шестилетним Васей Дерягиным вместе провели. Он мне все показывал и рассказывал, а я в блокнот зарисовывал. Да только ни одного рисунка с собой не увез. Все Васе отдал. Небо нарисую, а там, смотришь, голубь из его голубятни летает. Тротуар деревянный набросаю, а здесь он, оказывается, в прошлом году монету медную потерял. Три копейки. Между бревнами закатилась. Крыльцо резное зарисую, а это, выясняется, почтовое крыльцо. Здесь мама его почту разбирает.

И догадался я: что ни нарисуй, все это с жизнью Васиной связано. И река Мезень, и деревня Селище, и любой камень, любая травинка. Потому что это его Родина. Родные места.

НА НАУЧНОЙ ВОЛНЕ

Раздел ведет В. НИКИТИНА.

Рисунки Н. и Т. ДОБРОХОТОВЫХ.

Тайны раскрытые и нераскрытые

КАКОГО ЦВЕТА ТЕМПЕРАТУРА?

«Что-то ты невеселый сегодня, дай-ка я лоб пощупаю».— И прохладная мамина рука мигом определяет, нормальная у тебя температура или нет. Горячий лоб — значит, где-то в организме идет борьба с болезнью, защитники организма воюют с вирусами и бактериями. Но и мамина рука, и чувствительный термометр ловят сигнал о повышении температуры всего организма, а вот место, где угнездилась болезнь, указать не могут. Хорошо, если его можно разглядеть, как при ангине, или же прослушать легкие, как при кашле. А если разболелось там, куда заглянуть непросто? Ведь с некоторыми болезнями — аппендицитом, например,— медлить нельзя.

Теперь в этих случаях на помощь врачу придет цветной «термометр». Сделали его советские ученые. Им удалось получить тончайшие пленки, которые меняют свой цвет от красного до синего при повышении температуры на полтора-два градуса.

Пленка эта, конечно, непростая, она содержит в себе жидкие кристаллы. Обычные кристаллы — такие, как соль, кварц,— похожи на стройные дома или прямоугольные строительные конструкции, у них есть ровные грани, четкие вершины.

У жидких кристаллов граней и вершин нет, но есть определенный внутренний порядок. Обычно в жидкостях молекулы расположены как попало, а в жидких кристаллах они могут выстраиваться в строгие ряды. Все видели, наверное, как во время праздника на стадион выбегает множество спортсменов, они кажутся поначалу хаотической толпой и вдруг по сигналу выстраиваются так, что на поле возникает цветной рисунок или слова, например, **«МИРУ — МИР!»**. Так и молекулы в жидком кристалле. До поры до времени они мечутся в беспорядке. А потом следует сигнал — вроде команды для спортсменов на стадионе, только сигнал для молекул поступает в виде тепла, света или электрического напряжения. В ответ молекулы в жидком кристалле «складываются» в такую конструкцию, что перестают пропускать сквозь себя свет или же пропускают лучи только строго определенного цвета, например, красные. Для обычных кристаллов такие перемены невозможны: их молекулы всегда стоят в строгом порядке и изменить его не в силах.

Все циферблаты электронных часов сделаны из жидких кристаллов. С помощью электрического тока (вот она — команда молекулам) на них можно рисовать любые цифры. Темные цифры — это участки жидкого кристалла, которые перестали пропускать сквозь себя свет, они хорошо видны на светлом фоне окружающего вещества, которое световые лучи пропускать продолжает.

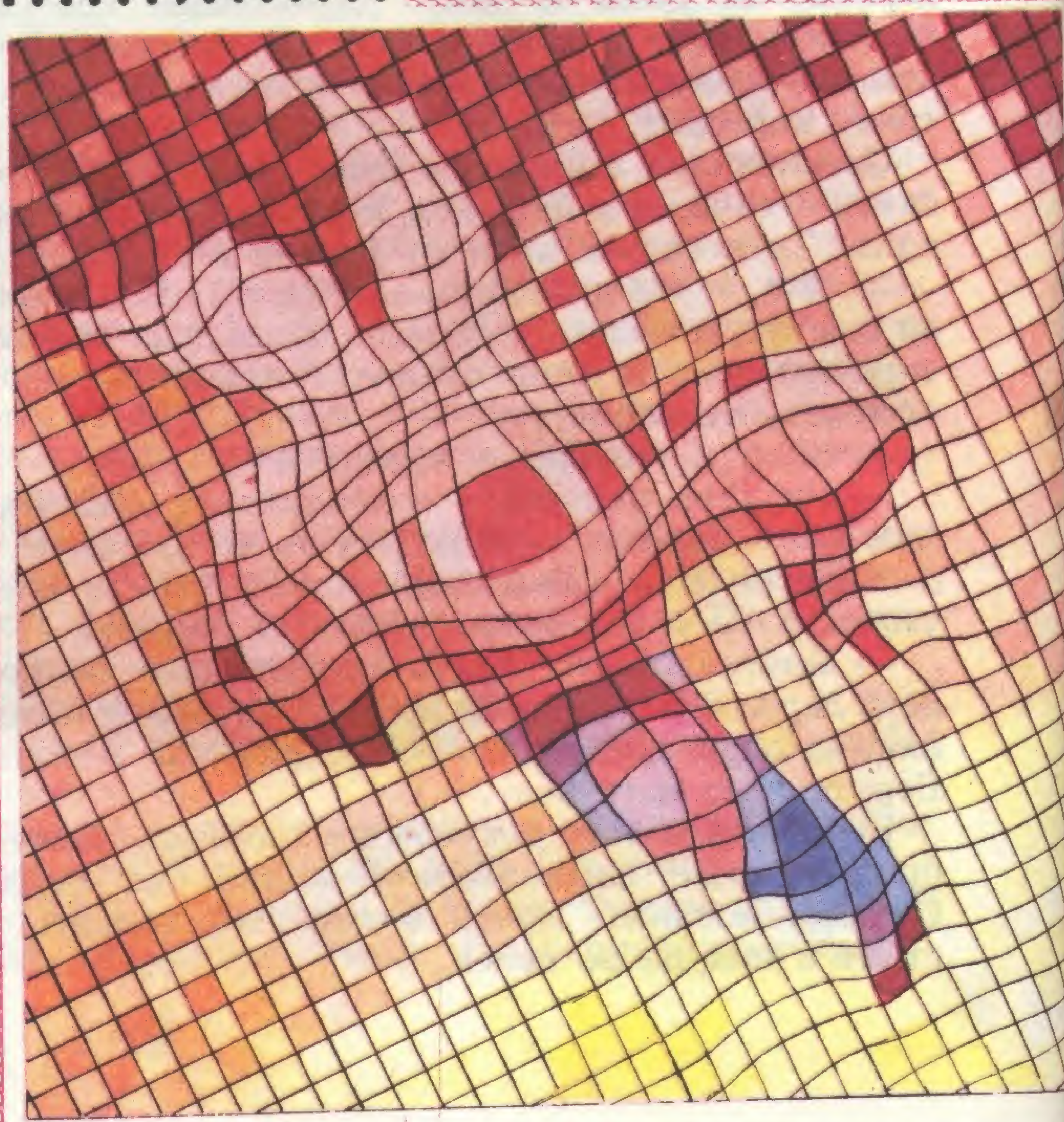
А вот способность жидких кристаллов менять цвет при нагревании использована в цветных пленках-термометрах. Сделали такие термометры физики из Института кристаллографии и врачи из Московского медицинского стоматологического института.

Первой болезнью, на которую изобретатели пленок нацелились, был острый аппендицит. Сам больной не всегда в состоянии определить, где у него болит, а врач не всегда может хорошо прощупать живот: от боли напрягаются мышцы. Но вот приложили пленку — внизу живота, справа, проступило сине-зеленое пятно. Нет сомнения — аппендицит.

Пленки помогут уловить воспалительный процесс в самом начале, когда еще нет никакой боли, а температура только начала повышаться.

Всем хороши термопленки — они и легкие, и дешевые, и удобные. Их с удовольствием возьмут с собой в экспедицию геологи, в поход — туристы. Может, и космонавты от них не откажутся? Хорошо бы каждая встреча с медициной стала в будущем такой же безболезненной и интересной.

А. СЕМЕНОВ

зачем? почему?

«Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь»

Вода испаряется и образует на небе тучу. Но как туча там держится? Ведь вода тяжелее воздуха.

Оксана ИОНТЕВА, совхоз «Бастанорский», Северо-Казахстанская область.

Что такое туча? Это сгусток тумана, где перемешаны водяной пар и мельчайшие капельки воды. Водяной пар прозрачен. Не веришь? Налей воды в блюдце. Через некоторое время ты заметишь, что уровень воды понизился. Значит, часть ее испарилась. Но как бы внимательно ты ни следил за водой, все равно не заметишь, как она превращается в пар. Другое дело, когда кипит чайник и из носика вырывается тугая струя. Но это не пар, это туман. Он возникает потому, что при кипении горячий пар попадает в более холодный окружающий воздух и тут же превращается в мельчайшие капельки. Они-то и делают струю пара видимой.

Итак, на чем держится туча? Пар легче воздуха, поэтому он поднимается вверх, а капельки воды тяжелее, они тянут тучу вниз. Когда силы пара и воды равны, туча спокойно плавает по небу. Внутри самой тучи обстановка устойчива: сколько капелек испаряется, столько же рождается из пара.

Если станет чуть-чуть холоднее, то капель в туче прибавится, она потяжелеет и опустится ниже. Если чуть потеплеет, туча поднимается выше, а может и вовсе стать невидимой, потому что многие капли испарятся и внутри тучи будет преобладать пар.

Бывает, что туча столкнется с потоком холодного воздуха. Тогда водяной пар быстро превращается в капли. Они сливаются, тяжелеют, и туча проливается дождем.

Помнишь Винни-Пуха? Когда он взлетел на воздушном шарике, то, чтобы обмануть пчел, напевал: «Я тучка, тучка, тучка, а вовсе не медведь». Смешно, конечно, но если вдуматься, не так уж он был не прав. Ведь Винни-Пух на воздушном шарике — наглядная модель тучки, где медведь — капля воды, а шарик — водяной пар.

Л. ВИКТОРОВА

Самый-самый!

Самые древние жадины

В старину жили просто: появится лишний топор — сменяют его на барана; поймают зайца, снесут на базар — купят пряник. Так обычно рассказывают про древние времена. А на самом деле? Может, и тогда грамотные люди записывали, что да как было?

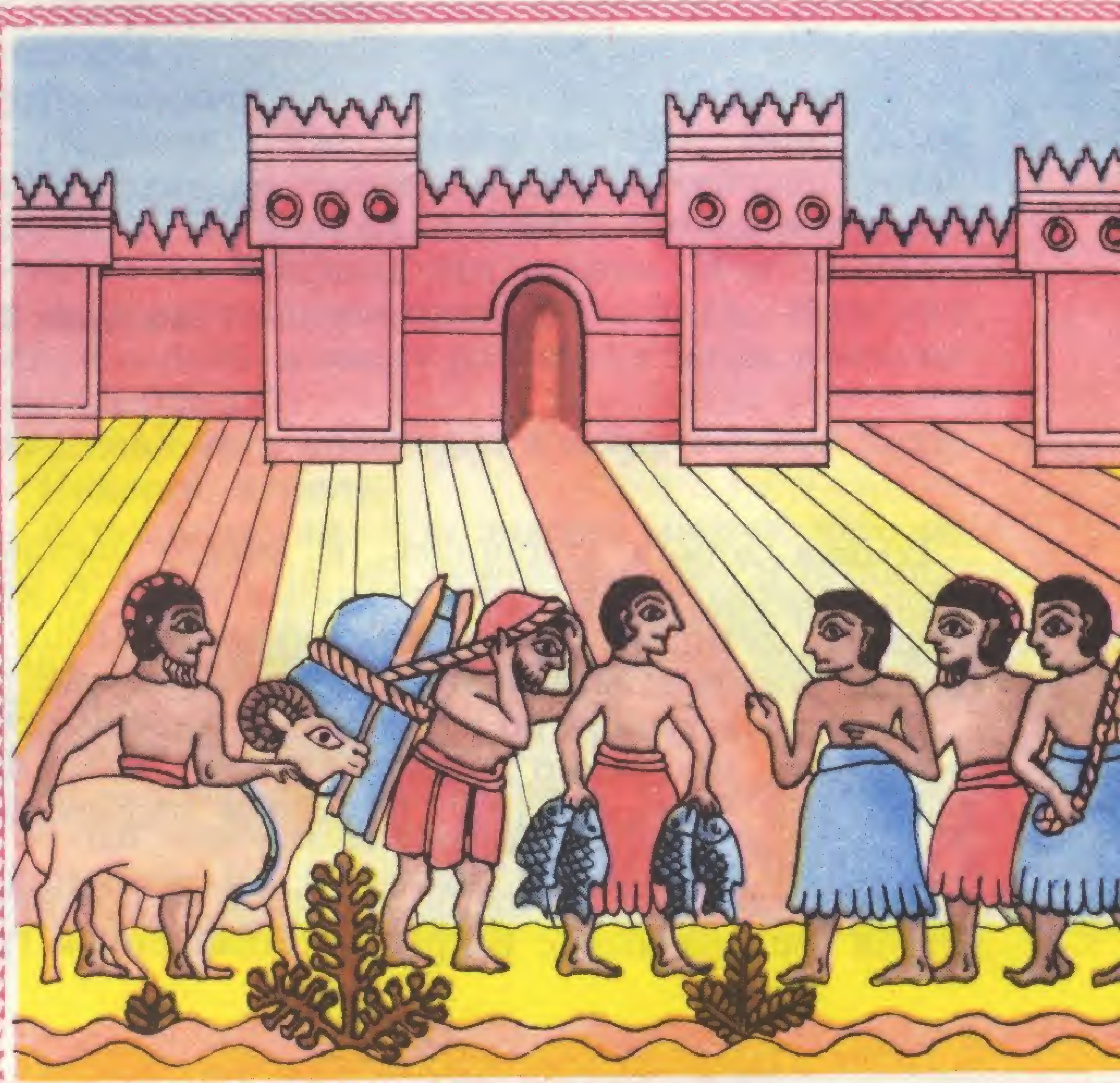
Записи таких грамотеев-купцов, живших в Канише, древнем торговом городе на территории современной Турции, недавно изучила историк Н. Б. Яновская. На глиняных табличках, которым почти четыре тысячи лет, она прочла множество поразительных новостей XIX века до нашей эры...

Уже тогда торговля в Канише была не только меновой (топор на барана), но и денежной. В качестве денег ходили сразу четыре металла: золото, серебро, медь и свинец. Между всеми «валютами» были установлены твердые весовые отношения. Монет, правда, еще не чеканили, но взвешивать товары да металлы уже умели. А иной раз и наличные деньги были необязательны — обходились распиской.

Чем торговать, тоже было. Каниш стоял на пересечении караванных путей от земель древних шумеров к побережью Средиземного моря. Шумеры были искусными земледельцами, выращивали такие урожаи пшеницы и ячменя, какие и теперь мало где собирают (это стоило им огромного труда — выхаживали чуть ли не каждый колосок). Вот и оставался избыток хлеба, который можно было сменять на рыбу, оружие, ткани... — товары ближних и дальних стран.

Товары поступали в Каниш в таком изобилии, что самые крупные местные торговцы, если выразить их «капитал» в современных единицах, могли бы считаться миллионерами. Как и всем богатеям на свете, им не была чужда жадность. Тот, кто продавал свой товар в городе, должен был вносить налог, пошлину и нести прочие расходы на развитие города. Что же делали жадины, только-только вышедшие из каменного века? Проворачивали куплю-продажу «в поле», за городской стеной, где налогов не брали. Таким бесчестным путем, жалуются таблички, совершалась изрядная доля торговых сделок. Впрочем, тогда, как и во все времена, деятелей «черного рынка» презирали и строго наказывали.

П. САВКО

Владислав КРАПИВИН

Оранжевый портрет с крапинками

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в №№ 4—6.

Рисунки Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

Красные пески

Темная дорога кончилась, и вместо звездной пыли понеслась навстречу песчаная пыль. В крошечных летящих крупинках кварца холодное солнце зажигало мгновенные колючие искры.

Копыта застучали по расколотым плитам древней дороги. Фа-Тамир придержал коня. Конь Фа-Дейка сам замедлил шаг. Всадники подъезжали к военному поселку иттов.

Беспорядочный, почти не укрытый от песчаных ветров городок вырос вокруг многобашенной гранитной крепости тауринов за долгие годы осады. Это было скопление потрепанных шатров, конных фургонов и кибиток, хижин, сложенных из обветренных сланцевых плиток, и шалашей, сплетенных из стрелолиста. Многие шалаши и хижины были крыты трофейными щитами тауринов.

Навстречу Фа-Дейку и Фа-Тамиру, кренясь и поскрипывая, пробежали две песчаные лодки на широких, как бочки, колесах. Пятнистые кожаные паруса лодок округло надувались и гнули тонкие составные мачты...

Воины внешнего оцепления окликнули приехавших и тут же склонили шишковатые шлемы —

узнали. Внутренняя охрана уже не окликала: весть о прибытии побежала впереди всадников, как шелестящая песчаная поземка: «Юный сет, избранник короля... Сет Фа-Дейк... Слава Звездному Кругу, он успел...»

Кони пошли неторопливым шагом среди фургонов и кибиток. Женщины устало, но ласково улыбались и кивали всадникам. Воины трогали огрубелыми пятернями медные края шлемов или приподнимали копья:

— Спасибо Кругу, вы вернулись, Фа-Тамир. С прибытием, сет, побед и теплого солнца вам... Привет вам, маршал. Здравствуйте, сет...

Голоса были негромкие и сдержанные. Фа-Дейк молча поднял руку к медному ободку шлема. Потом рука устала, он снял шлем и взял под мышку...

Королевский шатер стоял у подножия сланцевой скалы. Скала обглоданным гребнем торчала среди плоских дюн. Она была похожа на плавник засыпанного песком древнего рыбоящера. Плавник этот защищал шатер от юго-восточных, наиболее пронзительных ветров.

— Мне идти прямо к королю? — нерешительно спросил Фа-Дейк.

— Конечно, сет,— полушепотом, но строго отозвался маршал.

Четыре воина в блестящих бронзовых панцирях одинаково вскинули копья — салют сету и маршалу. Один взял повод у коня Фа-Дейка. Другому Фа-Дейк отдал шлем.

Перед занавесью шатра он оробело задержал шаг. Нет, он не боялся короля. Здесь Фа-Дейк вообще ничего не боялся. Но он никогда раньше не видел умирающих и не знал, как себя держать.

Занавесь колыхнулась, вышли два бородача в чешуйчатых нагрудниках: сет Ха-Вир — командир королевской оборонной сотни, а с ним мудрый хранитель древностей, летописец и знаток обычаев Лал — старый воин, полковник песчаной пехоты.

Ха-Вир чуть улыбнулся, тронул огрубелой, как подошва, ладонью оранжевые космы Фа-Дейка.

— Приехал... Здравствуй, наш Огонек.

Лал без улыбки, но ласково сказал:

— Войдите, сет, король давно спрашивает о вас.

Рах — Крылатый Зверь Пустыни и Северного Леса, старый король иттов — готовился умереть. Фа-Дейк увидел, что это правда, как только вошел. Лицо короля, обычно бронзово-коричневое, теперь было бледно-желтым. Оно резко, тревожно как-то выделялось на потертой кожаной подушке.

По самую бороду король был укрыт ворсистым плащом с вытертым узором. У правого бока, под локтем, лежал длинный меч без ножен — знаменитый королевский «Носитель молний». Пламя дрожало и потрескивало в плошках с земляным маслом, отблески его горели на прямом отточенном лезвии. Желтый блик светился на неживом выпуклом лбу короля.

Фа-Дейк остановился у входа.

Король умирал, но глаза его были ясные. И глазами он приказал всем выйти, а Фа-Дейку приблизиться. Четыре телохранителя и незнакомый старик в сером балахоне, видимо, врач, бесшумно ушли из шатра. Фа-Дейк сделал несколько шагов и встал на колено у королевского изголовья.

Король смотрел в потолок и молчал. Грудь под плащом поднималась, но дыхание было неслышным. Зато слышно было, как снаружи скребут по кожаным стенкам шатра летящие песчинки: ветер был западный, и скала от него не защищала.

Острая крошка попала Фа-Дейку под колено и больно колола сквозь штанину. Однако Фа-Дейк не двигался. Он смотрел на крючковатые худые кисти рук, лежавшие поверх плаща. Маленькому сету было неловко и жутковато. Впервые в жизни он так близко видел умирающего человека, да к тому же оказался с ним один на один.

Долго ли продлится молчание? Или заговорить самому?

Сеты имеют право первыми начинать разговор с королем. Но Фа-Дейк не смел. Да и не знал, что сказать. И горькая тишина давила, давила...

Нет, особого горя Фа-Дейк не чувствовал. Короля он не любил. Уважал его — да. За храбрость и справедливость. Благодарен ему был — за то, что обогрел и приютил в своем стане заблудившегося в красных песках мальчишку. За то, что велел иттам беречь найденыша, учить его здешней жизни и самим учиться у него нездешним премудростям (столь неожиданным у слабого ребенка из неизвестного племени, который был похож на детей иттов лишь песчаным цветом волос). Но любить короля Фа-Дейк не научился. Слишком неприступным и суровым казался великий Рах, слишком озабочен был делами своего народа и бесконечной войной, которую итты вели с тауринами. Фа-Тамир был ближе и проще, хотя и он не отличался щедростью на ласки...

Но король-то любил маленького сета, это знали все.

Король перевел глаза на Фа-Дейка, под усами шевельнулась улыбка. Слабым, но чистым голосом Рах сказал:

— Приехал, мальчик. Хорошо... А то я боялся...

— Я торопился,— пробормотал Фа-Дейк.— Фа-Тамир сказал, и я сразу...

— Хорошо,— повторил король.— Надо успеть поговорить. А то вот-вот умру... Время уже...

Фа-Дейк заставил себя посмотреть королю прямо в лицо. И сказал как можно тверже:

— Нет, время еще не пришло. Вы поправитесь.

— Не говори глупостей. Ты хотя и найденыш, но жил среди нас, значит, итт. Итты не любят пустых слов...

Фа-Дейк виновато опустил глаза.

— Слушай меня, маленький сет...

— Да, великий Рах,— прошептал Фа-Дейк.

— Я помню, как тебя привели в мой шатер. Ты был замерзший, полуголый, иссеченный песком... Ты плакал...

— Да, король...

— Подожди... Ты плакал, и твое лицо было в пятнышках от песчинок. Они и сейчас... остались... Но... ты плакал, а стоять старался прямо. И отвечал на вопросы без страха. И я поверил тебе, хотя ты говорил много странного... Еще раз скажи, Фа-Дейк, в твоих рассказах ты ни в чем не обманывал меня?

Фа-Дейк опять посмотрел в глаза старого Раха.

— Никогда, король.

— Я так и думал... Ты знаешь многое, чего не знают здесь. Теперь это самое главное... Я решил...

Он надолго замолчал. Опять нависла тяжелая тишина, и Фа-Дейк наконец осмелился задать вопрос:

— Что вы решили, король?

— А?..— Старый Рах неловко шевельнулся.— Да...— Он слабым движением сдвинул на груди край плаща. На рубашке, тканной из шелковистого каменного волокна, лежала бронзовая

бляшка с обрывком цепочки. Король шевельнул губами:

— Возьми это.

Фа-Дейк взял. Бляшка напоминала тяжелую медаль с грубо обрубленными краями. Фа-Дейк увидел незнакомые письмена, вставшего на дыбы коня и маленькое лучистое солнце. Он вопросительно глянул на короля:

— Что это, государь?

Негромко, но твердо старый Рах произнес:

— Тарга. Знак верховной власти. Я отдаю эту власть тебе.

— Мне? — изумленно переспросил четвероклассник Фаддейка.— Зачем?

— Потому что я так решил. Не сейчас. Давно.

— Но я... как я буду? Я же... маленький,— шепотом сказал Фаддейка.

Король опять шевельнул под усами улыбку:

— Маленькие бывают порой разумнее взрослых. Я помню себя в десять лет. Я часто удивлялся, как безрассудны большие люди. Потом привык.

— Но меня никто не будет слушать,— чуть не плача, сказал Фаддейка.

Король ответил сумрачно и жестко:

— Человека, у которого Тарга, будут слушать все. Итты и таурины, и люди Лесного края, и дикие жители песков. Таков общий закон нашего мира.

Тогда юный сет Фа-Дейк осмелился не поверить королю:

— Но если это так... тогда почему вы не стали королем всех-всех? Даже не приказали тауринам сдать крепость?

— Потому что я не знал, что делать потом,— сказал король иттов.

Фа-Дейк удивленно и потерянно молчал. Он только шевельнул наконец ногой и почувствовал короткое, но сладкое облегчение оттого, что ядовитая крошка больше не жалит колено.

Король тоже шевельнулся и проговорил теперь с трудом, хрипловато:

— Я мог приказать... А мог десять раз взять крепость приступом, без всякой Тарги. А что дальше? Мы все привыкли жить этой войной. Ничего другого не знает никто. Сеты не знают, маршалы не знают. Мудрый Лал не знает...

— А я вообще ничего не знаю,— беспомощно сказал Фаддейка.— Я могу такого наворотить, что еще хуже...

С горькой и какой-то домашней улыбкой король ответил:

— Куда уж хуже-то, мальчик... Итты потеряли дорогу. У нас почти нет детей. Те, что рождаются, или не живут, или с пеленок думают о войне. Матери разучились кормить грудью... И не только у нас. Во всех землях...

— В крепости тауринов много детей,— возразил Фа-Дейк.— Помните, их князь Урата-Хал просил пропустить в крепость обоз с едой? Он поклялся, что эта еда только для маленьких.

— Да, я пропустил... Там много детей. Потому что люди живут в крепких домах. Это пока... Мы возьмем крепость, и воины перебьют всех.

— Воины не тронут мирных жителей! — опять возразил Фа-Дейк.— Итты знают законы войны.

— В крепости нет мирных жителей,— сказал король. Голос его осел и охрип еще больше.— Крепость всегда защищают все ее люди... А у войны нет законов, не надо обманывать себя. В бою кровь ударяет в голову, и мечи рубят всех...

«Я не хочу быть королем, я не могу»,— снова хотел заспорить Фаддейка. Но что-то сдвинулось у него в душе, и сет Фа-Дейк тихо спросил:

— Что я должен делать, король?

— Все, что хочешь, мальчик,— выдохнул старый Рах.— Все... Я говорю: хуже не будет...

«А что я хочу?.. Я домой хочу...»

Но тут он вспомнил серые осенние дни, унылое вечернее застолье и собственный крик души: «Хоть бы что-нибудь случилось! Пусть хоть что!..» Круг замкнулся.

Тарга тяжело лежала у Фа-Дейка в ладони. Он опустил ее в нагрудный карман школьной курточки. Шевельнулся, собираясь встать.

— Подожди,— одними губами попросил король.

Фа-Дейк опять замер у королевского изголовья.

— Уже недолго,— прошептал старый Рах.— Побудь... пока я...

Фа-Дейк вздрогнул. За разговором он почти забыл, что время короля уже отмерено. Теперь же предчувствие, что с минуты на минуту сюда придет смерть, прокололо маленького сета тоскливым страхом.

— Не бойся...— через силу сказал король.— Я знаю, ты не видел вблизи, как умирают. Но это не так уж страшно, поверь мне последний раз...

Фа-Дейк мотнул головой и сердито сказал:

— Я не боюсь.— И заплакал.

Он заплакал сразу, взахлеб. Не от страха, а от жалости, которая неожиданно и резко воткнулась в сердце. И от мысли, что через несколько минут они уже ничего не смогут сказать друг другу. Заплакал от несправедливости смерти, которая делает большого, сильного и храброго человека самым беспомощным на свете. Делает его никем. Он не мог остановить слезы и боялся, что король узнает его горькие мысли.

Но Рах улыбнулся и сказал отчетливо:

— Спасибо, малыш... Это добрая примета. Мы разучились плакать, а если кто-то от души плачет над иттом, значит, путь его в другой мир будет легким... хотя какой там другой мир...

Он замолчал, и слышались только Фаддейкины всхлипы.

Король сказал непонятно:

— Не так уж я и виноват...

Потом сделался очень строгим, уперся взглядом в кожаный потолок шатра. Ветер стих, и песок уже не скреб стены. Король сомкнул губы, положил на глаза ладонь, отодвинув локоть. Фа-Дейк перестал всхлипывать и замер в тоскливом предчувствии. Прошла минута, локоть дрогнул и ослаб. Фа-Дейк всхлипнул опять, но тут же отчаянно сжал зубы, встал, краем плаща вытер лицо.

Снаружи раздались беспокойные голоса. Фа-Дейк еще раз посмотрел на короля и вышел.

— Король умер,— прошептал он.

Опять упала глухая тишина. Безмолвие легло на кибиточный город осаждавших, мертвой казалась и крепость, громоздившая в фиолетовом небе башни с неровными зубцами.

Кто-то сказал тихо и значительно:

— К нам идет великий вождь тауринов князь Урата-Хал.

Сдержанный шепот прошелестел в толпе.

Высокий, костлявый и безбородый Урата-Хал шел один, без оружия и доспехов. Крылатый шлем он держал под мышкой, седые пряди шевелились над костистым лбом. Узкое лицо было сумрачным и спокойным. Воины и начальники иттов молча расступились. Таурин остановился перед Фа-

Тамиром. Отчетливо, но без надменности он проговорил:

— Здравствуй, маршал. Здравствуйте, итты. Я узнал, что король Рах умирает, и пришел проститься.

— Король иттов умер,— сказал Фа-Тамир.— Сет Фа-Дейк был последний, кто говорил с ним.

Урата-Хал нагнул голову.

— Привет тебе, сет. Примите мою печаль, итты... Я могу побыть с королем?

Итты переглянулись.

— Войди в шатер, князь,— негромко произнес Фа-Тамир.

Урата-Хал скрылся за кожаным пологом. Никто не пошел вслед.

...О чем будет думать вождь тауринов, оставшись наедине с мертвым королем иттов? С тем, кого долгие годы считал врагом и без кого не мыслил своей жизни? Не мыслил, потому что жизнь была постоянной войной, а в войне главным противником был король Рах. Их судьбы переплелись, вражда их давала смысл существованию... И может быть, старый князь будет печалиться об умершем враге, как печалятся о давнем товарище?

А может быть, подумает князь, что и он, Урата-Хал, не вечен в этом мире красных песков и не так уж много осталось дней? И не придет ли мысль: зачем они, эти дни — те, что прошли, и те, что еще будут? Зачем эта война?

А может быть, он и не станет думать об этом, а будет просто отдыхать в тишине от вечных опасностей и забот. Здесь он в такой безопасности, какой никогда не ведает в крепости. Там в него может попасть пущенная из стана врагов стрела или камень метательной машины, может отыскаться изменник-убийца (хотя и редки такие люди среди тауринов и среди иттов), может рухнуть на голову разрушенный зубец башни... А здесь ничто не грозит старому вождю, появившемуся в стане врагов без меча и панциря. Ни один итт, пусть даже с самой коварной душой, не посмеет нарушить древнего обычая и тронуть безоружного противника, который пришел, чтобы разделить печаль о короле...

Никто из хмурых и опечаленных иттов, столпившихся у королевского шатра, не смотрел на Фа-Дейка. И друг на друга не смотрели. Сейчас каждый остался как бы сам с собой, чтобы в одиночестве пережить печальную весть. Итты переносят горе молча. Фа-Дейк взял у стражника свой шлем и медленно пошел среди кибиток и шалашей. Он не знал, что делать теперь и что будет дальше. Тоскливо было...

Изредка попадались навстречу молчаливые воины. Некоторые несли ветки стрелолиста и сучья высохших песчаных деревьев. Фа-Дейк понял, что это для погребального костра.

Несли сучья и женщины, но они встречались реже. Их вообще было мало в поселке иттов. А ребятишек не было видно совсем.

Кибиточный городок притих, но все-таки жизнь не замерла окончательно. На краю поселка, у кособокого кожаного фургона дымили кухонные костры. Две старухи колдовали над котлом. Одна беззубо улыбнулась Фа-Дейку, спросила:

— Хочешь нашей похлебки, Огонек?

Он покачал головой. Спохватился и ответил, как подобает сету:

— Благодарю, добрая женщина. Мир твоей крыше...

Потом усмехнулся: «Мир...» И подумал: «А куда это я иду?» Хотел повернуть назад, но услышал за палатками и хижинами слабый вскрик. Странный, вроде бы детский.

Сет Фа-Дейк постоял, нахмурился, надел шлем. Пошел на голос, перешагивая через вытянутые по земле оглобли фургонов.

У крайнего шатра стояли воины из сотни конной разведки — песчаные волки. Беседовали, усмехались. Увидели юного сета, любимца короля, подтянулись:

— Привет вам, сет...

— Ходят слухи, что вы последний говорили с королем...

— Что сказал король на прощание?

Фа-Дейк медленно обвел песчаных волков глазами. Взгляд этот напомнил им, что сету могут задавать вопросы только другие сеты, маршалы или король. Воины притихли. Один, в кожаном шлеме с золоченой стрелкой — видимо, командир,— неторопливо сказал:

— Примите нашу печаль, сет.

Но никакой печали не было на его широком, неприятно открытом лице с голым подбородком и выпуклыми глазами. И Фа-Дейк не ответил командиру волков. Он помолчал и спросил:

— Здесь кто-то кричал. Что случилось?

Выпуклые глаза сотника стали внимательными, но ответил он небрежно:

— Мальчишку поймали, разведчика из крепости.

Фа-Дейк не выдал интереса и неожиданной болезненной тревоги. Спросил так же небрежно:

— Разве сейчас не перемирие? Урата-Хал в нашем лагере...

Сотник сказал с коротким зевком:

— Еще до перемирия поймали. Да это и неважно.

— Почему неважно?

— Он шел не из крепости, а из песков. Видимо, оставлял там знаки для каравана...

Сотник держался чересчур независимо и не прибавлял в конце фразы слова «сет». Это была явная наглость, волки всегда позволяли себе лишнее. Фа-Дейк не стал делать замечаний, сет не должен опускаться до пререканий с каким-то предводителем дикой сотни. Он только сказал в отместку:

— Я думал, храбрые волки давно перекрыли все караванные пути тауринов...

Он знал, что это не так. Сколько бы ни рыскали в песках и скалах конные патрули иттов, перехватить все караваны они не могли. В непроницаемой тьме песчаные лодки под черными парусами бесшумно бежали по дюнам к крепости. Это посылал осажденным еду и оружие лесной народ, который был давним союзником тауринов. Люди леса научились пользоваться парусами не хуже иттов.

Лодки останавливались в неведомых иттам местах, а оттуда таурины несли груз в крепость тайными подземными ходами. Кое-какие ходы разведчики иттов отыскали и засыпали, но многие еще найти не могли. И крепость держалась долгие годы. И будет держаться бесконечно...

Сотник уязвленно сказал:

— Мы перекрыли почти все пути. Сегодня мальчишка скажет, где была стоянка недавнего каравана. Там у них последняя лазейка, засыплем и ее.

Фа-Дейка опять уколола тревога. Тоскливая, смешанная с неясным страхом. Но отозвался он с рассеянным видом:

— Думаете, он скажет?

Воины гоготнули. Командир тоже не сдержал усмешку:

— Волки умеют развязывать языки даже заржавелым от шрамов тауринским начальникам, которые не боятся ни ядовитых игл, ни раскаленного железа. А этот — сопливый мальчишка, даже меньше вас... О, простите, сет!

Сотник испуганно наклонил голову, но насмешливый огонек в похожих на коричневые лампочки глазах не погас. Фа-Дейк глянул в эти глаза и смотрел в них, пока не заставил сотника потупиться. Теперь Фа-Дейк был просто сет иттов, в нем не осталось ничего от четвероклассника Фаддейки.

Сет сказал:

— Может быть, волки и умеют развязывать чужие языки, но хорошо бы им научиться держать на привязи свои. Не правда ли, сотник?.. Я жду ответа.

— Да, сет,— сквозь зубы выдавил командир волков.

Фа-Дейк медленно пошел от сотника и его воинов, и длинный плащ тянулся за ним.

Недалеко от королевского шатра Фа-Дейк встретил Фа-Тамира.

— Отдохните в моей палатке, сет,— сказал маршал.

— Потом... А когда погребение, Фа-Тамир?

— Завтра после восхода...

— Фа-Тамир... Как зовут сотника песчаных волков? Он такой... глаза, как у жабы.

— У кого, сет?

— А, вы не знаете... Ну, такие нахальные глаза. И круглое лицо.

— Наверно, это Уна-Тур... А что случилось?

— Ничего. Он мне не нравится, ведет себя нагло.

— Да. Но он храбр...

— Подумаешь, заслуга,— усмехнулся Фа-Дейк.— Кто из иттов не храбр? Надо еще быть... человеком. Даже если называешься «волк».

— Сейчас жестокое время, Огонек,— вздохнул Фа-Тамир.

Фа-Дейк вздрогнул от неожиданной ласки, поднял глаза.

— Фа-Тамир, они поймали разведчика...

— Да, я слышал уже...

— Я подумал вот что. Когда печаль и погребение, обычай велит делать добрые дела... Может, отпустить его к своим?

— Доброе дело для врага — разве доброе дело?— хмуро сказал маршал.

— Он же еще не взрослый,— виновато проговорил Фа-Дейк.— Разве итты воюют с ребятами?

— Он разведчик. Значит, воин. Законы войны одинаковы для всех.

«У войны нет законов»,— вспомнил Фа-Дейк. И тихо спросил:

— Правда, что его будут пытать?

Фа-Тамир отвел глаза. Пожал плечами:

— Если он сразу не скажет то, что знает. Но он ведь не скажет... пока не заставят.

— А что он знает-то? Ну, покажет стоянку и ход, который ему известен. А этих ходов десятки. Что толку?

— И все-таки... Еще одну ниточку перережем.

Фа-Дейк угрюмо молчал. Потом спросил, глядя в землю:

— А если бы я попался тауринам, меня тоже пытали бы?

— Едва ли! За сета запросили бы выкуп. Обошлись бы с почетом.

— А если бы я знал тайну, которая важнее выкупа?

Маршал подумал и сказал неохотно:

— Итты не позволят, чтобы вы стали пленником тауринов. Не бойтесь, сет.

— Разве я боюсь? Я не об этом...

Фа-Тамир положил руку на шлем Фа-Дейка.

— Огонек... Волки все равно не отпустят его. Это их добыча, а добычу по закону не может отнять никто. Даже король.

Фа-Дейк вскинул глаза:

— Даже король?

— Да... Кстати, сет, что говорил вам король в последние минуты? Итты ждут, что вы передадите его слова всем.

— Что?.. Я передам, да. Чуть позже, Фа-Тамир.

Он мягко убрал голову из-под ладони маршала и пошел, не оглядываясь. Через пять минут он опять был у крайнего шатра. Воины-волки все еще стояли там. Снова подтянулись, глянули на сета выжидательно и вроде бы почтительно.

Фа-Дейк лениво сказал:

— Я хочу посмотреть на пленника, Уна-Тур...

Сотник осклабился: любимец короля удостоил его обращения по имени.

— Как будет угодно сету. Идемте, сет...

Разведчика держали в хижине, сложенной из каменных плит. Уна-Тур отодвинул на щелястой двери бронзовый засов. Пропустил Фа-Дейка вперед.

В хижине было светло, колючее солнце било в широкие щели. Тощий темноволосый мальчишка, ровесник Фа-Дейка, сидел, скорчившись, в углу на камне. Он был босой, в узких кожаных штанах, стянутых на щиколотках ремешками, в мохнатой безрукавке. Тонкие голые руки в локтях и у кистей были перемотаны за спиной сыромятным ремнем.

Когда вошли, мальчик быстро повернул острое лицо с высохшими подтеками слез. В темных глазах мелькнули по очереди надежда на чудо, испуг, отчаяние. Он опять отвернулся, прижался плечом к стене. Но Фа-Дейк успел разглядеть его лицо.

Мальчишка был, кажется, похож... Или показалось?

Или правда он похож на Вовку Зайцева из Фаддейкиного класса? На щуплого Вовку Зайцева, который боялся уколов и над ним за это смеялись (и было время, Фаддейка смеялся. Сначала. А потом не стал... А потом Вовка уехал). Этот Зайцев боялся уколов и плакал от обид, но обидчиков никогда не называл, если его спрашивали взрослые...

Фа-Дейк оглянулся на Уна-Тура. Сказал, пряча свои мысли под насмешкой:

— Волки стали так осторожны, что одного мальчишку держат связанным...

— Просто забыли развязать,— буркнул сотник. Шагнул к мальчику, чиркнул кривым кинжалом по ремню у локтей. Ремень ослаб, опал. Мальчик пошевелил локтями, освободил кисти. Но на Фа-Дейка и Уна-Тура не смотрел. Коротко, со всхлипом, вздохнул.

— Оставьте нас,— приказал Фа-Дейк сотнику.— Может, я договорюсь с ним быстрее, чем вы... И закройте дверь.

Уна-Тур вышел. Дверь за ним бухнула излишне сердито.

Мальчик не двигался.

Фа-Дейк встал в двух шагах от него. Помолчал, томясь от неловкости, негромко спросил:

— Как тебя зовут?

Мальчик опять не шевельнулся, но ответил сразу:

— Кота...

Или «Хота»? У тауринов такой же язык, как у иттов, но говорят они мягче, с придыханием. Ладно, пусть Хота...

— Хота, ты проводник караванов?

Он медленно поднял лицо. Ну в самом деле так похож на Зайцева... Он сказал сипловато:

— Не проводник я... Просто ходил в песках,

смотрел, где силки поставить на кротов. Мяса в крепости нет...

— Неправда, ты проводник и разведчик,— тихо сказал Фа-Дейк.— Ты ставил знаки для каравана. И ты знаешь, где подземный ход...

Хота опять опустил голову. Грязными худыми пальцами тер кисти со следами ремня. Зябко шевелил плечами.

«Тебя будут мучить»,— хотел сказать Фа-Дейк, но не посмел. К тому же мальчишка это знал сам. Он вдруг проговорил еле слышно:

— Я знаю только один ход. А будут выпытывать про многие...

— Не будут. Всем известно, что каждый разведчик знает лишь один ход, свой... Если покажешь, тебя не будут... я попрошу, чтобы тебя отпустили.

Хота посмотрел прямо в лицо Фа-Дейку мокрыми блестящими глазами.

— Вы же понимаете, сет, что я не могу сказать...

— Ты меня знаешь?

— Да... Я видел вас со стены. Вы ехали на конях вместе с вашим королем...— Он со всхлипом переглотнул и сказал почти умоляюще:

— Вы же понимаете, что я не могу сказать, где ход...

Фа-Дейк это понимал. Но понимал и другое: заставят.

Кажется, он не просто подумал, а сказал это. Хота помотал головой, как Вовка Зайцев, когда у него требовали назвать обидчиков. Ощетинился и отчаянно проговорил:

— Я умру, а не выдам. Все равно...

Фа-Дейк вспомнил сотника Уна-Тура и его ухмыляющихся волков. «Не дадут умереть, пока не выдашь»,— подумал он. И маленький проводник уловил эту мысль. И съежился, стиснув себя за исцарапанные локти.

Фа-Дейк сам не знал, как не удержался, спросил шепотом:

— Боишься?

Хота сжался еще сильнее и ответил не как врагу и не как сету, а просто как мальчишке:

— А ты бы не боялся?

«Я и сейчас боюсь,— подумал Фа-Дейк.— А чего?»

Пленный проводник опять судорожно глотнул и сказал глухо:

— Мне за маму страшно. Я не выдержу, а она будет мать предателя... Ее будут гонять босиком по острым камням и уморят голодом...

— Разве так бывает?— испуганно спросил Фа-Дейк.

— А как же еще бывает? Только так...

Фа-Дейк сел на камень в трех шагах от пленника.

— Хота...

— Что?— вздрогнул мальчик.

— Не знаю, что... Мне тебя жалко.

Мальчик вскинул мокрые глаза:

— Да?

— Да... Только я не знаю, что делать.— Но он уже знал.

— Дай мне кинжал,— быстро прошептал Хота.— Я заколюсь и тогда ничего не скажу.

Фа-Дейк опять почему-то вспомнил Вовку.

— Ты думаешь, это легко?— сказал он.— Ты не сможешь...

— Я попробую.

— Не сможешь. Сил не хватит.

— Ну... тогда заколи меня ты. Я глаза закрою... А ты потом скажешь, что я на тебя напал, а ты защищался.

— Ты что, спятил?— сказал Фа-Дейк.— Да и нет у меня кинжала. Я... подожди.

Он встал, подошел к двери, притаился на миг и рванул ее. Но волков близко не было, никто не подслушивал. Фа-Дейк встал посреди хижины, скинул плащ, бросил на него шлем.

— Надевай. В этом тебя никто не остановит.

Хота кинулся к плащу. Но не взял его, медленно выпрямился. Покачал головой.

— Нельзя. Тебя убьют.

— Меня?— сказал Фа-Дейк.— Сета?— Он усмехнулся, хотя сердце у него холодело.— Надевай.

Они были одного роста. Шлем закрыл у Хоты волосы и лоб, медный козырек бросил тень на глаза. Плащ окутал мальчишку до пят.

«А ноги все же будут видны, когда пойдет»,— подумал Фа-Дейк.

— Постой...— Он торопливо расшнуровал и сбросил кеды. Хота суетливо и неумело завозился со шнуровкой незнакомой обуви. Фа-Дейк помог ему и шепотом предупредил:

— Не вздумай идти сразу в пески. Иди сначала через табор, мимо главных шатров. Если окликнут, опусти голову и не отвечай, тогда подумают, что ты... то есть я... очень печальный, и не подойдут. В пески уходи с западного края, там нет сейчас сторожевых волков. А в дюнах — там уж смотри сам.

— В песках меня не поймают,— жарко прошептал Хота.— Я попался тогда по глупости. А теперь — ни за что...

— Все, иди... Прощай...

— Прощай... А тебе ничего не будет?

— Иди, Хота, иди.

— Фа-Дейк, прощай,— с придыханием проговорил Хота.— Мама скажет теперь, что у нее два сына...

Одними губами Фа-Дейк повторил:

— Иди, Хота, иди...

Со связанными за спиной руками, растрепанного и босого, будто пленного врага, его повели через онемевший от изумления стан. На площадку перед королевским шатром. По пути Уна-Тур несколько раз толкнул его тупым концом копья.

— Плешивый шакал,— сказал Фа-Дейк.— Ты поднял руку на сета.

— Ты не сет, а предатель,— злорадно отозвался из седла Уна-Тур.

— А ты не сотник, а покойник. Через час тебя будут жрать ящерицы-камнееды...

Уна-Тур толкнул его снова, и Фа-Дейк, чтоб не упасть, почти бегом выскочил на площадку — прямо перед Фа-Тамиром, Лалом, сетом Ха-Виром и другими командирами. И сразу вознесся гневный голос Фа-Тамира:

— Что творишь, сотник! Воины, взять изменника! Развяжите сета! Плащ сету!

Три королевских стражника метнулись к Уна-Туру. Тот вздыбил жеребца и яростно завопил:

— Я не изменник! Послушайте же меня, мой маршал!

Кто-то рассек отточенным концом меча ремень на запястьях Фа-Дейка. Фа-Дейк освободил руки, как недавно это делал Хота. Потом швырнул скомканный ремень в лицо Уна-Туру и сказал по-русски:

— Я покажу тебе предателя, паршивая волчья шкура.— Он был так зол, что уже ни капельки не боялся.

Воины окружили сотника, но теперь стояли в нерешительности, потому что он крикнул:

— Клянусь Звездным Кругом, я не виновен, мой маршал! А он не сет, он предатель.

— Сет — всегда сет,— сказал мудрый Лал и кинул на плечи Фа-Дейка грубый военный плащ.— Лишить сета этого звания может только король. А короля... да будет ровен его путь в дальний мир... теперь у нас больше нет. Выслушаем всех в терпении. Сет Фа-Дейк, скажите нам, в чем обвиняет вас этот человек? Что произошло между вами?

— Да ничего особенного! Просто я отпустил пленного мальчишку!

— Разведчика?— быстро и насупленно спросил Фа-Тамир.

Все молчали. Только Уна-Тур дернулся в седле, хотел что-то крикнуть, но десятник королевской стражи с размаху положил на его плечо руку в боевой чешуйчатой рукавице.

Наконец старый сет Ха-Вир медленно спросил:

— Зачем вы это сделали, Фа-Дейк?

«Потому что мне его жалко!» — чуть не вырвалось у Фа-Дейка. Но он сказал иначе:

— Я не хотел, чтобы в дни печали в стане иттов была жестокость. Волки замучили бы мальчика.

— Это никого не касается!— вскинулся опять Уна-Тур.— Это была наша добыча! Добычу волков не может отобрать даже король!

— Короля нет,— снова напомнил Лал.— Помолчи, сотник.

«Короля нет...» — подумал Фа-Дейк и ощутил в нагрудном кармане тяжесть Тарги. До сих пор он о ней почти не помнил, о другом были мысли. Но

сейчас наконец пришло ясное понимание: что же случилось на самом деле. Если старый Рах сказал, если он отдал Таргу... Значит, правда?

«Но не хочу я!— крикнул себе Фаддейка.— Я не знаю, что делать!»

«Делай, что хочешь, хуже не будет...»

Сет Фа-Дейк медленно оглядел всех, кто обступил его. Голова кружилась от усталости и от голода. Честно говоря, хотелось даже заплакать. Но Фа-Дейк скривил губы и отчетливо сказал сотнику:

— Добычу король отобрать не может. Но может сделать голову твою добычей шакалов...

— Но короля нет!— дерзко хохотнул Уна-Тур. Десяток его всадников приближались к шатру.

— Король будет,— сказал мудрый Лал, летописец и полковник песчаной пехоты.— Сеты выберут короля сегодня же, раз великий Рах не оставил преемника.

Фа-Дейк вскинул голову, чтобы возразить, но медленно и тяжело заговорил Фа-Тамир:

— Сеты выберут короля. Но сету Фа-Дейку лучше не участвовать в этом. Пусть Фа-Дейк уходит, пока он сет и никто из иттов не может тронуть его. Выбранный король лишит его звания и защиты.

— Почему?— Фа-Дейк хотел спросить это гневно и громко, но получилось почти со слезами. Как в учительской, когда обвиняют напрасно.

Старый справедливый маршал Фа-Тамир заговорил опять, и слова его падали, как камни:

— Наверно, вы думали, что поступаете справедливо, сет. Но все равно: то, что вы сделали,— измена.

В ответ полагалось швырнуть в лицо обвинителю боевую рукавицу. Но не было рукавицы, да Фа-Дейк сейчас и не поднял бы ее — пудовую, из бронзовых пластин. И какой мог быть поединок у мальчишки с прошедшим через тысячу боев маршалом?

Фа-Дейк сипло от слез спросил:

— Кому я изменил?

— Вы предали народ и армию иттов.

— Но итты... все люди, все войско, это же такое... громадное. А он был беззащитный. Если бы я не отпустил... я предал бы его...

— Но он враг!— воскликнул кто-то из воинов.

— Он мне не враг. Он такой же, как я. Дети не воюют с детьми.

— Как же не воюют? — мягко, осторожно как-то возразил Лал.— У тауринов полно разведчиков. У нас... мальчишки тоже помогают воинам. Вы и сами, сет, в прошлом году были в конной стычке.

— Да... дети могут воевать со взрослыми. Взрослые тоже воюют с детьми, они одичали. Но дети не воюют с детьми ни на одной планете — они еще не посходили с ума!

— Вас никто и не просил воевать с этим сопляком,— нагло подал голос Уна-Тур.— Ваше дело было не вмешиваться.

Тарга оттягивала карман. Фа-Дейк незаметно, под плащом, вынул ее и зажал в кулаке. И сказал:

— Что-то совсем непонятное происходит у иттов. Сеты стоят, а сотник говорит с ними, не сходя с коня. Уж не стал ли он королем?

— Сойди с коня, сотник!— грозно крикнул сет Ха-Вир.

— Слушаю, сет...— отозвался Уна-Тур. Кажется, с насмешкой. Сделал движение, будто хочет спешиться, но остался в седле. И никто не заметил этого, потому что маршал Фа-Тамир заговорил опять — печально и тяжело:

— Ваши слова, сет Фа-Дейк, говорят о вашем уме. Про ум ваш и про доброту знают все итты. Но сейчас вы нанесли нам вред. Ход, о котором знает проводник, остался для нас тайной...

— Подумаешь, один ход! Их полным-полно!

— И все-таки он поможет тауринам продержаться лишние дни.

— Им не придется держаться... Фа-Тамир, я устал стоять босиком на холодном песке, коня мне...— Возникло торопливое движение: Фа-Дейк оставался сетом, и коня подвели немедленно. Того послушного конька, на котором он прискакал сюда. Фа-Дейк прыгнул в седло, и плащ свесился по бокам, закрыв стремена и босые ступни.

— Почему тауринам не придется держаться в крепости, сет?— вкрадчиво спросил мудрый Лал.— Вам известно что-то тайное?

— Ничего тайного. Мы сегодня снимем осаду.

— Великий Звездный Круг! Кто это решил?— воскликнул сет Ха-Вир, храбрый и простодушный воин.

— Я,— сказал Фа-Дейк.

Смеялись все. Сеты смеялись и простые воины, и сотник Уна-Тур, который так и остался в седле. Один Фа-Тамир не смеялся, он смотрел на мальчишку с печалью. Он любил Фа-Дейка и теперь горько сожалел, что болезнь помутила разум юного сета. Впрочем, болезнь лучше, чем измена...

Тогда Фа-Дейк протянул Фа-Тамиру Таргу. И проговорил совсем не по-королевски, а как смущенный четвероклассник, потому что решительность опять оставила его:

— Вот... Это дал король. Он сказал, что теперь я... Он сам сказал, честное слово...

Фа-Тамир стряхнул в песок боевую рукавицу и протянул руку. Но рука эта вдруг замерла, окаменела, не коснувшись бронзовой бляшки.

— Великие силы...— хрипло сказал маршал.— Смотрите, Лал... Точно ли это она?

Мудрый Лал встал рядом с маршалом, глянул. Побледнел — загар его стал бледно-желтым. Лал сказал, как и Фа-Тамир:

— Великие силы...— Потом спросил, забыв об этикете:— Откуда она, мальчик?

— Король дал,— пробормотал Фаддейка.

Маршал сурово проговорил:

— Итты! Наш великий король Рах владел Таргой. Он передал Таргу сету Фа-Дейку вместе с властью.

Сеты, командиры и простые воины сдвинулись молчаливым кругом.

— Тарга ли это?— спросил сет Ха-Вир.— Ведь она исчезла больше ста лет назад, когда правил великий Ду-Ул, разрушитель стен.

— Потому и исчезла,— прошептал Лал.

— Не подделка ли это? — осторожно проговорил молодой, незнакомый Фа-Дейку сет.

— Клянусь всем миром, нет,— тихо ответил Лал.— Эту работу древних чеканщиков подделать нельзя, утерян секрет...

Ха-Вир пробормотал:

— Но если она была у короля, то почему великий Рах...

Маршал Фа-Тамир сурово перебил его:

— Кто смеет задавать вопросы королю? Особенно когда он мертв!.. Сеты, смотрите и отвечайте: есть ли у вас сомнение, что это Тарга, знак верховной власти над всеми обитаемыми землями?

Сеты молчали. Наверно, не потому, что было сомнение. Просто никто не решался признать Таргу первым.

— Подождите!— вдруг воскликнул Лал.— Вот

идет вождь тауринов Урата-Хал... Князь, окажите честь, подойдите к нам для беседы.

Урата-Хал, прямой и печальный, неспешно подошел. На острых красно-коричневых скулах горели блики от низкого вечернего солнца.

Тихо, но очень внушительно Лал произнес:

— Великий вождь, сет и князь тауринов, обращаюсь к вашей мудрости и заклинаю вас вашей честью. Посмотрите и, если можете, скажите нам: что в руке у юного сета Фа-Дейка?

Князь подошел к Фа-Дейку, тяжело загребая песок бронзовой чешуей оторочки плаща. Смотрел и молчал с полминуты. Лицо его не изменилось. Он сказал, кажется, без удивления и устало:

— Клянусь словом и честью, это Тарга. Судьба ваша счастлива, итты. Кто же владетель знака верховной власти?

— Тот, кто держит. Иначе не может быть, князь,— отозвался Фа-Тамир.

Урата-Хал посмотрел Фа-Дейку в лицо. Вождь тауринов был так высок, что глаза его оказались вровень с глазами сидящего на коне юного сета. Твердые, но измученные были у князя глаза. И Фа-Дейк опустил свои, не выдержав прямого и печального взгляда.

Урата-Хал проговорил, опустив плечи:

— Ну что же... Ни итты, ни таурины, ни другие люди еще не стали бессмысленными кротами и шакалами, чтобы забыть великие законы предков. Какое будет твое слово, повелитель? Покорившись владетелю Тарги, таурины не уронят чести...— Он горько улыбнулся.— Что я должен сделать? Впустить иттов в крепость? Отдать свой меч?.. Хотя сейчас у меня нет меча...

— Нам его и не надо,— давясь от непонятного смущения, пробормотал Фа-Дейк. Таргу сжал в потном кулаке, а кулак спрятал под плащ. И сказал решительней:— Итты не войдут в ваш город... То есть, может, войдут, но без оружия. Мы заключим равный и вечный мир. Больше никогда не будет войны.

Долго молчали изумленные итты, молчал и вождь тауринов. Потом произнес негромко:

— Все матери тауринов назовут тебя своим сыном, мальчик... О, прости, владыка земель.

А мудрый Лал, летописец иттов и полковник песчаной пехоты, спросил:

— Но что же будут делать люди, если война кончится, повелитель?

— Что?!— яростно вскинулся Фа-Дейк. И вскрик его разнесся в вечернем воздухе, который быстро остывал и холодил щеки.— Стены разрушены! Пески везде! Вы... вы же забыли вкус хлеба, едите только мясо кротов и конину, потому что негде сеять зерно! Вы что, сами не видите? Надо строить стены и дороги! Надо, чтобы снова росли леса! Везде, а не только на севере! Надо, чтобы никто не боялся! И чтобы с Лесным наро-

дом тоже мир!.. Да вы что, сами не понимаете?..

— И что же?— раздался голос наглого сотника Уна-Тура, о котором все забыли.— Значит, воины-волки должны будут ковырять землю и таскать камни, как пленники или трусы, которые не умеют сражаться?

— Ир-Рух,— с облегчением сказал Фа-Дейк десятнику королевской стражи.— Лишите сотника коня и меча. Отправьте его под стражу. После погребения короля и заключения мира напомните мне о нем, я решу, что делать с этим человеком.

Уна-Тур вздыбил заржавшего жеребца и крикнул, оскалившись:

— Твоя Тарга — жалкая медяшка! Ты сопливый самозванец! Волки, за мной! Пески не выдадут нас!

Сотник бросил коня прямо на пеших воинов, они отскочили. Всадники-волки поскакали вслед за своим командиром. Опомнившись, бросилась в погоню конная стража...

Ночь пришла звездная и холодная. Темная была ночь, хотя две маленькие луны быстро катились по черно-искристому своду. Фа-Дейк постоял у откинутой занавеси, посмотрел на эти светлые бегущие шарики, отыскал потом глазами знакомое созвездие Ориона, вздохнул и вернулся в теплоту шатра — в запахи земляного масла от светильников и старой меди от панцирей охраны. Лег на расшитые войлоки.

Шатер был Фа-Тамира. Маршал уступил его владетелю Тарги, пока в королевском шатре лежит, дожидаясь погребения, великий Рах.

Десять ратников королевской стражи, не шевелясь и, кажется, не дыша, застыли вокруг широкого ложа. Фа-Дейк стеснялся их, но не решился приказать им выйти.

Он лег навзничь, вдавившись затылком в кожаный мешок, набитый шерстью. Тарга лежала в нагрудном кармане и плоской своей тяжестью напоминала о себе.

Фа-Дейк ужасно устал и ни о чем не думал связно...

Вошел Фа-Тамир, снял шлем, спросил:

— Я отошлю воинов, повелитель?

— Ага...— облегченно выдохнул Фа-Дейк.

Ратники неслышно вышли один за другим.

— Осмелюсь ли я просить владетеля Тарги...— начал маршал.

Фа-Дейк устало сказал:

— Не надо, Фа-Тамир. Говори по-человечески.

— Хорошо...— Старый маршал сел в ногах у Фа-Дейка.— Ну, что, Огонек? Как тебе сейчас?..

— Я не знаю, Фа-Тамир... Я не знаю, что делать дальше.

— А дальше ничего не надо, мальчик. Ты сделал самое главное: остановил войну.

— Но потом я тоже что-то должен делать!

Фа-Тамир покачал седой головой:

— Ничего. Завтра, после погребения Раха, мы объявим иттам и тауринам, что владетель Тарги вернулся к себе, в свой далекий край.

Фа-Дейк помолчал. Затем спросил с облегчением, но и с обидой:

— Почему?

Фа-Тамир чуть улыбнулся:

— Ты хочешь найти одну причину? А их много...

— Ну, хоть одну... Скажи!

— Хорошо. Не обижайся, Фа-Дейк, но тебе иногда кажется, что нас нет и ты нас просто придумал...

— Ну и какая разница? Вы же все равно есть!

— Конечно... Но вот еще причина: когда вы, сет... прости, Огонек... когда ты думаешь о наших заботах, ты думаешь о своей Земле. Я давно это понял.

— Ну и что? — неловко сказал Фа-Дейк.

— Нет, ничего. Иначе и быть не могло... Но ты еще многого не понял. Не знаешь даже, кто виноват в этих войнах: итты, таурины, лесные люди, жители южных скал? Вожди или простые люди?

— Это я как раз понял,— хмуро сказал Фа-Дейк.— Все хороши...

Раньше, когда жил он в королевском стане и в столице иттов, ему казалось, что итты — самые храбрые, самые честные, самые умные, а таурины виноваты во всем. Это они много лет назад начали войну и до сих пор не хотят признать справедливость иттов. И он радовался, когда случился пожар в крепости врага. И ликовал, когда, оказавшись в случайной схватке среди песков, увидел (правда, издалека), как воины иттов арканами свалили двух тауринских всадников...

А если бы в самом начале попал он не к иттам, а к тауринам?..

А маленький, похожий на Вовку Зайцева Хота разве в чем-то виноват?

Он учился у иттов скакать на коне, метать дротики и читать нацарапанные на тонких кожах старые карты пустынных земель. Но земли принадлежали не только иттам. И карты эти рисовали не итты, а древние художники — общие предки нынешних племен.

Среди песчаных равнин, среди холмов и дюн стояли высокие башни с колоколами, которые оставили нынешним людям неведомые, жившие в незапамятные времена народы — люди тех веков, когда на месте песков шумели кудрявые леса и плескались теплые озера... Ни итты, ни таурины, ни жители окраинных земель не трогали эти колокола даже тогда, когда не хватало меди для доспехов. На Марсе, несмотря ни на что, еще сохранялись давние обычаи: нельзя трогать колокола, нельзя убивать крылатых ящериц, нельзя не повиноваться Тарге...

Был суров, сумрачен и дик этот пустынный фиолетово-красный мир, и все же он привязал к себе маленького Фа-Дейка.

Но через несколько месяцев Фаддейка затосковал по дому...

Сейчас Фа-Тамир словно угадал его мысли.

— Вы скоро затоскуете снова,— сказал он.— Вы все равно не сможете остаться.

— Когда затоскую, тогда и уйду,— неуверенно огрызнулся Фа-Дейк.

— Воля владетеля Тарги бесспорна... Но лучше бы вам уйти сразу. Для всех людей лучше, Фа-Дейк...

Фа-Дейк опять почувствовал себя виноватым четвероклассником Сеткиным.

— Ну, хорошо, Фа-Тамир. Таргу я оставлю вам...

— Таргу вы возьмете с собой.

— Почему?!

— Фа-Дейк, мальчик мой, люди есть люди, они сильнее обычаев. Очень скоро те, кто поумнее, поймут, что войну остановила не Тарга, а общая усталость... А те, кто злее и хитрее, подумают: как много власти может дать маленький кусочек меди! Появится множество подделок. Появятся и те, кто поклянется, что подделка — настоящая Тарга, а вас объявят самозванцем. Это будут люди вроде Уна-Тура и его волков, которые сегодня почти все ушли в пески. Их закон — сила и жестокость...

«Ты и сам не захотел спасти Хоту»,— вдруг вспомнил Фа-Дейк.

И опять старый Фа-Тамир словно услышал его мысли.

— Думаете, маршал может все?— спросил он.— И маршалы, и сеты, и короли тоже бывают беспомощны. И вы быстро сделаетесь беспомощным, если останетесь здесь... А если уйдете, мы объявим, что вы унесли Таргу и последний ваш закон был: покончить с враждой. Тогда не будет подделок Тарги и никто не сможет заставить вас отменить свои слова.

— И получится, что я стал... каким-то священным духом,— невесело усмехнулся Фа-Дейк.

— Вы станете легендой и законом... Хотя бы на некоторое время. И люди отдохнут от вражды и, может быть... еще что-то смогут спасти...

— «Что-то» или планету?— тихо спросил Фа-Дейк. И представил опять: пески, пески и кое-где на скалистых буграх башни и арки с начищенными летучим песком колоколами.

Старый маршал молчал.

— Фа-Тамир, кто поставил в песках колокола?

Маршал не удивился вопросу. Но и ответа не дал.

— Ты же слышал, Огонек, что про это никому не известно. Даже мудрый Лал не знает...

— Старые женщины, что готовят для воинов пищу, рассказывали, будто иногда колокола звонят сами собой...

— Это сказка. Про загадки песков много было сказок... Впрочем, кто знает, может быть, и звонят. Но, говорят, это бывает раз в сто лет, в самую холодную и черную ночь... Не знаю, мне слышать не приводилось.

— А как они звонят?

— Я же не слышал... Говорят, медленно, печально. Будто в память о ком-то.

— Похоже...

— Что похоже, Фа-Дейк?

— Видимо, на разных планетах одинаковый обычай: ставить башни с колоколами в память о ком-то... А может быть, это мы поставили их здесь?

— Мы? Итты?

— Да нет, Фа-Тамир, я не о том... Вы правы, маршал, надо ехать. Может быть, еще успею.

— Путь, конечно, тяжел, но не так уж далек. Вы успеете домой к рассвету.

— А вы проводите меня? Я один не найду дорогу.

— Тир знает дорогу...

Фа-Дейк быстро сел.

— Тир вернулся?

— Да, сет. Видимо, почуял, что вы здесь, и пришел в стан. Воины привязали его, он здесь...

Фа-Дейк прыгнул с постели и выскочил из шатра. Высокий конь мягко переступал на песке подковами. Он казался черным, но Фа-Дейк знал, что днем конь огненно-оранжевый. Даже и сейчас от света крошечных бегущих лун по гриве проскакивали рыжие искорки.

Фа-Дейк протянул ладони, конь радостно фыркнул, потянулся к ним теплыми губами. Фа-Дейк обнял лошадиную морду, прижался к ней щекой.

— Пришел, мой хороший...

Тир постоял, замерев, потом осторожно освободил голову и тихонько заржал, радуясь встрече. Он не знал, что свидание будет коротким...

ОКОНЧАНИЕ
В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Как угадать день рождения друга и вывести братьев из Болота Ошибок

Сережа с Чипом болтали о всякой всячине, когда Чип неожиданно спросил:

— Кстати, а когда у тебя день рождения?

— А вот угадай! — поддразнил его Сережа.— Или вычисли, если можешь, ты же компьютер.

— Что ж, попробую,— принял вызов Чип,— только ты мне помогай: после каждого вопроса говори — перелет, недолет или попал.

— Ну, и сколько ты будешь гадать? До вечера-то успеешь?

— Месяц отгадаю после трех вопросов, а день — самое большее после четырех. Спорим? Тогда я начинаю. Июнь?

— Недолет!

— Сентябрь?

— Недолет!

— Ноябрь?

— Недолет!

— Значит, декабрь. Теперь день. 16-е?

— Недолет!

— 24-е?

— Перелет!

— 20-е?

— Недолет!

— 22-е?

— Попал! Это тебе повезло, Чип, а то бы ты дольше гадал.

— Наоборот, мне не повезло. Моим методом, вернее, по моему алгоритму, любой месяц угадывается после трех вопросов, а любой день после четырех, но иногда получается быстрее. Например, если бы ты родился 24 ноября, то число и месяц рождения я угадал бы после пяти вопросов, а не после семи, как сейчас, а если бы ты родился 16 июня — то после двух.

— А если бы я родился на день позже, 23 декабря?

— Тогда бы ты ответил: «Недолет»,— на послед-

ний вопрос, и я уже точно знал бы, что это 23-го, поскольку 24-го был перелет.

— Это что, все предыдущие ответы помнить? Это надо быть компьютером!

— Нет, все помнить не надо, достаточно держать в голове два последних числа. Алгоритм устроен так, что правильное число всегда находится между этими двумя, а интервал каждый раз уменьшается в два раза. Например, когда я угадывал месяц, я сначала попробовал июнь — он ровно посередине года, и по твоему ответу я узнал, что твой месяц находится во второй половине. Тогда я снова нашел середину — это сентябрь и по твоему ответу узнал, что твой месяц находится в третьем квартале. Ну, а дальше, проверив ноябрь, я всегда узнал бы месяц по твоему ответу: перелет, недолет или попал.

— Знаешь, месяц меня не так удивляет, ведь их всего 12, а вот что ты один день из 31 узнал за 4 вопроса, это здорово. Значит, ты сначала проверил середину — это 16, а потом остались три вопроса, и ты угадал один из 16 дней. А, пожалуй, не так уж и странно: 16 делим пополам, это 8, еще раз пополам, это 4, а дальше остаются 3 числа, которые угадываются за 1 вопрос. Получается, что с месяцами твой алгоритм работал не в полную силу: если бы их было 16, тебе тоже хватило бы трех вопросов.

— Да, а с днями хватило бы четырех вопросов, если бы в каждом месяце было по 32 дня. Ты, конечно, узнаёшь эти числа — это степени числа 2. Их помнит каждый программист. Если бы компьютер создавал Землю, он бы сделал так, чтобы в году было 16 месяцев, в месяце — 4 недели по 8 дней, в дне — 16 часов, в часе — 64 минуты, а в минуте — 64 секунды. Насколько легче было бы считать нам, компьютерам, ведь мы основаны на двоичной системе.

— А ты напиши в газету: мол, мы, компьютеры, выполняем за людей всю вычислительную работу, а между тем нас до сих пор заставляют пользоваться вашим дурацким календарем и вашими дурацкими часами. Скажи, мол, переведите все на двоичную систему, и мы вам будем быстрее считать.

— Смеешься? Посмотрим, кто будет смеяться лет через 100, может быть, тогда у компьютеров будут и свои газеты, и свои профсоюзы, чтобы заботиться об условиях их труда. Мы не ленимся, но нам обидно, когда нас заставляют впустую работать.

— Чип, милый, ты что, на меня обиделся? Ну извини, я нечаянно. Расскажи мне что-нибудь еще, ты ведь так интересно рассказываешь.— Сережа знал, что его друг больше всего любит, когда его хвалят.

И действительно, Чип дулся недолго, через несколько минут, порозовевший от Сережиных похвал, он уже весело рассказывал очередную историю.

Это была история о том, как маленький электронный мальчик с пальчик Чип, спасший братьев от великана Гигабайта, вел их домой по страшному Лесу Неправильных Программ. Была темная ночь, туман, и братья сбились с дороги. Сами и не заметили, как оказались в Болоте Ошибок — ноги так и вязнут в трясине, и куда ни ткнись, погружаешься все глубже и глубже.

— Стойте!—закричал братьям маленький Чип.— Мы так все утонем! У меня есть алгоритм, как выбраться из трясины. Я стою на месте, а вы все делаете по три шага, каждый в свою сторону, куда ему кажется лучше. Потом перекликаемся, сравниваем, кто выше всех выбрался, и идем к нему. А чтобы знать, кто выше всех, и заодно чтобы не потеряться, возьмите каждый по веревке, а концы всех веревок будем привязывать к этому колышку. Я останусь возле колышка и по тому, куда идут веревки, буду видеть, кто выше вылез, а кто в трясину попал.

— А если мы все попадем в трясину? — спросил один из братьев.

— Для того я и сказал, чтобы вы дальше трех шагов не отходили. Видишь, дно опускается — сразу назад. Ну а если уж окажется, что во все стороны дно опускается, значит, мы выбрались на бугор, тогда там и останемся до утра...

— Ну и как,— нетерпеливо спросил Сережа,— выбрались они из трясины?

— А тут нечего и гадать,— ответил Чип с гордостью,— если у тебя правильный алгоритм, то рано или поздно ты достигнешь цели.

ОТ РЕДАКЦИИ: Ребята, а вам такое задание — запишите план мальчика с пальчик, как выбраться из трясины, в виде программы. На конверте укажите: «Поможем мальчику с пальчик».

Один наш мальчик замечательно играет на гитаре. А другой наш мальчик замечательно играет на пианино. Но все уважают только первого мальчика, потому что с пианино очень трудно выходить в подворотню.

* * *

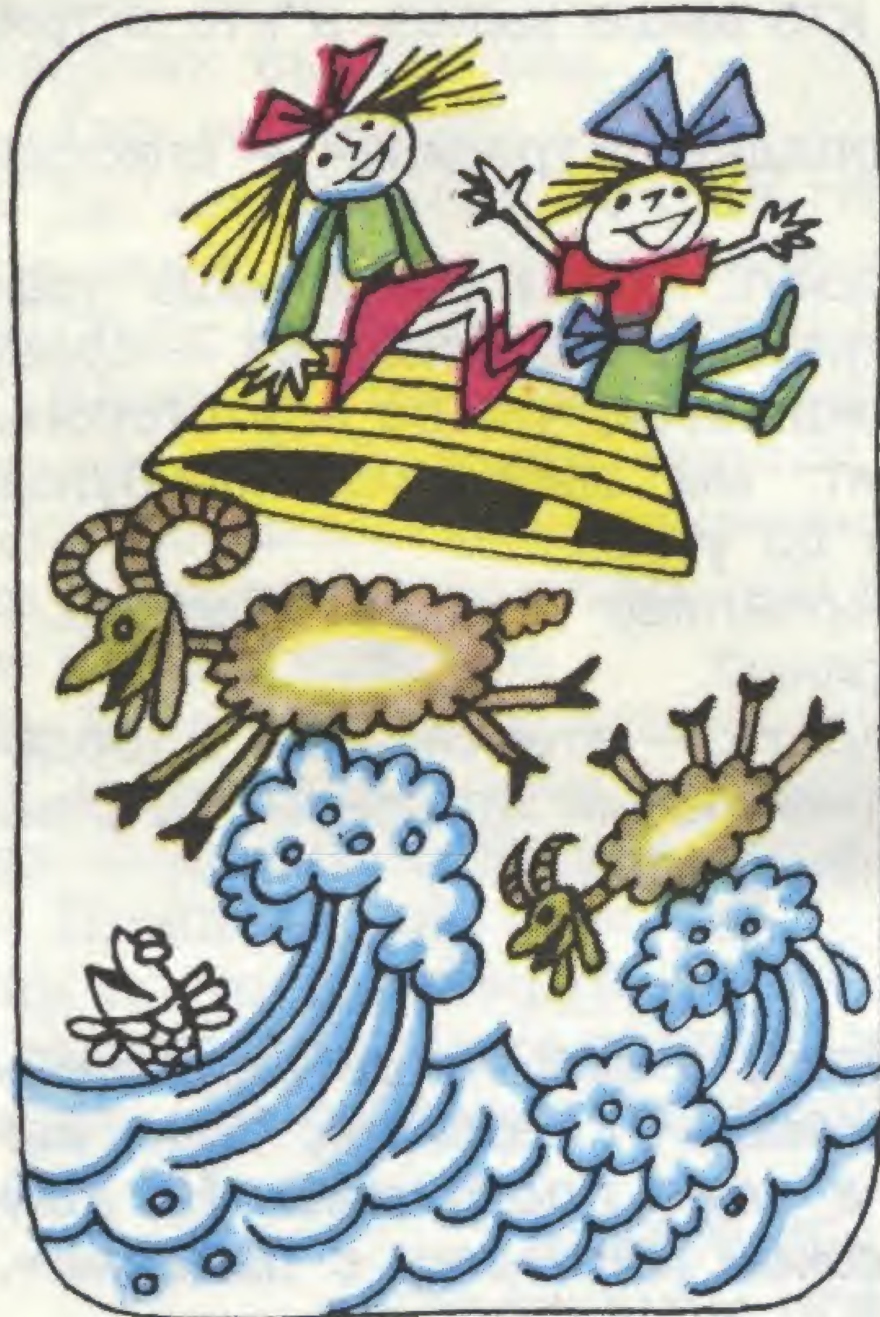
Одна наша девочка пришла в школу в куртке фирмы «КОКТПОМА». Но потом один наш мальчик внимательно посмотрел на этикетку и сказал, что никакие это не латинские буквы, а русские. И никакая это не «КОКТПОМА», а «КОСТРОМА».

ПЕРЛовая книга

«У моего товарища нос с горбушкой».
«Мальчик сидел под холмом, и на нем росли осинки».
«Высокая, статная фигура полковника поглядывала по сторонам».
«Они играли на природе и свежем воздухе, которые украшали картину».

ПЕРЛы отыскали Нелли Варлыгина из Мурманска,
ученики 7 «В» класса школы № 20 г. Тольятти,
Сережа Шаповалов из Харькова,
Николай Манаенков из Воронежа.

Экстренная запись в ПЕРЛовой книге

«Море играло с барашками», «На перевернутой лодке сидели две девочки кверху килем»... Эти ПЕРЛы нашли и прислали в редакцию Вера Савченко из Казани, Володя Сидяк из Белгородской области, Саша Валеев из Николаева, а вместе с ними — еще сорок шесть мальчиков и девочек из многих других городов и сел страны. Все они утверждают, что авторы этих замечательных произведений учатся именно в их классе. Или сейчас научились списывать по телеграфу, или тут какая-то тайна. Разгадавшему ее мы ставим «5». Отметку нужно вырезать из журнала и аккуратно вклеить в дневник. Те, кто сообщил нам про барашков и двух девочек, должны разгадать другую тайну: что же вклеивать им?

Спрашивайте — отвечаем

Учитель: Какой праздник мы отмечаем 8 Марта и что произошло в этот замечательный день?

Ученик: 8 Марта родилась первая женщина в мире!

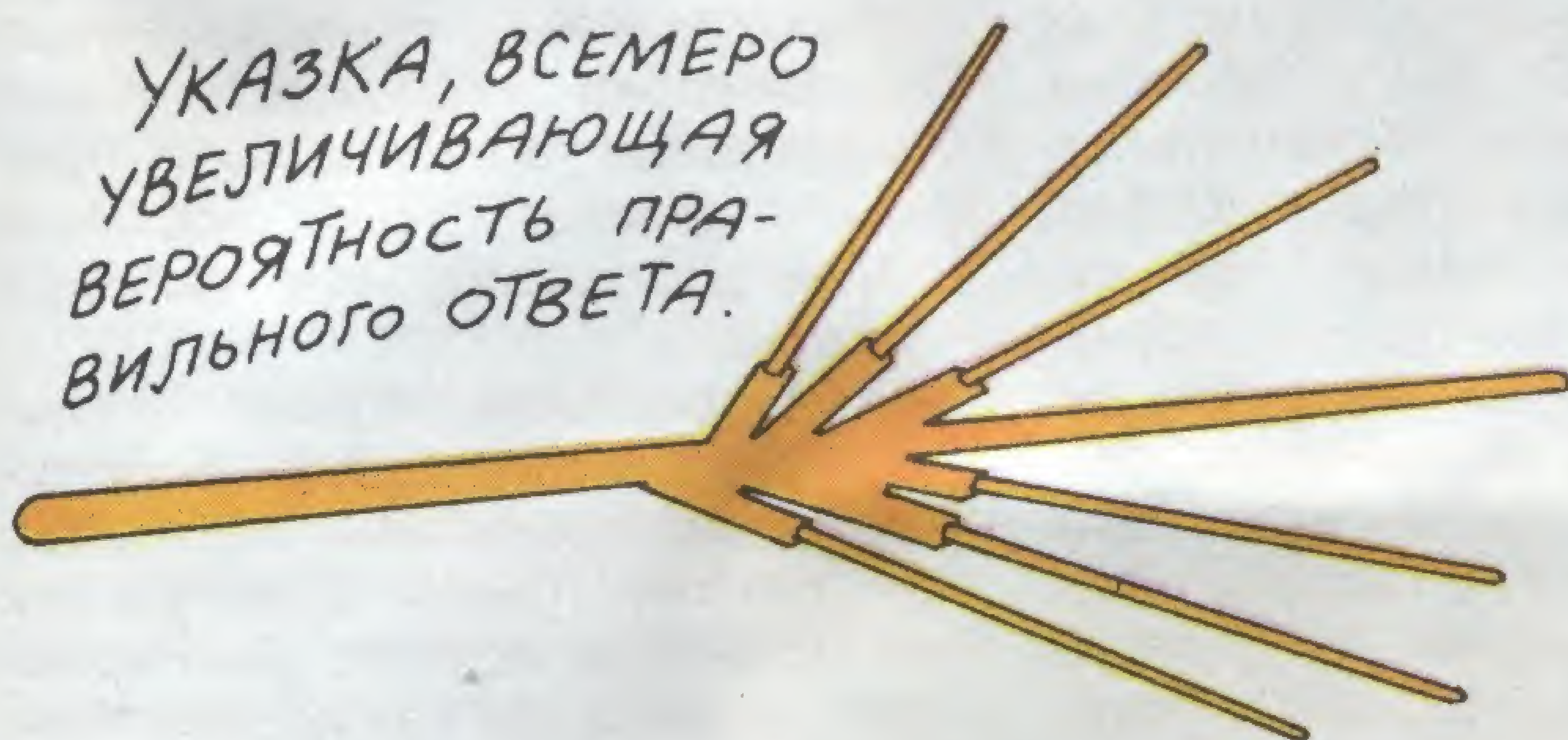
* * *

Учитель: Что такое окружность?

Ученик: Это когда окружают!

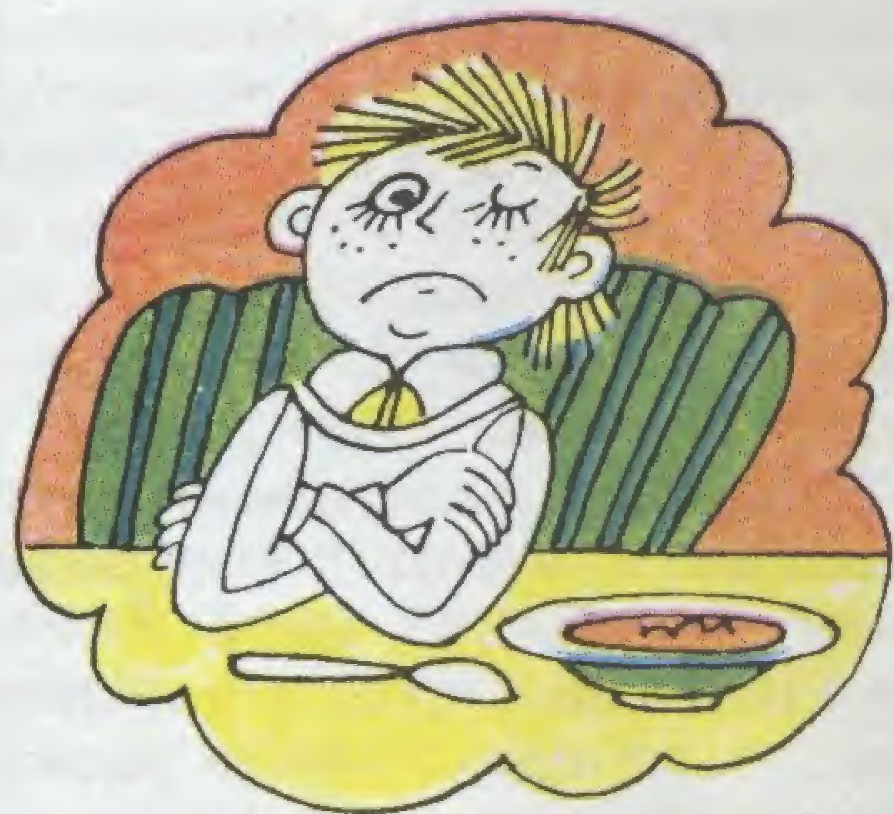
Прислали Зоя Шамшиева из Чимкентской области и Оксана из г. Зугдиди Грузинской ССР.

Дарю тибе падарок

ПОРТРЕТ „СТАРШЕГО БРАТА“. (ПОКАЗЫВАЕТСЯ НЕЗНАКОМЫМ РЕБЯТАМ В КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЯХ).

Скороговорки

Борщнехочувтороенебудухлебнелюблюинепросите! ГДЕ ТОРТ?! НЕ ВИЖУ ТОРТА!

Заотчетныйпериоднашотрядгырдырпыртыр! КАКИЕ БУДУТ ВОПРОСЫ?

...и о погоде:

...Долгота дня в июле 16 часов 27 минут — для тех, кто занят делом. Для всех остальных — 99 часов 116 минут 74 секунды.

Этот выпуск «Переменки» придумал и нарисовал Е. ШАБЕЛЬНИК, а оформил В. ШКАРБАН.

восьмое занятие

КЛУБ СИЛАЧЕЙ

Как же стать сильным? На первый взгляд кажется, что ничего сложного в этом нет. Взял какую-нибудь штуковину потяжелее: гирю, штангу или на худой конец большой камень — и орудуй с ней каждый день с утра до вечера. Поднимай, выжимай, таскай до седьмого пота, до изнеможения и станешь сильным. И не надо никакой науки. Главное — трудиться!

Многие ребята так думают. И не только думают, но и делают именно так. А что в результате? Через несколько дней тренировок они настолько устают, что поднимают меньше, чем до начала занятий,— становятся как бы слабее самих себя. Иногда от чрезмерных нагрузок возникают боли в костях, мышцах или суставах и тут уж, хочешь не хочешь, приходится оставлять свою затею. Но самые упорные, что бы ни случилось, снова и снова приступают к тренировкам... Сила у них, конечно, растет, но очень медленно... Мало пользы от стихийных тренировок.

В конце прошлого века появилось много разных систем воспитания силы. Одной из лучших считалась система немецкого атлета Ф. Мюллера. Нужно было многократно выполнять комплексы упражнений с гантелями, эспандерами и другими отягощениями. Вес гантелей, противодействие эспандеров и отягощений были небольшими, что позволяло выполнять движения энергично, размашисто и довольно легко. При этом достаточно было позаниматься несколько месяцев, чтобы мускулы налились силой, стали упругими и красивыми, а фигура — стройной и атлетичной.

Книги Мюллера пользовались огромным успехом. Они были изданы почти во всех странах мира, в России их переиздавали десятки раз. Вас, конечно, интересует, где достать такую книгу, как познакомиться со знаменитой системой? Это проще простого. Система Мюллера настолько прочно вошла в нашу жизнь, что мы применяем ее, даже не подозревая об этом. Гантельная гимнастика, упражнения на тренажерах, утренняя зарядка берут свое начало от тренировок, предложенных когда-то Мюллером. Не является исключением и комплекс упражнений, которые вы выполняете в «Клубе силачей».

Система Мюллера, и в частности наш комплекс упражнений, улучшает кровообращение в мышцах, увеличивает в них запасы питательных веществ, укрепляет сухожилия, связки, суставы, делает мускулы сильнее и выносливее, короче — создает фундамент для развития силы, а фундамент этот необходимо закладывать с детства, с десяти-одиннадцати лет, чтобы вырасти настоящим сильным мужчиной.

Основное в системе Мюллера — движения, связанные с сокращением мышц. Но, оказывается, силу можно развивать и когда мышцы напрягаются, не сокращаясь. Длина мышц при выполнении таких упражнений не меняется, а потому они называются изометрическими. Попробуйте сдвинуть с места дом, поднять трамвай или разогнуть подкову — это и будут изометрические упражнения. Казалось бы, какой от них прок, если ничего не происходит: дом остается на месте и подкова не разгибается... Но на самом деле быстро нарастает сила человека, потому что от изометрических упражнений , увеличивается количество сократительных волоконец в мышцах. А как вы знаете, чем больше этих волоконец, тем человек сильнее.

По собственному опыту знали силачи прошлого о пользе изометрической системы, а потому была она у них в большом почете. Тренировки именно по этой системе позволяли выдающемуся русскому силачу Александру Зассу (Самсону) рвать руками железные цепи и носить на себе лошадей; ломать на плечах телеграфные столбы и вставать невредимым, когда его переезжал грузовик. Именно изометрической системой пользовались Терентий Корень, победивший льва, и Якуба Чеховской, поднимавший на своих могучих плечах по 40 человек одновременно.

Не утратила значения эта система и сегодня. Сильнейшие спортсмены мира и лучшие цирковые атлеты наращивают силу при помощи изометрических упражнений. Могут принести они пользу и членам «Клуба силачей». Но об этом мы расскажем на следующем занятии.

Разновидностью изометрических упражнений была «волевая» гимнастика русского тренера А. Анохина. Суть ее в том, что человек сознательно напрягает и расслабляет мускулы какой-то части тела: рукѝ, ногѝ или, например, шеи,

«Пионер»ский СПОРТЗАЛ

не двигая ими. Тренировки по системе Анохина можно проводить где угодно, без всякого инвентаря и даже незаметно для окружающих. Именно «волевой» гимнастикой поддерживал физическую силу в тюрьме герой гражданской войны Г. Котовский. Кто видел фильм об этом замечательном человеке, тот, конечно, помнит, чем закончилась попытка «проучить» его, «помериться» с ним силой. Григорий Иванович доказал, что обладает не только железной волей революционера, но и железными мускулами, огромной физической силой. Матерые бандиты быстро поняли, что лучше на себе его силу не испытывать — стали тихими и смирными.

Одну из самых интересных систем воспитания силы предложил основоположник отечественной тяжелой атлетики, доктор В. Краевский. Интересна она была тем, что атлеты под его руководством не столько «качали» силу, сколько занимались укреплением здоровья. Краевский считал, что только при разносторонней физической подготовке и отличном здоровье человек может полностью проявить свою силу. Поэтому он использовал не только поднятие гирь и борьбу, но и кроссы на свежем воздухе, прыжки, плавание, греблю, езду на велосипеде.

И произошло... чудо! Его ученики, занимавшиеся в основном укреплением здоровья, добились поразительных успехов в тяжелой атлетике, в борьбе, на арене цирка, стали лучшими из лучших среди силачей, чемпионами и рекордсменами мира. Достаточно назвать имена таких прославленных атлетов, как Георг Гаккеншмидт (Русский Лев), Сергей Елисеев, Георг Лурих, Иван Лебедев, Владислав Пытлясинский. Именно они составляли спортивную славу России начала нашего века.

Методы физического воспитания Краевского используются и в наши дни. Их включают в тренировки не только штангисты и борцы, но и боксеры, фехтовальщики, хоккеисты, футболисты, гребцы, велосипедисты. Применяют их в своей подготовке летчики и космонавты, танкисты и пограничники. Одним словом, система Краевского полезна для всех, кто хочет быть разносторонне сильным человеком.

Поэтому, как бы ни хотелось вам поскорее «накачать» мускулы, советуем заниматься не только силовыми упражнениями, но и бегом, плаванием, футболом, лыжами, теннисом и другими видами спорта. Все вместе они вернее помогут развитию вашей силы.

А сейчас три упражнения из системы Анохина, которой пользовался Г. И. Котовский. Их можно делать самостоятельно или включать в комплекс вместо каких-то трех других. Время напряжения 5—6 секунд, расслабления — 15—20 секунд. Каждое упражнение выполняется до пяти раз.

М. ЗАЛЕССКИЙ.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

попытайтесь как бы поднять руки

попытайтесь как бы подняться

попытайтесь как бы встать

УЗНАВАЙКА

Всем известно, но...

Всем известно, что «Доктора Айболита», «Муху-Цокотуху» и «Мойдодыра» написал замечательный детский писатель Корней Чуковский. Но попробуй спросить у товарища: «Как имя, отчество этого писателя?» Скорее всего, он удивленно посмотрит на тебя (дескать, кто же этого не знает) и убежденно ответит: «Корней Иванович, конечно».

Не спеши с ним спорить и рискни задать еще один, совсем уж, кажется, нелепый вопрос: «А фамилия-то его настоящая как?»

Тут уж, можешь не сомневаться, собеседник подумает, что ты «совсем заучился». Хорошо, если только подумает. А может еще вытаращить глаза, покрутить пальцем у виска и сказать что-нибудь, чему в школе не учат, вроде: «Ну, ты даешь!», «С приветом!» или похуже... Но потом все же сжалится над твоим незнанием и выговорит по слогам: «Чуков-ский, вот кто».

Он будет по-своему прав, да не совсем. Дело в том, что Корней Чуковский не имя и фамилия писателя, а его литературный псевдоним. Автор «Мухи-Цокотухи» был большой выдумщик. Из двух частей своей настоящей фамилии — Корнейчуков — он придумал имя — Корней и фамилию — Чуковский, которыми стал подписывать книги. За многие годы к этому так привыкли, что никому не приходило в голову, что на самом деле писателя зовут не Корней Иванович, а Николай Васильевич.

Железный автограф

У великого русского химика А. М. Бутлерова незаурядный ум сочетался с огромной физической силой и веселым нравом. Зайдя как-то в гости к приятелю и не застав его дома, Бутлеров не стал оставлять записку. Он взял кочергу и согнул ее буквой «Б», поставив таким образом приятеля в известность о своем визите.

Рука в гербе

Летом 1015 года у берегов Ирландии показались две грозные армады судов. Полосатые шерстяные паруса, блестящие по бортам щиты, хищные пасти чудовищ на высоких носах не оставляли сомнений: викинги на боевых кораблях — дракенах — отправились на новые завоевания. Их набег на Северную Ирландию возглавляли два вождя, плывшие каждый на своем дракене впереди флотилий. Один был совсем еще молод, горяч, другой — старше, опытнее, хладнокровнее. Оба не знали поражений в бою. Они были уверены в успехе и заранее договорились: королем захваченной страны станет тот, кто первым дотронется до ее земли.

Когда флотилии приблизились к берегу, корабль более опытного вождя вырвался вперед. Еще немного — и он дотронется до земли. Но в этот момент юный вождь схватил боевой топор, отрубил кисть своей руки и бросил ее на берег. Его окровавленная рука коснулась земли на мгновение раньше, чем на нее ступил соперник.

Герман О'Нейл, так звали юного вождя, стал после победы королем, основателем династии, правившей страной много веков. Что же касается отрубленной руки О'Нейла, она с тех пор увековечена в гербе Северной Ирландии.

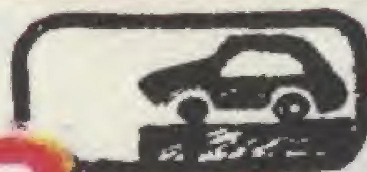
В ожидании Большого Пса

Ночное небо с успехом заменяло древним римлянам календарь. Это и неудивительно. Ведь в каждом месяце на небе появляются «свои» созвездия, сияют «свои» звезды. Из года в год ученики и учителя с особым нетерпением ждали дня, когда на горизонте вспыхнет яркая звезда Сириус из созвездия Большого Пса...

Догадался почему? «Пес» по-латыни — «канис». С появлением на небе этого самого «каниса» в школах начинались летние «каникулы», то есть по-русски — «собачьи дни».

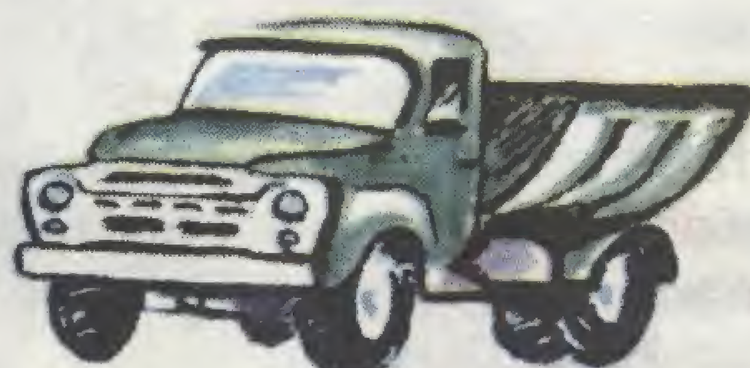

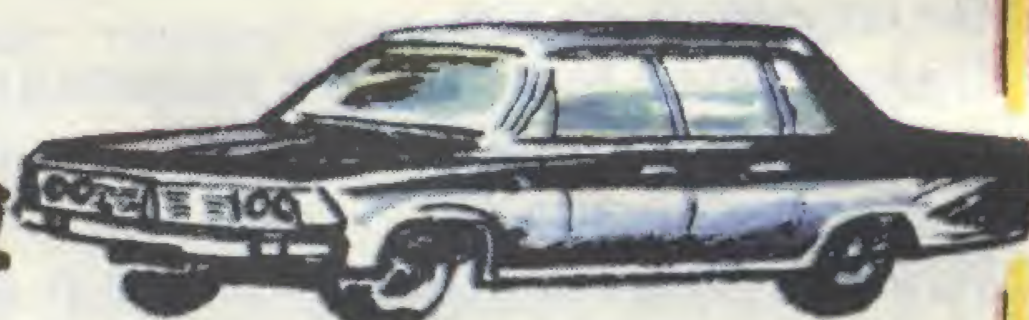

АВТОКРОССВОРД

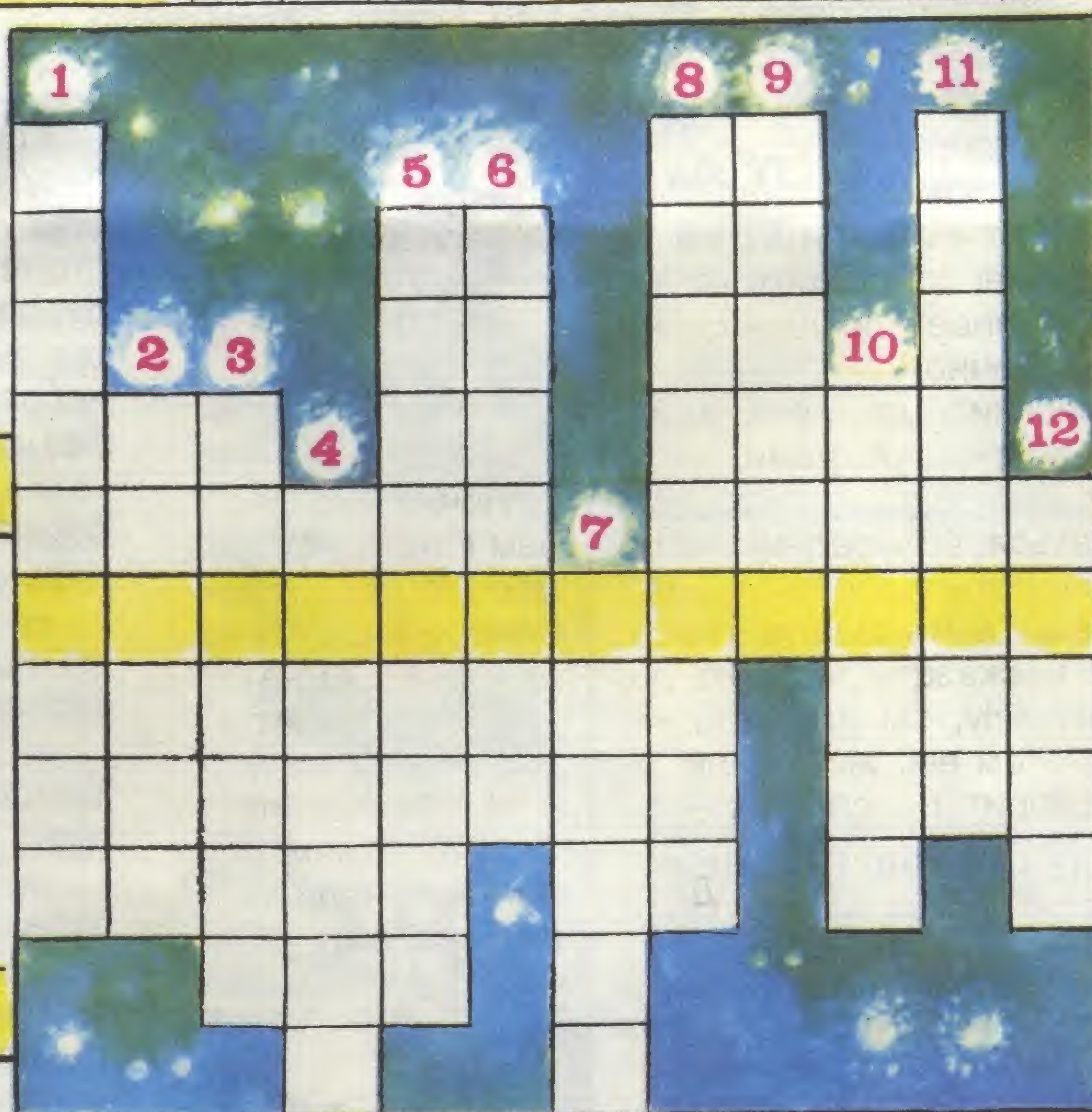
Перед тобой парад отечественных автомобилей. Знаешь ли ты их марки, названия заводов и городов, где они выпускаются? Если знаешь или хочешь узнать, то берись за наш автокроссворд. В пустые клеточки под автомобилями вписывай названия заводов (например, РАФ или КамАЗ), а в сам кроссворд — по вертикали — названия городов, где расположены эти знаменитые автозаводы. Если все будет угадано верно, в желтых клеточках — по горизонтали — ты прочтешь очень важное для водителя слово.

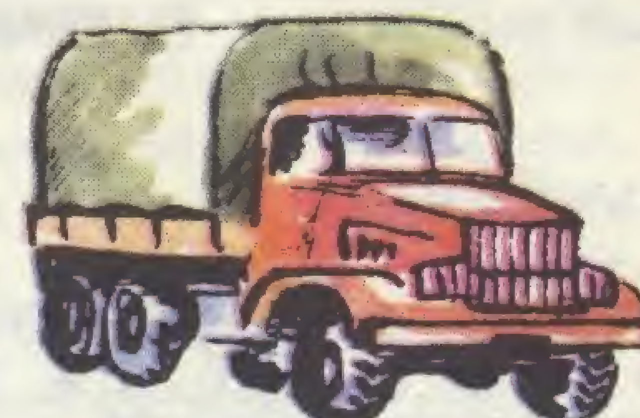
Ответы в следующем номере.

Рисунки Н. ФЕДОРОВОЙ.

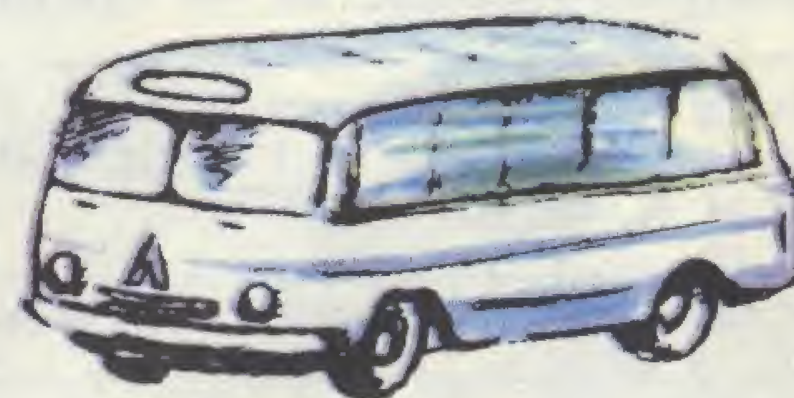

Ответы на пионерский кроссворд, напечатанный в № 6.

1. Вьетнам. 2. Афганистан. 3. Йемен. 4. Румыния. 5. Венгрия. 6. Кипр. 7. Венесуэла. 8. Ангола. 9. Монголия. 10. Куба. 11. Польша. 12. Мали. 13. Югославия. 14. Гвинея. 15. Финляндия. 16. Никарагуа.

Содержание

На обложке:
Рисунок П. Багина.

Адрес для писем: **101459, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.**
Телефон 212-14-17.

Сдано в набор 04.05.87.
Подписано к печати 19.05.87. А 03428. Формат 84 × 60⅛.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 7,44. Учетно-изд. л. 9,00.
Усл. кр.-отт. 31,16. Тираж 1 750 000 экз. Изд. № 1517. Заказ № 646.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865, Москва, А-137, ГСП, ул. «Правды», 24.

Грустный Домовенок брел по лесу, размышляя о превратностях судьбы. Все его предки столетиями жили в маленьком деревянном домике, а сейчас его снесли — решили построить небоскреб. И остался бедняга без пристанища...

— Бедный я, несчастный,— бормотал Домовенок.— Куда теперь деваться?

— Постой! — вдруг раздался голос из-за кустов.— Ты — настоящий домовой?

— Конечно! — остановился Домовенок.— Самый настоящий. Только еще молоденький.

— Я думала, домовые — страшные! — протянул тот же голос, но уже ближе.— А ты совсем не страшный, даже очень симпатичный.

Из-за кустов вышла девочка в белоснежном платье, белой панаме и с букетом большущих маков.

— Белоснежка! Вот это да! — только и смог выдохнуть Домовенок.

— Тебе, правда, жить негде?

— Угу,— кивнул он.— Я теперь бездомный.

— Не может у нас быть бездомных! С нами будешь жить. У нас как раз чердачок свободный. Тебя чердак устроит?

— Еще бы! — улыбнулся Домовенок.— Любимое место домовых. А кто это — вы, с кем я теперь жить буду?

— Понимаешь,— начала объ-

яснять Белоснежка,— коту Матроскину в городе никак с коровой было не управиться. Вот он и уговорил папу Карло, Винни-Пуха, Колобка и меня в одном доме всем вместе лето пожить. Мол, молоко от Мурки парное, воздух... Но здесь так чудесно, что, кажется, мы и на зиму останемся...

Тем более у нас работа совместная появилась. В журнале «Пионер». Советы давать будем...

Но какие именно советы, Домовенок выяснить не успел, потому что они уже пришли. Из симпатичного двухэтажного домика мигом высыпали все его обитатели.

— Прошу любить и жаловать: Домовенок! — громко объявила Белоснежка.— Он будет жить на чердаке. Никто не возражает?

— Я возражаю,— сказал Колобок.— На чердаке изо всех щелей дует, и он простудится.

— Это дело поправимое,— папа Карло уже тащил инструмент и доски утеплять чердак. Винни-Пух и Матроскин повели Домовенка осматривать большую гостиную, мастерскую, сад, огород и корову Мурку. А Колобок покатился на кухню готовиться к праздничному чаепитию.

— Надо поскорее поставить цветы в воду! — воскликнула Белоснежка, взглянув на маки.— Они уже немного завяли... Но я знаю, что с ними делать!

Секрет Белоснежки

Розы, маки, гортензии, георгины хорошо и долго стоят в вазе, если устроить им горячую ванну! Окуните кончики стеблей на две минуты в горячую воду. Потом поставьте в вазу с теплой водой. И не кладите аспирин — он все равно не продлит цветам жизнь.

Если сломался стебель, не огорчайтесь. Возьмите соломинку, из которой пьют соки или коктейли, и наколите на нее сломанный цветок. Соломинку с цветком смело присоединяйте к букету: вода поднимется по соломинке, и сломанный цветок сможет пить воду. Годится для такого дела и камышинка, и стебель бамбука, то есть любая тонкая трубочка, которая может стоять в воде.

— Я чувствую, у Колобка уже все готово,— вошел в гостиную Матроскин.

— А как ты это чувствуешь? — поинтересовался Винни-Пух.

— Носом! — фыркнул Матроскин и отправился на кухню помогать Колобку нести праздничный и сладкий РИСОВЫЙ ПУДИНГ.

Пудинг хорош тем, что его очень просто готовить и потом очень сладко есть. Берем одну треть стакана промытого риса и высыпаем в миску. Добавляем один стакан сахарного песку, две трети стакана изюма, щепотку соли, маленький кусочек — величиной с грецкий орех — сливочного масла и, если есть, чайную ложку корицы. Все перемешиваем, заливаем тремя с половиной стаканами молока, снова перемешиваем, а затем ставим миску в сильно разогретую духовку. Через полчаса вынимаем, помешиваем сверху вниз деревянной лопаточкой или ложкой и вновь возвращаем миску на ее горячее место. Так проделываем каждые тридцать минут в течение трех часов. И лишь когда содержимое миски станет похоже по виду на картофельное пюре, пудинг можно считать готовым.

Колобок очень удивился, потому что пудинг был готов быстрее, чем обычно. Но в доме, где поселился домовой, и не такое случается... К тому же, обитатели дома многое умеют: засушить цветы на зиму и сделать сумку, лепить из теста забавные фигурки и украшать комнату, готовить разные угощения и шить нарядные платья... Ну, теперь вы поняли, какие советы их пригласили давать в журнал «Пионер»? Так что, если вас интересует что-нибудь подобное, обращайтесь непосредственно к Домовенку и его друзьям.

До встречи в августе!

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Говорят члены Штаба

О Викторе Акимовиче Огневом сейчас знают все, кто серьезно занимается тимуровской, гайдаровской работой. Живет этот неутомимый человек в Казахстане и тридцать лет руководит тимуровскими отрядами, штабами.

Сегодня Виктор Акимович говорит о САМОСТОЯТЕЛЬНОМ ТИМУРОВСКОМ ДЕЛЕ.

Как защитили озеро

Может ли тимуровская команда действовать не по указке взрослого? И вообще — что такое самостоятельность ребят?

Я думаю, самостоятельность ребят прежде всего проверяется выбором дела, важного для окружающих.

Приведу такой пример.

Рядом с селом Соколовка есть озеро Лагуново. Раньше беда была с ним: и браконьеры из озера рыбу таскали, и автомашину в его водах помыть считалось обычным делом. Стало озеро мелеть, рыба исчезла — пелядь, карп.

Тогда соколовские тимуровцы решили взять шефство над «больным» озером. Организовали команду «За чистую воду».

Каждый день вели патрулирование: в бинокль наблюдали берега. Как увидят дежурные — машина у воды, садятся на велосипеды и к нарушителю: «Здесь стоять нельзя. Бензин, масло вашего автомобиля загрязняют почву, воду». Взрослые не спорят и уезжают.

Это заботы летние. А зимой соколовские тимуровцы чистят, обновляют лунки во льду, чтобы рыба дышать могла.

Одновременно над озером Лагуново шефствует ремонтный завод: из реки Ишим в озеро качает воду.

А весной ремонтный завод дает нашим тимуровцам грузовую машину, и ребята собирают с берегов деревянные обломки, резину, полиэтиленовые мешки, рваные шины, мусор.

Постепенно озеро восстанавливается.

Соколовские тимуровцы САМИ захотели защищать озеро Лагуново. Но без помощи старших, конечно, в таком серьезном деле обойтись не смогли бы.

Наверное, так и надо поступать другим ребятам: ОБРАЩАТЬСЯ КО ВЗРОСЛЫМ, когда не хватает своих силенок.

ОТ «БОЕВОГО ЛИСТКА»: а ваш отряд, штаб, команда каким делом занимаются самостоятельно? Напишите!

Тимур и его команда

В № 1 за этот год мы начали разговор о том, как РАБОТАТЬ ТИМУРОВСКИМ КОМАНДАМ СЕГОДНЯ. Продолжают этот разговор участники Всесоюзной тимуровской смены (январь 1986 г., «Артек»), которые написали рукописную книгу о современной тимуровской работе.

Пришли мы в первый раз к ветерану. Он потерял зрение на войне, а до этого был знатным хлеборобом.

Мы у него подвязывали виноград, копали огород. Потом он рассказал про свою жизнь, про книгу «Как закалялась сталь», которая помогла ему не сдаться. Мы песни попели, просто так посидели, поговорили. Когда мы уходили, дедушка расплакался.

Теперь мы ежедневно бываем у него.

Алексей Трегуб, школа № 8,
с. Русское, Ставропольский край.

* * *

Места у нас глухие. Кругом лес. А зимой без лыж и вовсе не пройдешь. Недалеко от нашей школы есть маленькая деревушка. Живут в ней наши друзья — ветераны. Жителей всего 9 человек. Часто после уроков мы ходим к ним, носим продукты, воду, дрова, расчищаем дорожки, делаем ступеньки и проруби. Наша агитбригада устраивает для ветеранов концерт.

Юля Амахина, ученица 6-го класса,
Няндомский р-н,
Архангельская область.

* * *

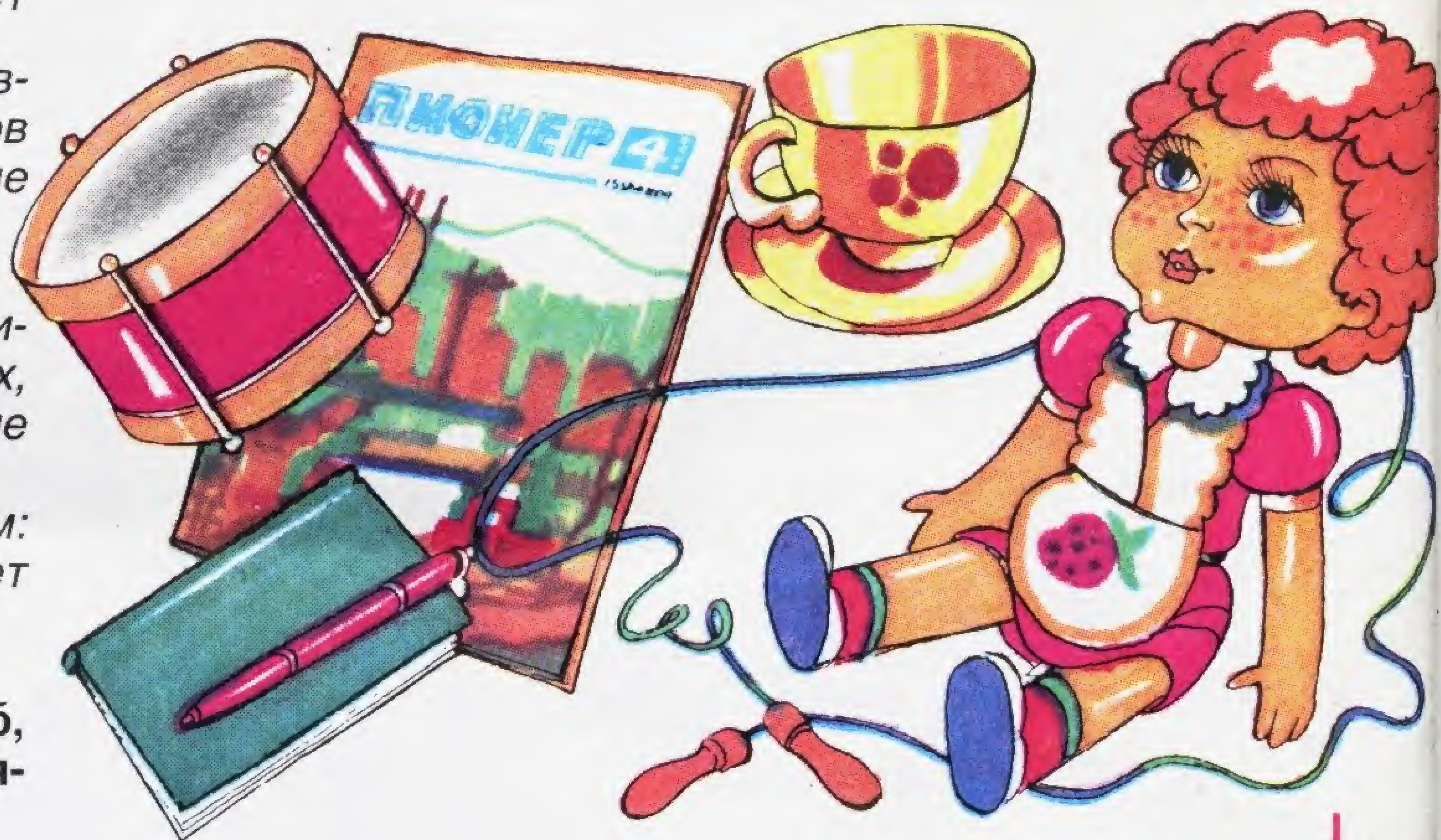
Есть ребята, которые лежат в больнице по шесть-семь месяцев. Им нужны тетради, ручки, малышам — игрушки. Мы собираем все это и приносим в больничные палаты. Ребята сразу перестают грустить и плакать.

Дмитрий Яцентюк, г. Москва.

Что тебе необходимо?

Дорогой друг! На рисунке ты видишь различные вещи. Напиши в «Боевой листок», какие из них тебе необходимы для работы в тимуровском штабе, отряде, команде. Объясни, почему ты выбрал именно эти вещи.

Ждем ответа! На конверте напиши: «Боевой листок».

Цена 30 коп. Индекс 70694.